

ДИНАСТИЯ

Вып.5

НОГАЛЛЕР

Рязань, 2014

Александр Ногаллер

МОЯ ЖИЗНЬ (Воспоминания)

Детство

Я родился 22 мая 1920 года в санитарном поезде вблизи большой железнодорожной станции Лозовая около Харькова. Это были годы Гражданской войны. На Украине часто менялась власть - белые, красные, махновцы, петлюровцы, григорьевцы и прочие банды. Смена власти нередко сопровождалась грабежами, погромами и убийствами.

В детстве и юности люди обычно редко интересуются своими предками, историей их жизни. Так и я не удосужился расспросить свою мать об обстоятельствах их срочной эвакуации из района боевых действий. Знаю только, что она видела батьку Махно, беседовала с ним и он произвел на нее хорошее впечатление. Забегая вперед, интересно отметить следующий эпизод. Мне много раз говорили, что я похож на отца внешностью, характером, памятью и близорукостью. В том же поезде ехала врач, по фамилии Коган, если не ошибаюсь, которая знала моего отца и о моем рождении.

В 1944 году, когда я был уже в армейском госпитале на фронте, ко мне подошла врач-майор и спросила: "Вы - Ногаллер?" Я ответил: "Да, а откуда Вы знаете?" Эта женщина мне сказала: "Вы так похожи на своего отца, которого я знала, когда ему было столько же лет, сколько Вам сейчас. Вначале я даже подумала, не он ли это, потом сообразила, что это должен быть сын, о рождении которого в поезде я знала".

Свою подвижность и пристрастие к поездкам, командировкам и даже переездам я в дальнейшем оправдывал, в шутку, конечно, своим рождением в поезде. Оформили мое рождение в Харькове, откуда, впрочем, родители вскоре переехали в Москву. Так что свой родной город я посетил впервые в 1978 году, приехав в качестве докладчика на Всесоюзную конференцию терапевтов.

Родословную свою я знаю плохо, особенно по линии отца. Его сестра, тетя Циля, говорила, что у них в роду было 22 раввина, чем она очень гордилась.

Ее отец, а мой дедушка, Генрих Ногаллер, родился в Курляндии (а, может быть, в Лифляндии) на границе Восточной Пруссии и Литвы. Эта область в конце XVIII века (1795 г.) вместе с Литвой отошла к России.

Дедушка жил в Каунасе и Вильнюсе, а последние годы жизни в Риге, где имел небольшую фабрику текстильных изделий. Знаю об этом потому, что в 30-е годы, когда жизнь в СССР, в том числе и в Москве, была трудная, мать пыталась официально, через соответствующие инстанции, получить от Генриха Ногаллера помощь для двух внуков (отец уже в это время был в больнице хроников).

Дедушка Генрих Ногаллер (19 век)

Но ей было сообщено, что Г. Ногаллер средств для оказания помощи не имеет (он был разорен). Тетя Циля об этом говорила еще раньше, из-за чего она долгие годы была в ссоре с моей мамой.

Дедушка в Россию никогда не приезжал, внуками не интересовался, переписки с отцом у него тоже не было.

Моя бабушка Фредерика Ногаллер (урожденная Тальрозе), умерла в 1925 году, в этом же году родилась в Москве моя сестра, которую в память о бабушке назвали необычным именем - Фредерика.

Бабушка Фредерика Ногаллер (урожденная Тальрозе)

Дедушка потом женился вторично, и от этого брака родились еще две мои тети – Нюта, жившая в Москве и вышедшая потом замуж за венгерского коммуниста Фонио, эмигрировавшего в СССР после разгрома венгерской революции в 1919 году, и младшая - Шура. Дедушка Ногаллер вместе со второй женой и младшей дочкой погиб в нацистском концлагере Саласпилс под Ригой.

В 1986 году, будучи в Риге, я посетил мемориальный комплекс на месте бывшего концлагеря, но никаких сведений об именах погибших там людей не сохранилось.

Мой отец, Михаил Генрихович Ногаллер, родился в 1895 году. Окончив гимназию, он поступил на юридический факультет Петербургского университета. Не уверен, что ему удалось его окончить, так как началась Первая Мировая война, а затем и Гражданская. Во время Гражданской войны он был комиссаром.

Отец Михаил Ногаллер

После ее окончания родители приехали в Москву в 1921 году, где отец вначале преподавал историю в Высшей школе ВЦИК (ныне артиллерийская академия им. Верховного Совета), находившейся и тогда, и теперь на территории Кремля, как раз напротив нынешнего Кремлевского Дворца съездов.

В дальнейшем он работал ученым секретарем Государственного Ученого Совета (ГУС), который объединял тогда функции будущих Министерств (Наркоматов) Просвещения и Высшей Школы, т.е., занимал довольно высокий пост. Председателем этого Совета был видный общественный деятель Анатолий Васильевич Луначарский. В годы Гражданской войны отец перенес эпидемический энцефалит - инфекционное заболевание, осложнившееся паркинсонизмом. Это заболевание выражается в прогрессирующем дрожании рук вначале с одной стороны, затем с обеих ног, головы, языка, а затем и всего тела. Изменяется походка, затем человек теряет возможность самостоятельно передвигаться и принимать пищу. В первые годы своей болезни отец еще работал. В 1928 году мы в первый и последний раз выехали всей семьей на Азовское море, в Мариуполь, куда нас пригласил знакомый отца - профессор. Тогда я впервые увидел море, песчаный берег, в песке которого можно было валяться, закапываться и строить замки. Это впечатление сохранилось у меня в памяти до сих пор. Питались, или как тогда говорили, столовались мы у одной женщины, которая частным образом готовила обеды на 10-12 человек. От отца мне достались старинные шахматы из грушевого дерева, в которые он научил меня играть еще до школы. Как рассказывал мне впоследствии профессор Е.К. Сепп, в последние годы своей работы отец не мог записывать заседания ГУС, но он настолько точно запоминал все выступления и затем диктовал машинистке, что они все удивлялись

его памяти. Все же к концу 1929 года он уже не смог работать и стал получать республиканскую персональную пенсию, для получения которой нужно было три ходатайства. Насколько я помню со слов матери, за него ходатайствовали О.Ю. Шмидт, М.Н. Покровский и сама Н.К. Крупская (жена В.И. Ленина).

В 1932 году отца поместили в специальную больницу для хронических больных. Эта больница находилась примерно в 20 км от Москвы и ехать до нее надо было поездом до станции Лианозово от Савеловского вокзала. Вначале я ездил к отцу в больницу с мамой или дедушкой Яковом. Но как-то случилось, что по какой-то причине меня не взяли с собой, а я хотел навестить отца, ибо он всегда радовался моему приходу. Дорогу я уже знал и решил поехать самостоятельно на трамвае, затем поездом и еще минут 20 пешком. Мне очень досталось за такое самовольство, ибо мне тогда было не более 12-13 лет. После этого случая мне разрешалось уже самому отвозить передачу в больницу.

Более 7 лет отец прожил в больнице хроников, прикованный к постели, не в состоянии ни есть, ни читать, но полностью сохранивший трезвый ум и память. Иногда он на память читал стихи или мудрые высказывания, латинские поговорки, вроде "Я мыслю, значит, я существую» (Cogito, ergo sum). У меня стоит перед глазами огромная палата человек на двадцать, все койки заполнены неизлечимыми больными разных возрастов, почти все не в состоянии самостоятельно передвигаться. Как сейчас, вижу двух мальчишек с огромными головами вследствие водянки мозга. У одного из них, когда он сидел, голова находилась на специальной подставке, ибо сам он держать ее не мог. За годы своей полувековой врачебной практики я подобных больных больше не видел. Такого рода больницы для хронических, неизлечимых больных в дальнейшем были ликвидированы. В те времена лечить больных с дрожательным параличом (паркинсонизмом) совсем не умели и в 1940 году, то есть на 45-м году жизни отец мой скончался.

Сестра отца, Циля Генриховна, была моложе его на 2 года. Она очень его любила, эта любовь передалась и ко мне. Хотя ее отец и говорил, что у нее нет, к сожалению, специальности, ибо знание немецкого языка - это еще не профессия, она всю жизнь проработала преподавателем немецкого языка на кафедре иностранных языков 2-го Московского мединститута.

Тетя Циля вышла замуж за Павла Рыбакова, видного партийного работника. Он был репрессирован уже в начале 30-х годов и вскоре пропал без вести, как многие в те годы. Я помню его веселым, молодым человеком, игравшим со мной и вешавшим мне и себе на уши, нос, голову различные игрушки или предметы. От этого брака родилась дочь Ира Рыбакова, мы какое-то время поддерживали дружеские отношения, а после моего отъезда из Москвы отношения, к сожалению, прервались. Она стала журналистом, работала на радио. Тетя Циля вторично вышла замуж за Николая Николаевича Петрова, который работал в Министерстве здравоохранения главным (а может быть, не самым главным) санитарным врачом. Именно с ним я советовался, поступать ли мне в медицинский институт. В 1938 году он тоже был арестован и сослан в Сибирь, вначале без права переписки, затем - раз в месяц. В последние годы ссылки ему разрешили свободное проживание без права выезда. Он вернулся в Москву лишь в 1955 году, т.е. через 17 лет, в период "хрущевской оттепели" или эпохи "великого реабилитанса", как тогда говорили. Все эти 17 лет тетя терпеливо ждала мужа, регулярно высылала ему посылки и деньги. Но, когда он возвратился в Москву, оказалось, что у него есть другая женщина из Сибири. Дальнейшую его судьбу я точно не знаю, но говорили, что он вскоре умер, то ли в Москве, то ли, вернувшись в Сибирь. Тетя Циля прожила в Москве до глубокой старости. Муж тети Нюты, Фолио, занимался литературным трудом, переводил с русского на венгерский и наоборот, был членом Союза писателей СССР. В первые месяцы войны он, как и многие интеллигенты, не подлежавшие призыву на военную службу по своему возрасту, добровольно вступил в народное ополчение, где вскоре и погиб. Это ополчение, по аналогии с войной 1812 года, должно было способствовать обороне Москвы. Ополченцы строили противотанковые рвы и заграждения, окопы и дзоты (долговременные заградительные огневые точки). Но фашистские войска очень быстро приблизились к Москве и многие тысячи ополченцев, не имея военной подготовки, плохо одетые и обутые, не возвратились домой, погибнув от вражеских бомб или снарядов. Об обстоятельствах гибели Фолио мне неизвестно. Большинство родственников по линии матери, которых я знал, проживали в Москве, хотя родом они были из Литвы и Белоруссии. Дедушка, Яков Юльевич Клебанский, преподавал русский язык, а возможно,

и другие предметы в еврейской школе - хедере. Его родню я совсем не знаю. Моя бабушка, Анна Львовна, урожденная Гутсон, имела много братьев и сестер, из них несколько человек дожили до старости. Дедушка с бабушкой жили недалеко от Садово-Триумфальной площади (ныне пл. Маяковского) на 4-й Тверской-Ямской улице, напротив дома, где жил их сын Михаил. Я довольно часто в школьные годы навещал их, особенно еще и потому, что любил общаться с моим старшим двоюродным братом - тоже Сашей, который был старше меня на шесть лет. Из воспоминаний о дедушке сохранилось лишь его посещение нашей квартиры, когда он со мной занимался, диктуя тексты и проверяя грамотность. К сожалению, это было лишь несколько раз. Я любил эти диктанты и просил его приходить чаще. Я тогда учился в 6-м или 7-м классе. Позже я пытался несколько раз всем своим внукам предложить свои услуги для диктанта, но никто не выразил желания или согласия.

О бабушке воспоминания сохранились преимущественно из-за того, что она часто принимала какие-то капли (для глаз, йод от склероза в восходящих и нисходящих дозах, и не дай Бог ошибиться на каплю) - так тогда было принято лечить стариков. Помню также наши приезды в Кашин, где жили два брата бабушки - Израиль и Эммануил. Мы дважды уезжали туда во время каникул на все лето втроем (бабушка, сестра и я) и один раз вчетвером - с больным папой. Как я теперь понимаю, это было героическим поступком со стороны не молодой уже бабушки - все лето заботиться о двух маленьких детях и больном зяте. Справедливости ради должен отметить, что я был дисциплинированным ребенком, уходил на речку или в лес всегда только после разрешения и охотно выполнял все ее поручения: принести в ведрах воды или купить хлеб и т.д. При этом я любил отрапортовать: "Есть принести воды", что бабушке очень нравилось и она (со слов сестры, я сам это не помню) называла меня золотым мальчиком. У бабушки было шесть детей с разницей примерно в два года. Как вспоминала о ней моя мама, когда ей надо было позвать кого-либо из детей или за что-либо отругать, она начинала перечислять все имена, прежде чем дойдет до того, кто ей нужен. Теперь в технически развитых странах редко встретишь в одной семье не только скромного учителя, но и в более состоятельных, по 6 человек детей. Скончался дедушка в 1939 году, а бабушка - в возрасте около 80 лет во время

Отечественной войны в эвакуации в Таджикистане, куда она выехала вместе с семьей дяди Миши.

Мать – Юдифь Клебанская.

Моя мать, Юдифь Яковлевна, родилась в 1896 году в Каунасе, в Литве. Она вышла замуж за друга своего младшего брата Гриши, который учился вместе с моим будущим отцом в гимназии, а затем в Петербургском университете.

Мать Юдифь Клебанская

В июне 1925 года родилась моя сестра Фредерика, или сокращенно Рика. Все окружающие, в первую очередь брат мамы Миша, называли эти роды безумием, так как время было трудным (а когда оно в России было легким?), а муж был неизлечимо болен.

С сестрой Фредерикой (Рязань, 1970)

С сестрой Фредерикой, г. Рязань, 1970 г.

Теперь мне трудно даже представить, насколько иначе сложилась бы моя судьба, если бы я не имел всегда второй родной приют в Москве, в гостеприимном доме сестры. Посещая Москву и живя в семье Фредерики, я написал много книг и статей, особенно в последние годы, за что бесконечно благодарен ей.

По профессии мама была библиотекарь, окончила в тридцатые годы библиотечный техникум и почти все годы проработала в одном месте - зав. технической библиотекой в "Стальпроекте". Она была красивой, хорошо сложенной веселой женщиной. Мне вспоминаются ее колыбельные и другие песни, которые она любила напевать во время своей домашней работы. Несмотря на трудную жизнь, она живо всем интересовалась. В 1932 наша мама тяжело заболела пернициозной или злокачественной анемией (малокровием). Злокачественная болезнь называлась так потому, что обычно заболевшие этой формой малокровия погибали в течение 1-2 лет. Однако, в 1929 году американские врачи Майнот и Мэрфи опубликовали свои наблюдения над больными с этим заболеванием, которые выживали, если они употребляли в пищу сырую печень или сырое мясо. Это открытие было, пожалуй,

единственным в медицине, когда вначале нашли метод лечения, а в дальнейшем изучили причины и механизм лечебного влияния этого средства. Теперь больных с этим заболеванием уже не заставляют есть сырую печень, а вводят экстракты печени или витамины В₁₂ и В₉, и это заболевание перестало быть злокачественным. После этого открытия Майнот и Мэрфи многие болезни начали лечить употреблением сырых органов (например, больных с заболеванием сердца кормили сырым сердцем рогатого скота), но во всех этих случаях, кроме злокачественной анемии, лечение оказывалось неэффективным. Наше счастье, что московские врачи – гематологи следили за иностранной литературой и своевременно назначили нашей маме сырую печень. По специальной справке мама получала (или покупала) каждую неделю сырую печень непосредственно на бойне. Ввиду дефицита продуктов вообще, а мяса в особенности (это был период коллективизации, когда в Поволжье, на Украине и во многих других районах страны свирепствовал голод), не только мама, но и я с сестрой частенько ели сырую или слегка поджаренную и измельченную в виде пюре (так рекомендовали врачи) печенку, и этот вкус, отнюдь не из приятных, у меня до сих пор во рту. Тем не менее, надо благодарить судьбу за это открытие Майнота и Мэрфи. Сделай они свое наблюдение несколькими годами позже, остались бы мы с сестрой круглыми сиротами, и как бы сложилась наша судьба, никому неизвестно. Так что уже за это надо благодарить Бога, ибо, как бы ни было трудно маме одной воспитывать двух детей, для нас это было все же счастье по сравнению с жизнью у родственников или в детском доме. В марте 1966 года она перенесла повторный инфаркт миокарда, протекавший атипично, без резких болей, но с рвотой (в медицине это называют абдоминальной или брюшной формой). Приехавший врач скорой помощи назначил ей промывание желудка, поставив диагноз "пищевое отравление". После промывания желудка она почувствовала себя даже лучше и беседовала с врачом о том, как протекает полет космонавта. Но вскоре ее состояние ухудшилось, сестра позвонила мне в Астрахань, а я перезвонил своей знакомой, тогда ассистенту, а впоследствии профессору терапевтической клиники 1-го Московского медицинского института З.Г. Апросиной. Зинаида Георгиевна установила диагноз "инфаркт миокарда" и при содействии главного терапевта Москвы профессора А.С. Сметнева ее доставили в тяжелом состоянии в

клинику 1-го Московского мединститута, где она вскоре скончалась, не приходя в сознание. С одной стороны, для нее, это была легкая смерть, не сравнимая с тяжелой болезнью отца или других людей. Но для нас ее кончина была неожиданной и преждевременной.

Здесь мне кажется уместным вспомнить о судьбе ближайших родственников мамы.

Самый старший ее брат Саша Клебанский отличался большими способностями и сумел до революции окончить медицинский факультет Сорбонского университета в Париже. Затем он вернулся в Россию и служил в армии. Во время гражданской войны, работая врачом на Украине, он заразился сыпным тифом и умер в возрасте 30 лет в 1919 году. В память о нем меня называли тоже Александром.

Другой брат мамы, Михаил Клебанский, до глубокой старости проработал юристом или юрисконсультom в различных учреждениях. Он считался самым авторитетным и удачливым в семье, а его квартира казалась, по тем временам, очень обширной и богатой. Она состояла из двух относительно просторных смежных комнат, одна из которых выходила в коридор. Там же были выходы в небольшую кухню и чулан, превращенный в дальнейшем в дополнительную комнатку. В этой квартире была еще одна комната, в которой проживала одинокая соседка, а также общий туалет и даже ванная комната, что считалось тогда вообще роскошью. Дядя Миша имел двух сыновей: Александра и Виктора. Первый стал инженером, имел одного сына. Он был жизнерадостным, общительным и остроумным человеком. Он рано перенес инфаркт миокарда, а от повторного инфаркта скончался в возрасте около 60 лет. Другой сын дяди Миши Виктор стал профессиональным военным, химиком, дослужился до звания полковника, преподавал в последние годы на военной кафедре Саратовского университета и скончался тоже от инфаркта. Дядя Миша дожил до 93 лет, сохранив до последних лет своей жизни здоровый ум. После смерти сына Саши он жил со своей невесткой Зиной. В последнее время он полностью ослеп, не мог себя обслужить, и был помещен в гериатрическую больницу, где очень быстро скончался. Младший брат мамы Гриша был преуспевающим юристом, занимался уголовными делами и проживал в престижном районе Москвы - в одном из переулков Арбата. Судьба его сложилась трагически: он был убит ночью

своим соседом, психическим больным, каким он был признан на суде и отправлен на принудительное лечение. Преступник не только убил дядю, но нанес удары топором по голове его жене и дочке. Они обе выжили, но жена покойного дяди Гриши, тетя Дуся, после тяжелой травмы лишилась речи, которая затем частично восстановилась, но шрам на лице и голове был очень заметен.

Мамина младшая сестра Генриетта (тетя Геня) перенесла в детстве ревматизм, осложнившийся тяжелым митральным пороком сердца. По профессии она была экономист, но к годам пятидесяти уже превратилась в инвалида, с выраженной одышкой, отеками и водянкой живота. Такой мне она особенно запомнилась, когда я навещал ее в Боткинской больнице в Москве уже будучи врачом. У дедушки с бабушкой Клебанских было пятеро взрослых детей (еще один умер в детстве). По воле судьбы, Бога или провидения у кого-то из них была более удачная жизнь, но тяжелая старость или смерть, у других тяжелая жизнь и легкая кончина. Как знать, что лучше. По Пушкину, "Счастлив, кто смолodu был молод, счастлив, кто вовремя созрел". Надо бы добавить "и вовремя умер легкой и скорой смертью". Из других родственников по материнской линии хотелось бы упомянуть ее двоюродную сестру тетю Женю (Евгению Федоровну) и ее мужа Мирона Акимовича Лясса, которые пользовались у нас в семье большим уважением и симпатией. Тетя Женя была прекрасным детским врачом. К ее советам мы не раз прибегали, когда у меня появились свои дети. Она работала в Кремлевской больнице, а ее услугами для лечения своих детей и внуков пользовались очень многие видные политические деятели, близкие к правительственным и высшим военным кругам. Это явилось причиной ее ареста в 1952 году, в период так называемого "дела врачей", о чем речь будет ниже. К счастью, в заключении она была относительно недолго, а после смерти Сталина была реабилитирована, освобождена и восстановлена на прежней работе. Однако спустя несколько лет она скончалась, не дожив до пенсии. Ее муж, Мирон Акимович Лясс, был профессором - терапевтом, перед войной заведовал кафедрой терапии в Иркутском медицинском институте. Тогда было принято, что каждый врач, ассистент или доцент кафедры, защитивший докторскую диссертацию, для получения профессорского звания, обязан был проработать какой-то срок на периферии. Теперь на одной московской или петербургской кафедре могут работать по 5

и 10 профессоров, а ранее был только один профессор в клинике. М.А. Лясс оказал на меня значительное влияние при выборе профессии и был для меня образцом для подражания. Во время войны М.А. Лясс был главным терапевтом Карельского фронта, после ее окончания работал вновь профессором в Москве, но вскоре скоропостижно скончался от инфаркта миокарда, не дожив до 50 лет. Единственный его и тети Жени сын, Федя Лясс, стал видным профессором - радиологом, возглавлял отделение в Институте нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко в Москве, издал в соавторстве учебник по радиологии для студентов.

Семья Клебанских – Ногаллер (Москва, 1945)

Опуская рассказ о других родственниках по материнской линии, отмечу только, что среди них были врачи, педагоги, инженеры, профессиональные военные и бухгалтера - экономисты.

Быть может, для молодых читателей описание всех близких и дальних родственников покажется малоинтересным, но их судьба в той или иной степени отражает эпоху, подобно капле воды, отражающей окружающий мир.

Наиболее яркие детские впечатления связаны с пребыванием в Страстном монастыре.

Страстной монастырь

После революции Советская власть начала постепенно усиливать борьбу с религией – «опиумом для народа», как тогда говорили. Многих священнослужителей, не признавших Советскую власть, арестовывали и высылали в дальние края. Согласившихся работать для новой власти, оставляли на месте, но обязывали выполнять ту или иную трудовую повинность. Женский монастырь на Страстной площади (ныне пл. Пушкина) занимал пространство от Тверской улицы (точнее, 1-й Тверской-Ямской, а позднее ул. Горького) до Б. Дмитровской улицы - одно время ее называли Пушкинской (примерно, на том месте, где теперь располагается памятник Пушкину со сквером и кинотеатр "Россия"). При отделении церкви от государства и выселении части священнослужителей освобождались квартиры, так же, как и за счет уехавших или выселенных буржуа, фабрикантов и прочих состоятельных людей. Семья моего отца получила квартиру в Страстном монастыре, относительно недалеко от Кремля, где в артиллерийском училище он и преподавал. Квартплату родители вносили первое время матери-игуменье. Монастырь был окружен подобно старинным крепостям широкими стенами, на которые мы, мальчишки, любили залезать. В центре стены, выходящей на Тверскую улицу, были ворота, над которыми возвышалась колокольня. В первые годы нашего там проживания колокола еще звонили, затем перестали.

В центре монастыря стояла большая церковь, а по окружности одно- и двухэтажные дома, служившие ранее кельями для монашек, а затем квартирами для поселяемых туда жильцов. Во дворе росло много лиственных деревьев, яблонь и груш, а у нашего подъезда рос ветвистый дикий виноград, не дававший плодов, но разросшийся почти до второго этажа. Во дворе монастыря было

много травы и цветов, площадок, на которых ребята играли в городки, лапту, волейбол или другие игры (прятки, салки и пр.). Зимой маленькие детишки катались по дорожкам на коньках, санках или лыжах. В одном из зданий монастыря находилась столовая Коммунистического университета трудящихся Востока, а его учебное здание располагалось снаружи монастыря, вблизи редакции "Известий". В столовую учащиеся шли через двор монастыря, а детишки любили, усевшись на санки и протягивая веревку проходящим (китайцам, японцам, монголам, реже неграм), просить: "Дяденька, прокати", что они нередко охотно выполняли. Квартира наша располагалась на первом этаже, в конце небольшого коридора, куда выходили еще двери двух комнат, в которых жили монашки. Они были приветливы к нам, детям, угощали на Пасху куличом, крашенными в самые разные цвета яйцами, а также пасхой (сладкое творожное пюре). В самой нашей квартире был маленький коридор, из которого направо вели две двери - в кухню и детскую, а налево была дверца печки и далее небольшая комната, служившая одновременно столовой и спальней родителям. В небольшой детской размещался шкаф и две кровати. Лежа в своей кровати, я мог, когда стал постарше, читать через окно бегущие строки - объявления на крыше здания "Известий". Это рекламное устройство до сих пор существует, хотя содержание, конечно, иное. В тридцатые годы рекламировались соя "Кабул" и соя "Восток", монпансье (леденцы), объявления типа "А я ем повидло и джем", "Кто куда, а я в сберкассе", "Нигде, кроме как в Моссельпроме" и т.д. Комнаты отапливались дровами, которые хранились в сараях во дворе. В центре монастыря находилась большая церковь. В ней были мощи какого-то святого в застекленном гробу, множество икон, скульптур, в том числе Христа, ноги которого подходившие люди целовали, перекрестясь. Я тоже не раз проделывал эту процедуру, но затем мне мать это запретила, исходя только из гигиенических соображений. Перед церковью в воскресные дни было множество нищих, калек, юродивых. Вспоминается также праздничный крестный ход вокруг церкви с хоругвями, крестами и множество людей. Это все было в двадцатые годы, затем церковные службы запретили, и нищих не стало, еще позже церковь переоборудовали в антирелигиозный музей. А в 1936 году весь монастырь снесли, на этом месте разбили сквер, перенесли сюда памятник Пушкину, построили кинотеатр "Россия".

В памяти сохранились имена соседей, у которых были дети, с которыми я чаще, чем с другими играл.

В соседнем одноэтажном доме жила семья Маковских. Дружба с Юлием Маковским (в детстве Гошиком) сохранялась у меня до его кончины. И в те времена (детские, школьные), и в послевоенные годы, и в старости мы часто общались, дружили семьями. О Юлии я буду еще не раз вспоминать. Почему-то запомнился мне эпизод, когда я был у Маковских в гостях и старшая сестра Юлия - Мирра принесла "чудо техники" того времени – детекторный радиоприемник в стеклянной коробочке. При помощи тонкой иглы, упирающейся в кристалл на дне коробочки, а другим концом соединенной с наушниками, можно было слышать человеческую речь или музыку. Лишь много лет спустя появились громоздкие ламповые, а затем полупроводниковые радиоприемники. О Борисе Абрамовиче Маковском, работавшем в Наркомате Речного флота и дослужившегося до должности начальника Главка, моя мама всегда говорила: "Маковский - это голова". Сам же Борис Абрамович, когда я был еще в старших классах школы, называл меня профессором, что меня очень удивляло и смущало.

По соседству жила семья Мееровичей, с дочерью которых, Наташей, я особенно часто играл в дошкольные годы. Она была старше меня на два года, и ей поручалось вытирать мой нос, когда из него текло. В детстве я был довольно сопливым мальчишкой, пока мне не сделали операцию по удалению аденоидов (полипов в носоглотке). По профессии отец Наташи был юрист, а мать из аристократической семьи. Мне больше запомнилась бабушка, говорившая по-французски и учившая нас хорошим манерам, в частности, правильно ставить ноги при ходьбе. Отец Наташи был веселым, остроумным человеком, любившим рассказывать анекдоты. Очень возможно, что это его и погубило, ибо в конце тридцатых годов он был арестован и уже больше не вернулся. Брат Наташи Юрий был моложе ее лет на пять, он отлично учился в школе. Он погиб во время войны.

Дружил я также с семьей Лимчеров. А дружба с Андреем, моих лет, так же, как и с Юлием, сохранилась до старости. Глава семьи Леонид Федорович был из семьи обрусевших немцев, отличался высоким ростом, светлыми волосами и голубыми глазами. Он был врач по профессии, работал в московских клиниках и принимал участие в двух экспедициях на Северный полюс, в том числе

вместе с известным полярным исследователем академиком О.Ю. Шмидтом на ледоколе "Седов". Леонид Федорович сыграл большую роль в моей жизни.

На втором этаже нашего дома, но с подъездом на противоположной стороне, проживала также семья доктора Залкинда - военного врача, с двумя дочерьми – старшей, по прозвищу Муха, моего возраста, и более младшей, Белки. Я дружил в основном с Мухой, в школьные годы мы даже ездили вместе на каток. После сноса Страстного монастыря в 1936 году эта семья переехала в район Кировской улицы, но вскоре глава семьи был репрессирован и судьба семьи осталась мне неизвестной.

Наши окна граничили с окнами мадам Каплан, так ее почему-то все называли. Эта была полная женщина, у нее было двое сыновей - мальчишек, старше меня, по имени Беба (Борис) и Лазя (Лазарь). Их отец погиб в Гражданскую войну. Поскольку двери наших квартир находились с противоположных сторон, мы общались преимущественно через окна. В гости друг к другу ходили летом в основном через окна, за что нам попадало, т.к. неизбежно приносили грязь. Оба брата погибли в годы Отечественной войны.

Дружил я также с Сергеем Кохом, Павлом Вороновым, но после разрушения монастыря связь с ними прервалась и об их судьбе я не знаю.

Из воспоминаний дошкольного возраста сохранились посещение спектаклей "Синяя птица" во МХАТе, цирка "Уголок Дурова", ныне театра зверей им. В.Л. Дурова. Причем в антракте сам Владимир Леонидович Дуров, родоначальник знаменитой семьи дрессировщиков и цирковых театральных представлений с участием зверей, навестил семью отца в ложе театра.

Вспоминается также детский утренник, где мне пришлось исполнять танец умирающего лебедя под музыку Сен-Санса, для чего меня облачили в соответствующую белую бальную одежду и довольно долго тренировали.

Незадолго до моего поступления в школу отец отвел меня в московскую консерваторию, где персонально у меня проверили музыкальный слух и перспективу обучения музыке. Еще сейчас помню, как меня поставили спиной к роялю, преподаватель нажимал клавиши и просил меня повторить звук и назвать его - до, ре, ми, фа и т.д. А я понятия не имел о нотах, ибо дома у нас не было пианино, и никто ранее меня нотам не обучал. Затем у меня

проверили гибкость пальцев, придавив большой палец к предплечью, после чего у меня очень долго болела кисть. Отцу не посоветовали делать из меня музыканта, и в этом отношении мне очень повезло. Я сохранил любовь к музыке в качестве слушателя и неизвестно, любил бы я посещать концерты, если бы меня насильно в детстве заставляли учиться играть на скрипке или другом инструменте.

Все дошкольные годы вспоминаются преимущественно как жизнь во дворе монастыря. Велосипед тогда еще редко у кого из детей был, но все же мне удалось научиться кататься на чужом велосипеде. Свой у меня появился лишь в 30 лет в Ессентуках. Появление у кого-то из жителей мотоцикла было для ребятишек большим событием. Мотоцикл часто не заводился и мы всей гурьбой его толкали чуть ли ни по всей территории монастыря, пока не включался мотор.

Как большое событие вспоминается поездка на трамвае. В то время трамваи ходили почти по всем главным улицам, в том числе по Тверской улице и вдоль бульваров - линия А ("Аннушка"). В них всегда было полно народу и люди часто висели на подножках, т.к. двери тогда еще автоматически не закрывались. Возможно, поэтому старые москвичи привыкли спрашивать в транспорте у соседей "Вы сходите?", тогда, как теперь говорят "Вы выходите?". На прицепах вагонов часто висели мальчишки или парни постарше, а номер приближающегося трамвая можно было узнать в темноте по разным цветам ламп переднего вагона.

В одно время у нас была няня, молодая девушка из деревни (в то время многие из деревень приезжали в Москву на заработки). У няни этой был ухажер - вагоновожатый трамвая. Это была уважаемая должность, вроде теперешнего пилота в самолете или космонавта. Я был очень рад и горд, когда меня несколько раз прокатили по всей Тверской в кабине вагоновожатого. Эти поездки запомнились мне на всю жизнь, но мать их не одобряла и запретила.

Из важных событий того времени вспоминается демонстрация вдоль Тверской улицы в 1927 году со знаменами и лозунгами. Мы, ребятишки, выбежали на улицу и с интересом глазели, не понимая, конечно, сути происходящего. Об этой демонстрации потом взрослые часто вспоминали, ибо эта была демонстрация в поддержку Троцкого. Это имя нам было хорошо знакомо, как и имя

Ленина, Ворошилова, Буденного и других вождей и героев революции. Но никто не мог знать, что после этой демонстрации начнутся преследования троцкистов и массовые репрессии.

Школьные годы

В те годы в школу поступали обычно с 8 лет, но отец записал меня в 7 лет. Так что я был самым маленьким в классе и по росту, и по возрасту. Школа моя находилась в переулке, не доходя Самотечной площади. Чтобы добраться до своей школы, надо было пройти по улице Чехова (тогда Малая Дмитровка), пересечь Петровку и по Б. Каретному переулку дойти до нее, т.е. проделать немалый путь пешком. Не помню, как в первые дни, но уже в первом классе совершал я этот путь в свои 7 лет самостоятельно, благо в те времена не было столь интенсивного дорожного движения, как теперь. Иногда за мной заходил мой одноклассник Геннадий Затейщиков, который был чуть старше по возрасту, значительно выше по росту и, вероятно, по разуму. Он жил еще дальше от школы - на Малой Бронной и проходил мимо Тверской улицы и Страстной площади. Кстати, площадь эту стали называть Пушкинской с 1937 года, когда отмечали столетие со дня гибели поэта, а монастырь к этому времени снесли. Отец подобрал мне школу с гуманитарным уклоном: в ней должны были обучать уже с первого класса французскому языку, с 3-го - немецкому, а затем - английскому. Но вскоре после моего поступления создали единую программу для всех школ страны, без всяких уклонов, так что иностранный язык у нас стали преподавать, как во всех школах, лишь один и только с 5-го класса. Тогда же ликвидировали и так называемый бригадный метод обучения. Суть его сводилась к тому, что всех учеников разбивали на бригады из 10 человек и отметки ставили для всей бригады в целом. Мог один человек или 2-3 ученика отвечать на вопросы учителя или выполнять домашнее задание и вся бригада получала положительную отметку. Это было в духе коммунистического воспитания, но вскоре ввели индивидуальные оценки. В начальных классах школы я не был ни отличником, ни отстающим, по всем предметам успевал, примерно, одинаково, не было особенно любимых или нелюбимых дисциплин, так же, как и учителей. Все домашние уроки я всегда делал самостоятельно, т.к. маме одной достаточно было работы по

службе и по дому. Впрочем, в те времена ученики уже в школе были самостоятельными и мало кто пользовался помощью родителей или контролем с их стороны. Класс наш был очень дружный, и дружба эта сохранилась в течение многих лет, а с некоторыми - и до сего времени. Мальчики и девочки запросто ходили друг к другу в гости или по делу. Родители всегда встречали соучеников приветливо, по возможности угощали, а снимать обувь при входе тогда еще не было принято. Иногда были коллективные посещения подруг или друзей, особенно в дни рождения или болезни. Среди учеников были и таланты, выделявшиеся отличными успехами в учебе или спортивными достижениями или литературно-артистическими способностями.

Дружил я с Жорой Астафьевым, который очень любил химию и знал ее лучше всех в классе, в том числе и круглых отличников. Он даже дома ставил простейшие химические опыты. Он жил в угловом доме у Петровских ворот, и я нередко по пути из школы заходил к нему домой. Впоследствии он закончил химико-технологический институт им. Менделеева, но погиб во время войны.

Другой мой друг, Геннадий Затейщиков или просто Зотя, как его часто звали, увлекался астрономией. Он читал специальную литературу, установил у себя на крыше дома простейший телескоп и наблюдал небо. Посещал он также кружок юных астрономов при Центральном планетарии. Под его влиянием я тоже какое-то время посещал этот кружок, во время занятий в котором демонстрировались в небе планетария различные созвездия и другие астрономические объекты. Затейщиков также погиб во время войны. Кто знает, каких выдающихся успехов могли бы достичь оба этих друга, если бы не война!

Не все, конечно, но очень многие из одноклассников стали потом крупными инженерами, юристами, врачами. В описываемое же время все они были обычными детьми, увлекались волейболом на переменах или другими спортивными играми. Я никакими особыми талантами не отличался, но в целом ко мне хорошо относились и нередко называли "ногушей". Я неплохо играл в шахматы, которым меня научил отец, часто участвовал в школьных турнирах, а также в межшкольных и городских соревнованиях. Запомнилась встреча со школой, воспетой Владимиром Высоцким, на углу Большой Каретной улицы. А на межрайонных

соревнованиях я выступал на 6-й доске, тогда как на первых выступали будущие гроссмейстеры Василий Смыслов, Симагин и другие однолетки.

Около полугода или несколько месяцев я обучался в так называемой Лесной школе для ослабленных детей в Сокольниках. Там сочеталась учеба с занятиями физкультурой, прогулкой по лесу, усиленным питанием. Вероятно, это была элитная школа, потому что в ней были дети высокого начальства, в том числе руководителей Украины Косиора, Петровского и других. В то время мы мало разбирались в национальностях, а антисемитизм официально осуждался и преследовался. В первые школьные годы еще можно было услышать обращение "жид" или соответствующую надпись на заборе, но затем это исчезло. Мы дружили по интересам и симпатиям, а о национальности мы не знали и не говорили.

Я дружил в школе, кроме упомянутых Астафьева и Затейщикова, с Юрием Клебановым, Славой Денисовым, Иосифом Наумовым, Борисом Райтом, Винчи и многими другими. Из девчат запомнились Ира Медникова, Люда Цветкова, Нина Цейтлина, Валя Фельдман, Люля Варшавская, Лёля Моллербек. Затем уже выяснилось, что кто-то из них был еврей или наполовину, а Валя Фельдман оказалась немкой и была выслана в Казахстан, откуда вернулась в шестидесятые годы очень больная. Лёля Моллербек оказалась эстонкой. Я был у нее дома в послевоенные годы при поездке в Таллин. Муж ее оказался крупным политическим деятелем в Эстонии, а их хорошая квартира произвела на меня тогда большое впечатление.

Почти ежегодно в летние каникулы я был в пионерских лагерях, начиная с первого и по девятый класс. Мне там нравилось, а другой возможности для летнего отдыха, как правило, не было. В лагере я научился плаванию, многим спортивным играм и танцам, катанию на велосипеде, участвовал в соревнованиях по легкой атлетике и шахматам. В первые годы у нас была трудовая учеба: после завтрака несколько часов мы работали в поле, чаще всего полости картофель в колхозе. Это было начало коллективизации, а помощь даже детей была очень полезной. В послеобеденное время часто были физкультура и политзанятия, различные игры.

В начале тридцатых годов был, так называемый, политбой. В каждом отряде, состоявшем из детей одного возраста, составлялись

две команды, которые усаживались за стол друг против друга. Руководитель «боя», обычно пионервожатая, задавала вопросы то одной, то другой команде типа "В чем состоит генеральная линия нашей партии?" или "В чем состоит правый (или левый) уклон от линии партии?", "Каковы итоги такого-то съезда партии" и т.п. Удивительно, что мы, 8-10-летние ребяташки, что-то членораздельно отвечали, нередко не хуже, чем студенты мединститута на выпускных государственных экзаменах по марксизму-ленинизму. Предварительно мы, конечно, готовились, но каждый готовил один какой-либо ответ по предварительному распределению и отвечал добровольно за всю команду. Бывали также пионерские походы и экскурсии, в том числе довольно интересные и поучительные, например, в имение Абрамцево, где были картины и скульптуры многих выдающихся русских художников - Врубеля, Васнецова и др. После отбоя и вечерней линейки, а иногда и до ужина устраивали хоровое пение, оркестры народных инструментов (например, на деревянных ложках) или танцы типа «краковяк», «полька», «падеспань» и пр.

Особенно впечатляли пионерские костры, которые обязательно разжигались в начале и в конце смены, а иногда, особенно в связи с каким-либо событием, и в середине смены. Дежурные собирали хворост, разжигали костер и следили за ним, тушили по окончании встречи. Весь отряд рассаживался вокруг костра, а вожатый или педагог что-либо рассказывали, иногда выступали с самодеятельностью, часто пели пионерские песни вроде "Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры, дети рабочих", "Ах, картошка объеденье, пионеров идеал, тот не знает наслажденья, кто картошки не едал", "По долинам и по взгорьям", про Буденного и Ворошилова и прочие красноармейские песни. Школа на Самотечной площади была 7-летней и после ее окончания выпускникам надо было проходить медицинское обследование и психологические тесты. По заключению комиссии давались рекомендации, учиться ли ученику после семилетки в полной средней школе на аттестат зрелости, идти ли на рабфак, в техникум или в фабрично-заводское училище.

Я поступил в 1934 году в среднюю школу № 28 Советского района, которая находилась поблизости, в Успенском переулке, за нынешним театром Ленинского комсомола (тогда это был кинотеатр), между Малой Дмитровкой и Петровкой. Там я учился с

8-го по 10-й классы. В старших классах я учился охотно, с интересом и более успешно. Меня увлекало решение математических, физических, химических или генетических задач. Я охотно читал художественную и историческую литературу, писал рефераты на дополнительные темы, изредка посещал уже в школьные годы Ленинскую и Историческую библиотеки, бывал в библиотеке иностранной литературы, благо все они были недалеко от моего дома. Над нашей школой шефствовал МХАТ (Московский художественный академический театр). Это выражалось в том, что мы могли получать бесплатные контрамарки (пропуска) на свободные места, а если их не было, имели право сидеть на ступеньках в проходах, на балконах или верхних ярусах. Тогда я посмотрел весь репертуар Художественного театра. Легко узнавал по голосу и игре ведущих актеров, таких знаменитостей, как Тарасова, Степанова, Москвин, Хмелев, Прудкин и многих других. Мы имели также возможность, ввиду относительной дешевизны билетов и наличия свободных мест, посещать другие театры, в том числе Большой театр, а также концерты. Тогда же я полюбил оперы и классическую музыку, чему немало способствовал один из моих друзей - Володя Ушан. Девушки наши еще в большей степени увлекались певцами, особенно весьма популярными тогда С.Я. Лемешевым и И.С. Козловским. Некоторые умудрялись не пропускать ни одного их концерта или оперного выступления, а между поклонницами этих больших актеров "лемешинками и козлианками", как их тогда называли, нередко возникали конфликты и даже потасовки. Следует отметить, что джаз в то время еще не было, лишь позднее появился джаз Утесова, Лундстрема, Цфасмана, но они не были столь популярны, как джаз или эстрадные певцы впоследствии. По радио, кроме идейно-воспитательных передач, часто передавали классическую музыку и народные песни, оперы и оперетты или отдельные арии. Очень охотно посещались тогда кинотеатры, и мы обычно смотрели все новые фильмы, которых, впрочем, было не так уж и много. Чаще ходили отдельно мальчишки и девчонки, но иногда и все вместе. В те времена, когда нам было по 16-18 лет, юноши и девушки вели себя, как правило, скромно. Не было выпивок и пьянок, даже в дни рождений. Это было просто не принято, а возможно, было и не по средствам. Я не помню, чтобы кто-либо из соучеников или соучениц курил, а о сексе или поцелуях мы знали преимущественно

из художественной литературы и курса биологии животных. Отношения у школьников были чисто товарищескими, хотя бывали и совместные посещения парков и кино, клубов с танцами, а чаще всего катков, реже катаний на лыжах, ибо лыжи в то время были малодоступны. Экзамены тогда, начиная с 7-го класса, были ежегодно в июне, нередко по всем предметам, т.е. по 5-8 предметам в течение месяца. В день сдачи экзамена у нас было принято ходить вечером в кино или в парк, чаще всего в Эрмитаж, стена которого примыкала к нашему школьному двору. В 8-9 классах мы нередко из озорства перелезали через забор, ибо ленились обходить кругом. В 10-м классе мы были уже солидными и не позволяли себе подобного мальчишества. Из всех видов спорта я больше всего увлекался шахматами, в меньшей степени шашками. Какое-то время я посещал шахматный кружок при Центральном стадионе юных пионеров, которым руководил будущий гроссмейстер Котов, а затем мастер М. Юдович. Приходилось изучать специальные учебники, разучивать дебюты, миттельшпили, этюды и окончания партий, участвовать в школьных соревнованиях. Вспоминается, что как-то к нам в школу приехали сразу три шахматных мастера, точнее гроссмейстер Андре Лилиенталь, мастер спорта Майзель и его жена Ольга Рубцова, будущая чемпионка страны и мира среди женщин. Они дали нам сеанс одновременной игры, примерно на 40 досках, т.е. для всех желающих, причем они ходили втроем, один за другим, не зная предыдущих ходов предшественников и делая ходы, исходя из позиции на доске. Если не ошибаюсь, кто-то один сумел сделать ничью, а остальные все проиграли, в том числе и я. С венгерским гроссмейстером Лилиенталем, жившим тогда в СССР, мне пришлось сыграть еще раз, когда он давал сеанс одновременной игры на 150 досках в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького. В середине сеанса, когда у гроссмейстера оставалось еще около 100 противников, начался сильный дождь и нам предложили перенести свои доски с фигурами в закрытое помещение, расположившись в том же порядке, как сидели раньше. Мой сосед, умышленно или случайно, поместил свою пешку не там, где она была раньше. Когда Лилиенталь подошел к этой доске, он сказал: "Мне кажется, что эта пешка стояла вот здесь". Сосед извинился и признал правоту гроссмейстера. Меня поразила тогда феноменальная память шахматиста.

Из школьных товарищей того времени мне хотелось бы еще раз отметить уже упоминавшегося Володю Ушана, который жил также на Тверской улице, рядом с Центральным телеграфом. Мы часто ходили друг к другу в гости, нередко вместе делали уроки, ходили в театр или на концерт, а также на каток. Он окончил автодорожный институт, работал инженером, мы встречались с ним и после войны в его квартире, я хорошо знал его жену, а детей у него не было. Умер он внезапно, от инфаркта, не дожив до 60 лет. Он занимался спортом, не курил, не пил, не страдал ожирением или гипертонией, но не избежал преждевременной кончины.

Другой мой товарищ, Толя Кронгауз, носил, как и я, очки, был несколько сутуловат, отличался тихим голосом и мягкими манерами. Он стал инженером и вскоре погиб на фронте.

Всех школьных товарищей вспомнить невозможно, упомяну лишь Прута, сына известного писателя-драматурга и кинорежиссера Иосифа Прута, который жил на Тверской. Когда мы к нему заходили с Толей или с кем-либо еще, отец приветствовал нас всегда словами: "Здорово, отличники", хотя мы далеко не были тогда отличниками. Видно, отцу хотелось, чтобы сын лучше учился и не прогуливал уроки, как это частенько бывало. Иосиф Прут дожил до 95 лет. Он опубликовал очень интересную и остроумную книгу воспоминаний. О судьбе его сына мне ничего, к сожалению, не известно.

С Юлием Маковским, хотя он был на год младше меня и по школе и по возрасту, я по-прежнему дружил больше, чем с кем-либо. Особенно часто мы ходили с ним на каток и в еврейский театр, т.к. его дядя, высокий красивый Исаак Лурье, был актером этого театра и часто давал нам туда пропуска. Еврейский театр помещался недалеко от нашего дома, на Малой Бронной улице и был в то время очень популярен. В нем играли такие выдающиеся актеры, как Соломон Михайлович Михоэлс, Владимир Зускин, также народный артист, и многие другие. Спектакли шли иногда на русском языке, иногда на идиш, с переводом или с отдельными фразами на русском, так что все было понятно. Театр этот посещался многими русскими любителями театра, в том числе актерами московских театров, которые специально приходили смотреть игру Михоэлса и Зускина. Особенно популярны были спектакли "Король Лир" Шекспира, "Блуждающие звезды" и "Тевье-молодчик" по Шолому Алейхему, "Фрейлэхс" и др. Как-то

Зускин с Лурье были в гостях у Маковских и мне довелось сыграть в шахматы с самим Зускиным. Он был великий актер, но слабый шахматист и, проиграв мне партию, очень расстроился, из-за чего мне этот эпизод и запомнился. В послевоенные годы, в эпоху борьбы с космополитизмом, "дела врачей" и расцвета антисемитизма Зускин был репрессирован и скончался в тюрьме, а Михоэлс погиб в автокатастрофе.

Кроме учебы в школе, я имел и домашние обязанности: подметать полы во всех комнатах, топить печь, относить и получать белье в прачечной. Растапливать печь было искусством, которым я вполне овладел. Проще всего было обливать полена дров керосином и зажигать спичкой, но это был дурной стиль из-за опасности пожара, ожогов или возможности плохого загорания дров, когда керосин сгорал, а дрова, особенно сырые, не горели. В мою обязанность входило получение дров по специальным ордерам и привоз их со склада, причем я хорошо разбирался в сортах дров и знал, что самыми лучшими являются березовые дрова, хуже осина или сосна. Хранились дрова в сарае во дворе, я приносил их оттуда два раза в неделю. Для растопки печки я заготавливал старую бумагу, газеты или исписанные тетради, строгал мелкие щепки, на них укладывал щепки крупнее и только после их возгорания закладывал дрова. Иногда их приходилось предварительно рубить или пилить. Надо было следить, чтобы печь преждевременно не затухла, вовремя закрыть печную дверцу, а затем задвижку наверху, чтобы не уходило тепло, но чтобы и не отравить себя и родных угарным газом. Забегая вперед, хотелось бы рассказать, как после окончания войны, возвращаясь с эшелонам в Москву, я проходил таможенный контроль, и у меня обнаружили кинжал довольно больших размеров. На лезвии кинжала было написано "Blut und Ehre", т.е. "кровь и честь". Проверявшая вещи таможенница воскликнула: "Это же холодное оружие, его нельзя провозить". Я стал объяснять, что этот кинжал мне нужен не для ограбления, а для заготовки щепочек, ибо у меня печное отопление дома, а обычным ножом строгать щепки плохо. Таможенница внимательно посмотрела на меня и мои очки, оценила мою "криминальную внешность", а также обилие книг, которые я вез с собой, и сказала: "Ладно, уж, берите нож".

Школьные годы мои проходили в эпоху нэпа, а затем коллективизации и строительства социализма со всеми

вытекающими отсюда последствиями. В период нэпа магазины и ларьки на Тверской улице были полны товаров, но у людей было мало денег. Помнится, меня посылали купить в Елисеевском магазине 100 г. колбасы или сыра, причем продавец нарезал их длинным острым ножом на множество тонких ломтиков, так что создавалось впечатление солидной покупки. Чаще же я покупал по заданию мамы наиболее дешевую ливерную колбасу. Белый и черный хлеб чаще покупал в Филипповском магазине, где был большой выбор хлебобулочных и кондитерских изделий. На Малой Дмитровской улице была частная пекарня, где продавались горячие бублики и булочки. Они были всегда свежие и ароматные, а запах печеного хлеба чувствовался по всей улице. Промышленные и хозяйственные товары покупали чаще в магазине Мюр - Мерилиза, по имени их бывших владельцев (ныне ЦУМ).

В начале тридцатых годов началась коллективизация и индустриализация страны. В деревнях организовывали колхозы и выселяли кулаков, а в городах стали ликвидировать частные магазины и лавки, выселять, как тогда говорили, нэпманов, а более крупных владельцев арестовывать и ссылать. Младший брат моей бабушки Абрам Львович Гутсон владел небольшой аптекой на окраине Москвы в Петровско-Разумовском. При ликвидации нэпа у него отобрали аптеку, а его самого выслали за 100 км от Москвы. Позднее он поселился в Ногинске со своей новой женой и работал в аптеке. Как-то летом я гостил у него, ибо тогда это был не город, а поселок с деревенским пейзажем, подружился с его дочерью Любой, моей однолеткой. К тому времени в магазинах исчезли все товары и продукты. Во многих районах страны, особенно в Поволжье и на Украине, люди голодали, а в городах ввели карточную систему. Товары и продукты можно было купить лишь в строгом соответствии с нормой по тем или иным карточкам. Различались карточки для рабочих, по которым выдавали несколько больше хлеба и мяса, для служащих, для детей, инвалидов и иждивенцев (по ним выдавали минимальный набор продуктов). В разных городах были разные нормы, но нам хватало продуктов, и голода мы не испытывали. Одевались все тогда скромно, всякая одежда и обувь были дефицитом. Существовала и рыночная продажа, но мы рынком не пользовались, ибо там все было очень дорого. Всю отцовскую одежду я износил довольно быстро, а новую ни мне, ни ему почти не покупали. В старших

классах у меня не было шубы, а зимы тогда были холодные, и как-то мама принесла мне старую, но еще пригодную шубу дедушки и сказала, чтобы я сдал ее в ателье переделать мне по фигуре, ибо дедушка был выше и полнее меня. Я сходил с этой шубой в ближайшее ателье, но оказалось, что принимают только от одного человека в день. На следующий день я пришел около 6 утра и тоже оказался не первым и не смог сдать свою шубу. Тогда я решил занять очередь с вечера и всю ночь простоял под дверью ателье, ни на минуту не отходя, чтобы не потерять свою очередь. Мне был слышен бой часов на Спасской башне Кремля, и я определял по ним, сколько мне еще осталось ждать. Перешитую таким образом шубу я носил до окончания института и вступления в армию. Постепенно кое-что стало появляться в продаже и без карточек. Как-то мне сказали, что в магазине на Арбате продаются брюки, что было тогда дефицитом. К открытию магазина перед дверями собралась большая толпа мужчин (женщины тогда брюк не носили), которые ринулись все внутрь магазина, как только он открылся, отнюдь не соблюдая очереди. Нужно было успеть оплатить стоимость брюк, кажется 22 рубля, встать в свою очередь уже у прилавка. Более мощные мужчины и парни оттолкнули меня от прилавка, но все-таки мне удалось втиснуться и приобрести столь желанные новые брюки, конечно, уже без всякой примерки, лишь назвав свой размер. Ни одна покупка во всей моей дальнейшей жизни не доставила мне столько удовлетворения и радости, сколько приобретение этих брюк.

Из воспоминаний того времени сохранились первые поездки на троллейбусе и в метро. Первая линия троллейбуса была проложена в 1933 г. от Охотного ряда до Белорусского вокзала по Тверской улице. Транспорт этот казался тогда, по сравнению с трамваем и автобусом, очень удобным и комфортабельным, но конструкция была несовершенной, дуги часто падали и троллейбус останавливался в пути по несколько раз, пока водитель взбирался на крышу вагона и устанавливал дужки в нужное положение. Метро открылось в 1936 году и вначале оно использовалось лишь для экскурсии. По специальным приглашениям можно было прокатиться по всей линии метро от Сокольников до Парка культуры за 12 минут, что казалось тогда чудом скоростного передвижения. Садись обычно в центре на станции им. Л.М. Кагановича, его же имя носил и метрополитен в целом, поскольку

строительство его считалось заслугой первого секретаря Московского горкома КПСС, а затем Наркома железных дорог. Эти должности занимал тогда Л.М. Каганович. Красивые скульптуры, барельефы, плафоны, чистота и порядок, а особенно впервые появившиеся эскалаторы производили на москвичей большое впечатление. Так что мы, школьники, первое время специально ездили кататься в метро, подобно аттракционам в парках. Но в годы, последовавшие за убийством С.М. Кирова в 1934 году, резко возросли репрессии в отношении ведущих политических деятелей и военачальников. Хорошо известны спровоцированные политические процессы в отношении троцкистов, так называемых блоков Зиновьева-Каменева, затем Бухарина. Эти процессы послужили сигналом для массовых арестов коммунистов, крупных советских работников, профсоюзных деятелей, работников искусства и вообще неповинных людей. Достаточно было послать тайком письмо или даже позвонить в органы КГБ и сообщить, что гражданин Х высказывал антисоветские мысли, осуждал действия партии или рассказывал политические анекдоты, чтобы этого Х арестовали, и чаще всего он исчезал бесследно. Нередко люди сводили счеты с неугодным соседом или начальником подобным образом. Примером анекдота, за который можно было получить 5-10 лет тюрьмы и ссылки, может быть следующий, который просуществовал в стране лет 10-20. Обращаясь к руководителю политзанятий, Рабинович сказал: «Вы говорите, что жизнь становится лучше, но я вас спрашиваю, где же в продаже мясо, колбаса, сыр?» На одном из последующих занятий один из слушателей сказал: «Я не спрашиваю, где мясо, колбаса или сыр? Я спрашиваю, а где же Рабинович?» Я уже упоминал о репрессированных соседях и родственниках. В описываемый период был арестован отец Володи Ушана, якобы, как троцкист, хотя он был беспартийным. Были арестованы и родители многих других моих соучеников, которые тем самым получали звание детей "врагов народа". Хотя Сталин впоследствии и сказал, что сын за отца не отвечает, в реальной жизни это клеймо оставалось еще очень долго, ибо во всех анкетах надо было указывать подробные сведения о родителях и других родственниках. Интересно, пострадал бы мой отец в этот период, будь он на работе? Очень возможно, что он в силу своего большого круга знакомств и относительно высокой должности тоже был бы репрессирован, если

бы не его тяжелая болезнь. Я уже писал, что с 1932 года он находился в больнице для неизлечимых больных. Материальное положение нашей семьи в связи с болезнью отца было трудным и мать вынуждена была какое-то время сдавать комнату жильцам, а мы в это время жили все вдвоем в большой комнате. Среди квартирантов вспоминается Онкель Пауль - полный немец-инженер, работавший по контракту в Москве. В первые годы индустриализации страны и, как тогда называли, сталинских пятилеток в Москве и других промышленных городах, работало немало иностранных специалистов. Дядя Пауль запомнился нам с сестрой своим добрым отношением к нам, детям. Его образ сохранился у нас в памяти по контрасту с последующими годами, когда немцы ассоциировались в сознании советских людей с фашистами и нацистами. Другим запомнившимся квартирантом был студент Литературного института, расположенного недалеко от нашего дома, на Страстном бульваре, Борис Ласкин. Наша мама его иногда ошибочно называла Ласкером, ибо в 1935 году в Москве проходил международный шахматный турнир с участием экс-чемпионов мира Хосе Рауля Капабланки и Эммануила Ласкера, будущего чемпиона мира Михаила Ботвинника и других знаменитых гроссмейстеров и мастеров, в частности чемпионки мира среди женщин Веры Менчик из Чехословакии. Исправляя ошибку, мама говорила: "Может быть, Вы будете со временем так же знамениты, как Ласкер", на что тогдашний студент отвечал без лишней скромности: "А может быть, Ласкер окажется таким же знаменитым, как Ласкин". И действительно, Борис Ласкин стал впоследствии довольно известным писателем-юмористом, в частности одним из соавторов известной в послевоенные годы кинокомедии "Карнавальная ночь". Своим нескромным ответом Ласкин мне тогда и запомнился, а также визитом к нему в дальнейшем очень известного поэта Евгения Долматовского. Очень вероятно, что теперешнему читателю все упомянутые имена мало что будут говорить, ибо все забывается, а длительная слава сохраняется лишь за классиками и в памяти специалистов, а не широкой публики.

В 1936-37 годах Страстной монастырь снесли, а жильцов предварительно расселили по разным местам. Начальство получило новые квартиры в черте города, а большинству жильцов было предложено самим строиться за городом, на станции Лось по

Ярославской железной дороге. Переселенцам выделялся земельный участок, предоставлялись ордера на стройматериалы, но без существенной денежной компенсации. Договариваться о строительстве или строить нужно было самим. Для одинокой женщины с двумя детьми подобное строительство было не по силам и наша мама начала ходить по различным инстанциям с ходатайством о предоставлении нам квартиры или комнаты в самой Москве и всюду получала отказ. Лишь с трудом добившись приема у тогдашнего председателя Моссовета, а впоследствии председателя Совета Министров СССР Николая Ивановича Булганина мама получила разрешение на получение комнаты для нас в самом городе. В 1937 году мы наконец-то получили жилищный ордер на комнату в многоквартирном доме с печным отоплением недалеко от Курского вокзала. Мы выехали из Страстного монастыря в числе самых последних его жильцов. Возвращаясь к учебе в школе, хочется вспомнить занятия в последнем, тогда выпускном 10-м классе. Я одинаково любил и гуманитарные дисциплины, особенно историю (возможно потому, что у нас была по этому предмету хорошая учительница) и естественные предметы, в особенности химию и физику. Большой интерес у меня вызывала проблема радиоактивности, и я даже писал на эту тему реферат и выступал с докладом. К этому времени вышло правительственное постановление о приеме во все высшие учебные заведения (кроме специальных, вроде художественных и музыкальных) без вступительных экзаменов выпускников средней школы с отличным аттестатом, т.е. имеющих только отличные отметки по всем предметам. Вместе с моим товарищем, главным образом по шахматам, ибо он учился в другом классе, Игорем Вольпе, мы решили добиваться отличного аттестата. Слабее других дисциплин у меня было с грамматикой и черчением. Мы решили с Игорем повторить учебники предыдущих классов, тренировать друг друга в диктантах и добились хорошей грамотности. Делать домашние чертежи мне помогала соученица Нонна Чубакова, проживавшая на Большой Дмитровке, а я ей охотно помогал в решении математических задач. В результате наших с Игорем стараний мы оба окончили школу с аттестатом "отличника". Золотых и серебряных медалей тогда еще не было, а наш аттестат был редкостью.

*Выпускники 10-го класса школы №169 г. Москвы (1937)
(А.М. Ногаллер – крайний слева в верхнем ряду)*

Возник вопрос, куда поступать, какую выбрать профессию? Мы с Игорем Вольпе решили подать документы на физический факультет Московского государственного университета (МГУ) им. М.Н. Покровского. Кстати, мало кто помнит, что МГУ носил одно время имя Покровского, ибо уже после его смерти он был обвинен в троцкизме и грубых, как тогда писали, теоретических ошибках, в частности за его (или приписываемое ему) утверждение, что история есть политика, обращенная в прошлое. Однако развитие исторической науки в СССР, а затем и в послеперестроечное время, подтвердило справедливость этого положения. Достаточно вспомнить освещение в истории, в том числе в школьных программах, Кавказской войны и роли Шамиля, наполеоновских войн, российских царей и политических деятелей до и после Октябрьской революции. В период индустриализации страны ведущее значение придавалось техническим специальностям. Быть инженером было модно и престижно, молодежь хотела овладеть именно этой профессией. Как пелось в одной сатирической

песенке: "Быть врачом - нипочем, педагогом - иди с Богом". Поэтому даже выпускников с университетским образованием обычно направляли в качестве педагогов в школы. Исходя из этих соображений, мы с Вольпе решили забрать документы с физического факультета престижного университета, тем более что тогда еще не было речи о перспективах атомной энергетики, атомных бомб или лучевой терапии. На наших заявлениях уже была резолюция декана о том, чтобы нас принять, а при возвращении наших документов он выразил свое сожаление и осуждение, о чем я помнил всю жизнь. Мы подали свои документы в медицинский институт, приемная комиссия которого находилась в том же дворе комплекса старых зданий университета на Моховой улице. До сих пор не знаю, спустя более 60 лет, правильно ли мы сделали, забрав документы из университета. Многие сверстники, да и взрослые осуждали нас тогда за этот поступок, а профессия физика, в том числе теоретика, кем я только и мог стать, приобрела важное государственное значение. С другой стороны, кем бы я стал после окончания университета, уцелел бы в годы войны, хватило бы у меня способностей для ученого-физика - это еще большой вопрос. Как знать, чего не знаешь!

В общем-то, жаловаться на выбор профессии мне не приходится. Итак, с 1 сентября 1937 года я стал студентом медицинского института имени И.М. Сеченова.

Студенческие годы

Обучение на младших курсах проходило в большом здании на Моховой улице, где до сих пор располагаются теоретические кафедры 1-го Московского медицинского института им. И.М. Сеченова (ныне Московская медицинская академия). До выделения в самостоятельный институт здесь был медицинский факультет Московского университета, а это здание по-прежнему окружено зданиями физического, химического, биологического и других факультетов для студентов начальных курсов. Как известно, новое, высотное послевоенное здание университета находится за Москвой-рекой, а в начале своего основания в 1755 году все здания располагались в центре Москвы, напротив Кремля вдоль Манежной площади. По соседству находилось старое здание американского посольства. В первые годы учебы наибольшие трудности

представляло изучение анатомии. Оно проходило в большом анатомическом зале, куда приносили трупы из специального помещения в подвале, где они хранились с давних времен в спирте, а позже в формалине. В анатомическом зале всегда, особенно во время занятий, стоял запах формалина, но не все студенты его хорошо переносили, так же, как и необходимость препарирования. В то время трупов было достаточно, а каждый студент должен был сдать преподавателю соответствующие отпрепарированные части тела - мышцы, сосуды, нервы, мозг, внутренности и другие органы. Некоторым студентам, чаще девушкам, в первое время становилось плохо, но затем почти все привыкли, а в этом зале у нас устраивались даже вечера, с угощением и танцами, ибо других больших залов в этом здании не было. В этой же большой аудитории, расположенной амфитеатром, иногда проходили студенческие концерты и до сих пор проводятся заседания московского научного общества терапевтов.

Два этажа занимала кафедра нормальной анатомии, возглавлявшаяся крупным ученым Георгием Федоровичем Ивановым, автором двухтомного учебника. Мне эта кафедра особенно запомнилась, ибо я часто там бывал в послевоенные годы, когда там работала моя жена. Преподавателем анатомии у нас была высокая, интересная и очень строгая Милиция Эверестовна, запомнившаяся на всю жизнь. Основная трудность в изучении анатомии была в заучивании незнакомых латинских терминов. Студенты придумали специальную лирико-анатомическую любовную поэму с множеством терминов вроде "Быть культурным человеком и не знать форамен цекум" (foramen coecum - круглое отверстие в черепе).

Из других преподавателей младших курсов вспоминается профессор Михаил Аркадьевич Барон, который умел довольно скучный предмет гистологию излагать очень четко и увлекательно. Он имел обыкновение в конце каждой лекции диктовать самое главное в содержании лекции, а на следующей лекции спрашивать это у студентов, после чего переходил к изложению нового материала. Когда я, став профессором и зав. кафедрой, попытался применить этот метод, у меня ничего не получилось, ибо студенты во время моей попытки спросить в отношении усвоения предыдущего материала, начинали шуметь и разговаривать, не обращая внимания на мои призывы к тишине. То ли студенты стали

не те, то ли мне не хватало педагогического мастерства профессора Барона.

Из других профессоров начальных курсов самым видным, пожалуй, был Борис Ильич Збарский, зав. кафедрой биохимии, автор учебника и основатель лаборатории по бальзамированию тела В.И. Ленина. На лекции он рассказывал, как вместе с анатомом В.П. Воробьевым получил задание сохранить тело Ленина вначале на несколько дней, затем недель и месяцев. Мне показалось странным и неправдоподобным, когда он сказал: "Теперь это дело нас с вами переживет", ибо в 18 лет кажется, что жизнь будет продолжаться еще бесконечно долго. Он оказался прав, так как и Мавзолей Ленина и лаборатория при нем, превратившаяся затем в самостоятельный научный институт, существует и поныне. Самого же Збарского уже в послевоенные годы, в связи с так называемым "делом врачей" и антисемитской кампанией в СССР, лишили кафедры и арестовали. После смерти Сталина его вскоре реабилитировали, возвратили кафедру, но не здоровье и он умер через несколько лет. Биохимия мне нравилась больше, чем какой-либо другой предмет младших курсов, и я стал серьезно заниматься в студенческом научном кружке этой кафедры.

Кроме выполнения отдельных мелких тем и освоения методик я вместе с другими кружковцами, в частности Сергеем Дебовым, в будущем директором лаборатории института Мавзолея Ленина, Героем Социалистического Труда и вице-президентом Академии медицинских наук СССР и Кирой Цыкиной, в будущем профессором-биохимиком, осваивали и сдавали аспирантский минимум практического овладения различными биохимическими методиками (аналитической, органической химии, ферментологией и др.). Работа в этом кружке продолжалась вплоть до окончания института, но война изменила все планы, и мне не пришлось стать, как я собирался, биохимиком. Я стал практическим врачом, не знаю, к худшему или лучшему.

Руководили моей работой в этом кружке в разное время Александр Михайлович Кузин, в то время он был доцентом, а впоследствии академиком большой академии наук и одним из основателей радиобиологии, доцент Надежда Филипповна Толкачевская, автор книги по химическому составу органов и тканей человеческого организма, очень добрая и благожелательная женщина, а также сын зав. кафедрой Юрий Борисович Збарский,

который уделял нам много внимания в последние годы работы в кружке. Впоследствии он тоже стал академиком, как и его ученик Сергей Сергеевич Дебов.

Видным ученым был профессор Михаил Николаевич Шатерников, зав. кафедрой физиологии. Это был высокий представительный мужчина с большой лысиной и копной густых седых волос вокруг нее. Он был зятем И.М. Сеченова, очень уважал и любил его. Студенты знали, что какой бы вопрос ни попадался на экзамене, следовало перевести ответы на изложение заслуг Сеченова. В то время Шатерников недолюбливал И.П. Павлова. Поэтому о заслугах последнего следовало говорить очень сдержанно. Подобные маленькие студенческие хитрости передавались от старших к младшим. В связи с моим тогдашним желанием стать научным работником, я решил более серьезно заняться изучением немецкого языка, который я изучал в школе и институте и который тогда был основным в научной литературе, как теперь английский. С этой целью я поступил на заочные курсы немецкого языка, аккуратно выполнял письменные задания, иногда пользовался устной консультацией или отсылал на проверку выполненные упражнения почтой. Все это было тогда бесплатно. До окончания института мне удалось закончить два из четырех лет заочного обучения. Теперь я думаю, что в овладении грамматикой это мне помогло, когда спустя 65 лет я вновь взялся за изучение немецкого языка. Но практики в устной речи у меня не было тогда и это сказалось и впоследствии. Мне и сейчас легче читать немецкую, особенно медицинскую литературу по знакомой проблеме, чем понимать устную речь. Теперь бы я учил язык иначе, но тогда это вряд ли было возможным по многим причинам. Лишь теперь я понял, что по-настоящему освоить немецкий язык мне все же не удалось. Много времени занимала учеба в институте, так как я старался все сделать на "отлично", что мне и удавалось в течение всей учебы в институте.

Кроме того, первые два года я давал частные уроки по школьной программе по математике, физике, химии. Сейчас это было бы безумным нахальством, ибо требования к педагогам очень возросли и их главной задачей стало натаскивание учеников для поступления в институт. В описываемое же время главным было помочь ученикам освоить школьную программу, что я, как бывший отличник, мог обеспечить.

Среди моих немногочисленных учеников (их было всего четверо) была Сарра Чудновская, прибывшая из Польши и жившая со своим дядей коммунистом-революционером в гостинице "Метрополь". Родители ее погибли, а дяде, как видному политическому деятелю, предложили жилье на последнем этаже гостиницы, использовавшемся в качестве частных квартир для крупных деятелей. Заниматься с Чудновской мне было и приятно, ибо сложились дружеские отношения, и удобно, так как мединститут и гостиница "Метрополь" находятся почти рядом. В настоящее время это одна из самых престижных и дорогих гостиниц и туда без специального пропуска не войдешь, а тогда все было проще. С Саррой я занимался около двух лет, но занятия прекратились, когда я стал заниматься в клиниках, а ей моя помощь уже не была нужна. На заработанные деньги я съездил в 1939 году впервые в Ленинград.

Уже на первом курсе я познакомился и подружился с Миррой Медовой, моей будущей женой. В то время у нас лишь были общие интересы, связанные с учебой. Вместе с сокурсником Борисом Еременко мы часто втроем учили анатомию, заучивая сложные медицинские латинские термины и контролируя друг друга. С Борисом я поддерживал самые дружеские отношения как все годы учебы в институте, так и в послевоенные годы, даже после моего отъезда из Москвы. Борис был очень старательным и трудолюбивым, очень дотошным и ответственно относился к своим обязанностям, как в годы учебы, так и в последующей научной работе в Центральном институте курортологии. Он жил в студенческом общежитии на Зубовской площади (ныне здание центральной институтской библиотеки) и нередко мы с ним занимались до поздней ночи. Вероятно, уместно вспомнить здесь и о других своих соучениках и об их дальнейшей судьбе. Старостой нашей группы была Ира Седель. Она прошла, как и большинство моих соучеников, всю войну, обосновалась затем в Брянске, где долгие годы работала главным педиатром области. Уже в студенческие годы она вышла замуж за нашего сокурсника Гришу Матульского. Он был активным комсомольским деятелем общеинститутского масштаба. Однажды я встретился с ним на фронте под Москвой, он был старшим врачом пехотного полка. С Ирой он довольно быстро разошелся. Он погиб очень скоро после

войны и похоронен вблизи могилы моих родителей, так что, навещая крематорий, я прохожу мимо его могилы.

Весьма дружеские отношения у меня были с Валей Березиной и Люсей Пушкарь, ставшей потом профессором в Центральном институте гематологии, с Витей Стоичевым, Тоней Буланиной. Из студентов других групп вспоминается Женя Беюл, с которой я работал в Институте питания и имел научные контакты многие десятилетия; Рита Бумажная, мать которой была ассистентом в факультетской терапевтической клинике; Гриша Косицкий, ставший потом крупным ученым-физиологом, зав. кафедрой во 2-м Московском мединституте; Жора Куколевский, председатель общеинститутского профкома, а затем сотрудник Института физкультуры и Борис Козаков, начавший учебу раньше нас на пару лет и преподававший у нас в кружке бальные танцы. В послевоенные годы он стал начальником советского госпиталя в Эфиопии, начальником Управления кадров, а затем замминистра здравоохранения РСФСР. Особенно же дружеские отношения у меня были в последние студенческие годы с Иосифом Аловым, Рафаилом Капиловичем и школьным товарищем Игорем Вольпе.

О сокурсниках и их судьбе спустя 50-60 лет можно написать целую книгу. Упомяну кратко лишь о наиболее близких друзьях.

Алов был самым целеустремленным, уже со 2-го курса он увлекался гистологией, и все годы интенсивно занимался в кружке. После войны он раньше всех стал профессором, специалистом по клеточной патологии-цитологии, написал очень серьезную книгу, заведовал кафедрой гистологии в Хабаровском мединституте. Он был избран по конкурсу в Институт морфологии в Москве, но вскоре скоропостижно скончался от инсульта, не дожив и до 50 лет. Он был женат на нашей однокурснице Тане Каганович. Капилович в студенческие годы особым усердием не отличался, больше занимался спортом, особенно спортивной гимнастикой. Как-то при встрече с ним в 60-е годы я спросил его, ездит ли он на лыжах (я только что переехал в Рязань и радовался снежной зиме и возможности кататься на лыжах), на что он мне ответил: "А зачем? Я это делаю в рабочее время". Тем не менее, он под руководством зав. кафедрой хирургии и ректора института профессора М.И. Кузина успешно защитил докторскую диссертацию о реабилитации послеоперационных больных методами физкультуры. В последние

годы я потерял с ним связь, но знаю, что его сын успешно работал на кафедре факультетской терапии по кардиологии.

Игорь Вольпе по матери был евреем, по отцу - немцем, а по паспорту числился евреем. Всю войну был в армии, работал в качестве врача-инфекциониста и эпидемиолога. Он сумел собрать во время войны научный материал о роли прививок для профилактики инфекций в войсках, но несколько затянул с оформлением кандидатской диссертации и представил ее к защите в самое неподходящее время - в 1951 или 1952 году, в разгар "дела врачей-отравителей". При защите в Академии медицинских наук его провалили. Но он был настойчив и спустя два года успешно защитил ту же диссертацию, но после незначительной доработки. Вскоре он выполнил и защитил докторскую, работал на кафедре микробиологии Московского университета, написал солидное учебное пособие. Женился на медицинской сестре с ограниченным кругозором, имел двух дочерей, но вряд ли был счастлив в семейной жизни. Я встречался с ним довольно часто, был у него на даче и уже в 1968 году говорил Игорю, что у него типичная стенокардия напряжения. Он не обращал на это внимания и скоропостижно скончался от инфаркта в 48 лет.

Возвращаясь к студенческой жизни в предвоенные годы, надо, пожалуй, согласиться, что это действительно лучшие годы в жизни человека, несмотря на трудности быта, необходимость много заниматься и волнения перед экзаменами. Впрочем, каждый возраст имеет свои преимущества и недочеты, радости и горести. В детстве хочется поскорее стать взрослым, в студенчестве - поскорее окончить институт и приступить к работе, а в старости хотелось бы вернуть молодость и студенческие годы. Но "жизнь невозможно повернуть назад и время ни на миг не остановишь". Мы успевали, благодаря своей молодости, выполнять множество дел, читать беллетристику, посещать театры и концерты, интересные лекции в Политехническом музее, студенческие вечера в институте и различных клубах. Однажды я был на концерте в Большом зале консерватории на эстрадном представлении "Пер Гюнта" Грига. Когда должна была исполняться знаменитая ария Сольвейг, послышалось пение не со сцены, а из задней ложи. Я сидел недалеко и подумал, что так и должно быть, ибо она пела хорошо, а оркестр продолжал звучать, замолкнув лишь на некоторое время вначале. Исполнившая арию певица из ложи тут же исчезла, а на

сцене затем появилась другая Сольвейг. Оказалось, что в ложе незаконно пела девушка-абитуриентка, которую не приняли на учебу в консерваторию, а она таким образом решила доказать свое право на дальнейшую учебу. Довольно часто я ходил на каток, один или в компании с Маковским, Ушаном или с кем-либо еще. Однажды я встретил на катке в Парке культуры им. Горького бывшего доцента А.М. Кузина, о котором упоминал выше, и был очень удивлен. Мне тогда казалось, что ученые люди, тем более уже в солидном возрасте (ему было тогда, как я теперь понимаю, лет около 30), на каток уже не ходят. В период каникул нередко предоставлялась возможность отдыхать в Доме отдыха или спортивных лагерях. Так, я дважды побывал в подмосковных домах отдыха, один раз на Черном море в Туапсе, один раз в Удомле, недалеко от станции Бологое. В Удомле был тогда лагерь медиков, и мы впервые решили вместе с Миррой Медовой после отдыха съездить посмотреть Ленинград. Это было в 1940 году, а летом предыдущего года мне довелось участвовать в соревновании по бегу вместе с Георгием Знаменским, младшим из знаменитых бегунов-рекордсменов братьев Знаменских. Я бежал последним из трех бегунов, участвовавших в эстафете по километру каждый, а Знаменский бежал все три километра и прибежал к финишу первым, а вслед за ним прибежал я, так что мне тоже достались и туш оркестра и цветы победителя. Георгий Знаменский был в то время студентом 2-го Московского мединститута, в 1941 году стал врачом и погиб на фронте во время войны. Не менее трагична и судьба его старшего брата, Серафима Знаменского, который совсем молодым умер от саркомы (злокачественной опухоли). Рассказывают, что в большом доме на ул. Чкалова, где и сейчас висит мемориальная доска в его честь и где проживало много летчиков, жила одна очень красивая девушка. Во время войны она вышла замуж за летчика, но тот вскоре погиб. Она вышла замуж через год за другого соседа-летчика, но и тот погиб во время войны. Позднее она вышла замуж за Серафима Знаменского, который не был летчиком, а бегал по земле. Но и он вскоре скончался, после чего соседи прозвали ее «катафалкой», а мужчины опасались за ней ухаживать. В итоге молодая женщина вынуждена была уехать в другой район города. В память о братьях Знаменских и теперь ежегодно устраиваются легкоатлетические соревнования. В студенческие годы я продолжал играть в шахматы и даже занял

второе место на соревнованиях в институте. Поэтому я получил право участвовать в областных соревнованиях спортивного общества "Медик". Значительно позднее все вузовские спортивные общества объединили в одно, назвав его "Буревестник". Соревнования эти проходили в общежитии медсестер психиатрической больницы на станции Столбовая. Больница эта стала впоследствии знаменитой, так как в нее помещали диссидентов. Об этом я вспомнил, прочитав недавно "Журналист для Брежнева" Эдуарда Тополя, где он описывает это общежитие, медицинский персонал и больницу, которую в послевоенное время значительно расширили и превратили в учреждение тюремного типа. Когда же я там был, все было значительно свободнее и проще. Сыграл я в этом турнире не очень удачно, заняв одно из последних мест, но все-таки подтвердил вторую шахматную категорию. На этом моя шахматная карьера и закончилась.

В описываемые времена не только Большой театр или концертные залы были доступны для посещения, но считалось престижным среди актеров, даже самых знаменитых, выступать бесплатно перед студенческой аудиторией. Перед нами выступали Иван Семенович Козловский, Марк Рейзен, Софья Големба, чтец Эммануил Каминка, артисты МХАТа и др. Уже в послевоенное время я посетил сеанс экстрасенсорики, который давал студентам и преподавателям знаменитый Вольф Мессинг. В те времена студентов почему-то не посылали на сельскохозяйственные работы в колхозы. Это стало общепринятым во времена Хрущева, но нас пару раз на младших курсах посылали убирать мусор, кирпичи и всякий хлам после разрушения с помощью взрывов Храма Христа Спасителя на берегу Москвы-реки. Кто знал, что спустя, примерно, 60 лет на том же месте будут вновь восстанавливать этот храм и разрушать построенный в том же месте роскошный бассейн. Когда после войны этот бассейн "Москва" построили, туда было паломничество, ибо это был первый открытый бассейн с подогретой водой, с бассейнами для детей, спортсменов и даже начальства. Этот комплекс бассейнов был гордостью Москвы, многие приезжие считали своим долгом его посетить как одну из достопримечательностей Москвы, и туда была всегда очередь, особенно в первое время. Кто мог знать, что и его разрушат. Народные деньги уходят то на напрасное разрушение, то на последующее восстановление. Истраченные напрасно деньги

особенно жалко, так как люди жили в большинстве своем очень бедно. Вспоминается наша коммунальная квартира на Верхних Сыромятниках недалеко от Курского вокзала на Садовом кольце. Во дворе располагался двухэтажный каменный дом, принадлежавший до революции одной семье. В темном коридоре первого этажа открывались двери 8 комнат, в каждой из которых размещалась целая семья, обычно из 3-5 человек. На всех соседей была одна умывальная комната, туалет и общая кухня, в которой каждая хозяйка имела свой небольшой столик. На кухонном столе обычно находились примус или керосинка, а несколько позднее "чудо техники" керогаз. Ни электрических, ни газовых плит для приготовления пищи не было, а отопление комнат осуществлялось дровяными печами с дверцами внутрь комнат. По утрам или в часы ник, в туалет и умывальник возникали очереди. Радостным событием, правда, уже в послевоенное время была установка в коридоре общего для всех жильцов телефона. Около наружной двери находились три звонка для средней, дальней и ближней к двери части коридора. По интенсивности звонка и их количеству каждая комната определяла, к ней или соседям идут гости. Наша комната имела малюсенький отсек, в который открывалась дверь соседней комнаты - семьи Вайнштейнов. Наша комната была перестроена из бывшего зимнего сада дореволюционных хозяев и имела два огромных окна. Печное отопление не давало в холодную зиму достаточно тепла и приходилось укутываться еще в несколько ватных одеял. Деревянная перегородка высотой около 2-х метров частично разделяла нашу комнату, площадью в 20 кв.м. на две половины. В дальней от двери половине находились шкаф и две кровати для мамы и сестры. В первой половине был круглый стол с двумя стульями, печь, полка в нише и диван, на котором я спал. В 1937 году эта комната была для нас мечтой, за которую пришлось бороться. Спустя 10 лет я с радостью выехал из нее, через 25 лет выехала сестра и только в 1965 году, когда этот дом сносили, т.е. почти через 30 лет, выехала мама в новый дом по соседству (теперь в нем магазин "Людмила"), где она занимала отдельную комнату в благоустроенной двухкомнатной квартире. Поскольку дома мне не было возможности заниматься, я все время проводил в институте или занимался в библиотеке (институтской, центральной медицинской или Ленинской) или по соседству в читальном зале Дома политпросвещения, где, как правило, никого никогда не было.

Уходя из дома, я брал с собой пакет с бутербродами, что хватало мне на весь день, до домашнего ужина.

На старших курсах мы занимались преимущественно в клиниках на Пироговке. Иногда мы добровольно ходили на дежурства в хирургическую клинику к своему ассистенту, особенно на кафедре общей хирургии на базе Яузской больницы им. Медсантруда. Заведовал этой кафедрой профессор Илья Львович Фаерман, а доцентом был Владимир Иванович Астрахан. Оба они очень увлекательно читали лекции, прямо-таки артистично, что студентам очень нравилось. В пятидесятые годы они оба короткое время работали в Рязанском мединституте, а затем вообще лишились работы в период "дела врачей".

Крупным ученым был зав. кафедрой патофизиологии Сергей Сергеевич Халатов, автор совместно с Н.Н. Аничковым холестериновой теории атеросклероза, руководства по этой проблеме и учебника по патофизиологии, по которому мы занимались. Лекции же он читал очень скучно и невнятно, поэтому студенты их прогуливали, и слушать его оставались лишь самые старательные, вроде меня. Однажды он уронил висевшую на стене таблицу и продолжал минут двадцать объяснять, бормоча ее содержание и показывая палкой-указкой на лежавшую на полу и никому не видимую таблицу. Халатов был большой чудак, и ему приписывают, что однажды он, рассказывая о свойствах мочи, сам помочился в стоящий на трибуне стакан для питья прямо в аудитории и продолжал объяснять свойства мочи. Позже он принимал участие в международном конгрессе в Швеции и что-то там начудил. Говорят, будто он сказал, что эти достопримечательности он уже видел, покажите лучше публичный дом, которых в России теперь нет. За достоверность этого факта не ручаюсь, но совершенно достоверно, что по возвращении в Москву Халатова арестовали и запретили ссылаться в научных работах на его имя, а из библиотек изъяли все его книги. Лишь в хрущевское время он был полностью реабилитирован.

Кафедрой патологической анатомии заведовал академик Алексей Иванович Абрикосов, автор учебника для студентов и классического многотомного руководства для врачей, нередко подписывавший заключение о смерти кремлевских деятелей.

Из клиницистов наиболее известными были зав. факультетскими клиниками хирургии Николай Нилович Бурденко и терапии

Максим Петрович Кончаловский. Бурденко был невысокий, плотный, по виду простой мужик, прекрасный хирург, первым в стране начавший проводить операции на мозге, основатель Института нейрохирургии, получивший позднее его имя, главный хирург Советской Армии в годы войны и первый президент Академии медицинских наук СССР, организованной по его инициативе. Его имя носит одна из улиц Москвы, где он жил. К концу жизни он стал плохо слышать, громко говорил и ругался во время операции, а его сотрудники в этом ему подражали, что считалось тогда хорошим стилем. Но Бурденко был большим умницей, хорошо читал лекции и умело выступал, был активным общественным деятелем. Как-то стояли мы перед операционной, ожидая, пока нас пригласят. Мимо быстро проходил, почти пробежал Бурденко и, увидев нас, бездельничавших в ожидании, сказал: "Стоите без дела, а у меня вот минутки свободной нет" и побежал дальше.

Полной противоположностью Бурденко был М.П. Кончаловский. Это был высокий мужчина с представительной внешностью, в аудиторию он не вбегал, подобно Бурденко, а входил важно, как бы шествовал в окружении многочисленной свиты сотрудников, над которыми он на голову возвышался. В те времена злые языки поговаривали, что когда больному хотели показать профессора, приглашали Кончаловского, а когда хотели показать больного профессору, приглашали Дмитрия Дмитриевича Плетнева. Наши предшественники учились по его учебнику диагностики внутренних болезней. Плетнев не отличался представительной внешностью, но слыл хорошим терапевтом. К моменту моей учебы был уже другой зав. кафедрой диагностики Е.Е. Фромгольд, а Плетнев за какие-то грехи (или без них) был репрессирован и реабилитирован много позднее. М.П. Кончаловский обладал не только аристократической внешностью, но и внес значительный вклад во все направления внутренней медицины от кардиологии, ревматологии или гематологии до курортологии. Он был председателем Всесоюзного общества терапевтов, его лекции были всегда интересными по содержанию и по форме. Обычно он начинал лекции с представления больного, а затем развивал тему лекции. В начале своей профессорской деятельности я пробовал использовать этот ранее классический метод преподавания, но вскоре от него отказался, ибо студенты

плохо слушали, пока я рассказывал о симптомах и результатах обследования данного больного. Пришлось вначале излагать лекционный материал, а затем кратко иллюстрировать демонстрацией больного.

Крупными учеными, авторами учебников или оригинальных операций были профессора П.А. Герцен, М.С. Малиновский, Е.К. Сепп и многие другие.

Хотелось бы только вспомнить зав. кафедрой социальной гигиены, первого министра здравоохранения страны Николая Александровича Семашко, чье имя носят до сих пор многие лечебные учреждения и даже городские улицы. Это был среднего роста, несколько полноватый мужчина, с седыми волосами и бородкой, но отнюдь не дряхлого вида. Он не часто читал нам лекции, говорил тихим приятным голосом, держался скромно и рассказывал не столько об организации здравоохранения СССР, сколько о жизни старых большевиков в эмиграции, о встречах с Лениным, о работе над программой ВКП (б) в области здравоохранения. По словам Семашко, Ленин не сразу согласился с принципом территориальной (участковой) врачебной помощи без учета пожеланий пациентов, с идеей полностью бесплатного медицинского обслуживания. В первые годы советской власти лекарства были бесплатными, и их было еще немного, даже спирт врач мог выписать по рецепту бесплатно, правда, с примесью какого-либо безвредного вещества, но позднее больной должен был сам все оплачивать. В перерыве между лекцией Семашко охотно беседовал со студентами, отвечал на вопросы. Теперь мне было бы интересно спросить, что он думает о судебных процессах над троцкистами, бухаринской и зиновьевской оппозицией, о начавшейся войне с Финляндией и о многом другом, о чем он мог иметь свое мнение. Но в то время было не принято сомневаться в правильности сталинской политики и задавать лишние вопросы. Семашко, вероятно, умел держать язык за зубами, иначе он тоже попал бы в компанию врагов народа, а так он благополучно дожил до естественной смерти в 1949 году. Мне посчастливилось присутствовать на юбилее - 200-летию медицинского факультета Московского университета в Колонном зале в 1940 году, где в Президиуме заседания были все наиболее видные ученые. Когда же было торжественное заседание в честь 250-летия в одной из аудиторий новых зданий института, то в Президиуме были только

начальство, министр здравоохранения СССР и никого из знакомых или известных профессоров. Когда я попытался после заседания подойти поздравить знакомых мне министра И.Н. Денисова, ректора М.А. Пальцева или председателя месткома института профессора В.А. Галкина, меня просто близко не подпустили.

На старших курсах я начал заниматься в студенческом кружке на кафедре нервных болезней, руководимой Евгением Константиновичем Сеппом, крупным ученым в области патологии симпатической нервной системы, автором учебника, по которому мы занимались. Я посещал его вечерние разборы больных, с интересом слушал его размышления. Лекции он читал тихим голосом и материал излагал довольно сложно, поэтому студенты неохотно посещали их, но мне они нравились. Сепп знал моего отца по его работе в ГУСе и даже спросил о состоянии его здоровья.

Непосредственно студенческим научным кружком руководил доцент кафедры Лев Григорьевич Фиденгольд. С ним у меня сложились очень дружеские отношения, и даже спустя 25 лет я поддерживал с ним контакт, навещал его дома и консультировался у него, когда заболел. Темой моей научной работы было изучение функций печени при помощи новой тогда пробы Квинке у больных паркинсонизмом. Эти исследования я проводил в лаборатории клиники Бурденко, где было много таких больных, так как их здесь пытались оперировать. Руководила лабораторией и моей работой известный биохимик профессор Лидия Григорьевна Смирнова, высокого роста, благожелательная, деловая и очень непосредственная женщина.

21 декабря 1939 года вся страна, как всенародный праздник, отмечала 60 лет со дня рождения И.В. Сталина. Культ его личности становился все сильнее: городам, улицам, учреждениям и заводам присваивалось его имя, а в наиболее крупных учебных институтах ввели стипендии имени Сталина. В числе первых сталинских стипендиатов оказался и я, причем в заметке в газете "Правда", посвященной этому событию, первым среди стипендиатов был указан Александр Ногаллер, успехи которого явно преувеличивались. Далее приводились другие фамилии - Ани Маршак из нашей группы, Юры Грицмана, Супрунова и др. Жаль, что газета эта не сохранилась у меня. Всего в институте было 12 сталинских стипендиатов, а наши портреты даже после войны

висели при входе в институт. Размер сталинской стипендии превышал среднюю врачебную зарплату и составлял 500 рублей. Получал ее я до окончания института, т.е. почти два года. Впоследствии эти стипендии стали называться ленинскими, а затем государственными и до сих пор являются самыми престижными среди других студенческих стипендий.

Осенью 1940 года наш отец скончался в больнице от присоединившейся пневмонии. Я спросил профессора Е.К. Сеппа, представляет ли интерес для науки мозг больного паркинсонизмом, на что он ответил, что в этом плане болезнь достаточно изучена, а вот то, что отец обладал очень хорошей памятью, представляет для науки интерес, и он написал отношение в Институт мозга. С этим отношением я отвез мозг отца в специальный институт, где изучался мозг Ленина и других выдающихся людей. Дальнейшую судьбу этого, уже анатомического препарата, я не знаю, ибо вскоре началась война, и было не до того. Сейчас я вряд ли бы это сделал, а тогда уж очень уважал науку. В предвоенные годы жизнь в стране стала постепенно улучшаться. Отменили карточную систему, расширился ассортимент промышленных товаров и продуктов, несколько повысилась зарплата, меньше стало репрессий, хотя, впрочем, полностью они не исчезли. Все же люди стали доверять сталинскому руководству, охотно ходили на праздничные демонстрации с портретами вождей, распевали патриотические песни и в большинстве своем искренне разделяли широко развешенные на улицах плакаты или печатавшиеся в газетах лозунги типа "Жизнь стала лучше, жизнь стала веселее" или "Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство". Теперь я понимаю, что до обеспеченной, счастливой жизни было еще очень далеко, но тогда народ радовался и этим небольшим переменам к лучшему.

Вспоминаются выборы в Верховный Совет СССР и РСФСР, в местные советы, когда создавалось особенно праздничное настроение, а народ почти единогласно голосовал за единственную представленную кандидатуру блока коммунистов и беспартийных. Мы полагали, что так и должно было быть, ибо другой выборной системы не знали. Единогласному голосованию много способствовала система организации общественных агитаторов и избирательных участков. По партийной и комсомольской линии выделялись агитаторы, которые разносили по квартирам

агитационные материалы, рассказывали биографии выдвигаемых кандидатов, проводили политбеседы и спрашивали о нуждах избирателей и по мере возможности стремились содействовать в удовлетворении их просьб. Накануне выборов агитаторы разносили специальные, красиво оформленные приглашения для каждого избирателя в отдельности, причем агитатор отвечал за явку подшефных избирателей. Для больных, инвалидов, немощных стариков избирательные урны приносились или привозились на дом. На избирательном участке в списках избирателей отмечалось, кто уже проголосовал, а если к 14-15 часам кто-то еще не проголосовал, к нему посылался агитатор выяснить, в чем дело. Впрочем, в подавляющем большинстве народ охотно шел голосовать уже в самые ранние часы. Голосование было тайным, в закрытых кабинках, а за порядком наблюдало множество лиц. Избирательные участки были празднично украшены, играла музыка, иногда даже были танцы, но самое главное - работали буфеты с дефицитными продуктами и все избиратели после голосования дружно устремлялись в буфет. Даже в конце 80-х годов, незадолго до горбачевской перестройки, когда вновь стал дефицит продуктов, на нашем избирательном участке в Рязани, после прохождения комнаты с кабинками для голосования, продавали по полкило сливочного масла, что было дополнительным стимулом к участию в выборах.

Почти все студенческие годы я был агитатором, а мой участок находился вдоль Фрунзенской набережной Москвы-реки, где находились тогда старые одноэтажные, преимущественно деревянные дома. В одной из посещаемых мной комнат жили две семьи: родители с младшими детьми, а в отделенном простыней углу - взрослый сын с женой и ребенком. В комнате пахло детскими пеленками и запахами кухни. Подобных перенаселенных квартир было тогда в Москве много. Лишь в послевоенные годы эти дома снесли и построили на этом месте многоэтажные здания.

Возглавлял бригаду агитаторов профессор кафедры факультетской терапии Арам Григорьевич Гукасян. В прошлом он окончил Институт Красной профессуры и читал нам лекции не столько по терапии, сколько по диалектическому и историческому материализму. Впоследствии он заведовал кафедрой терапии 2-го лечебного факультета института и одно время был даже начальником Главного управления высших учебных заведений

Минздрава. А в то время он был простым профессором, и мы вместе, возвращаясь из избирательного участка после его беседы, висели от Пироговки до центра на подножке переполненного трамвая, которые еще ходили по этой окраинной тогда улице.

Вскоре после Договора о ненападении между СССР и фашистской Германией и присоединением к СССР Прибалтийских республик, Западной Украины, Белоруссии и Молдавии началась малоуспешная война с Финляндией. Эта война велась зимой, сопровождалась многочисленными потерями с нашей стороны из-за плохой подготовки армии и наличия у маленькой Финляндии мощных укреплений - линии Маннергейма. Убедительность пропаганды (фашистского типа режим в Финляндии, необходимость отодвинуть границу от Ленинграда и пр.) была сомнительной, но многие в это верили и даже находились добровольцы. Так, студент 4-го курса нашего института Миша Рабинович добровольно попросился в действующую армию, участвовал в боевых операциях в качестве фельдшера, получил ранение в левую руку, которую пришлось ампутировать. Вернулся Миша героем, награжденный орденом Красной Звезды, и приступил к занятиям в институте, но на курс младше, т.е. начал заниматься на нашем курсе. Он был обычного телосложения, носил очки, имел хороший, скромный характер и отнюдь не напоминал героя из кинобоевика. Еще студентом он женился на одной из самых симпатичных и красивых однокурсниц - Ольге Ботвинник. Будучи уже врачом, несмотря на тугоподвижность локтевого сустава, он опять пошел добровольцем на фронт и с этой войны уже живым не вернулся. Я знал Мишу лично, кроме того, мне много рассказывала о нем его вдова Ольга, ассистент кожной клиники нашего института, с которой я всегда был в дружеских отношениях.

Белофинская война, как ее тогда называли, окончилась к весне 1940 года, и только после нее стали более энергично проводиться учения по гражданской обороне, учебные военные тревоги, строиться бомбоубежища. Еще до того мы сдавали на значок ГТО (готов к труду и обороне), состоявший из большого комплекса спортивных упражнений (бег, прыжки, плавание и др.). Все задания комплекса я относительно легко сдал, кроме бросания гранаты - никак не удавалось бросить на необходимую дистанцию для сдачи нормы. Кто-то из однокурсников бросил за меня, в конце концов,

эту гранату, преподаватель физкультуры зачел мне все виды спорта и я с гордостью начал носить значок ГТО. Ношу его до сих пор вместе с военными и послевоенными орденами и медалями на своем старом черном пиджаке, как память о первой награде.

Кто-то из писателей сказал, что не может быть литературного произведения, романа или повести без любовной истории. Строго следуя хронологической последовательности, до сего времени я не имел повода писать о любви, я был еще относительно молод и имел много других интересов и забот. Да и жанр моих мемуаров - летопись событий, а не роман.

С Миррой Медовой я поддерживал товарищеские отношения все годы учебы. Мы обменивались книгами, учебниками, иногда посещали вместе кино. Она мне нравилась больше других девушек, была активной, энергичной и привлекательной. 22 мая 1941 года у меня был день рождения и мы отметили его дома за нашим маленьким круглым столом впятером - мама, бабушка, сестра, я и впервые приглашенная ко мне домой Мирра. Она подарила мне два билета в театр оперетты на "Сильву" Имре Кальмана, классическую оперетту, которую я тогда еще не слушал. Естественно, я пригласил на спектакль Мирру. В связи с этим, бабушка с полным убеждением заявила маме, что эта девица станет женой Алика (т.е., моей). Ее прогноз вскоре подтвердился: мы поженились 2 августа 1941 года.

Счастливые молодожены. Мирра Медовая и Александр Ногаллер. Москва, 2 августа 1941 г.

В июне 1941 года, в первых числах, после окончания четвертого курса началась летняя студенческая практика. Проходил я ее в маленьком городке Алексин Тульской области в районной больнице недалеко от леса и песчаного берега Оки.

Вместе со мной в Алексинской больнице практику проходили Мирра, Иосиф Алов и Ара Доброжанская. Ара была высокой красивой блондинкой с голубыми глазами и веселым, как бы легкомысленным характером. Она пользовалась большим успехом у мужчин и отнюдь не собиралась стать ученой дамой. Мы все вчетвером были очень дружны, по очереди по ночам дежурили в хирургии, в акушерском и родильном отделении. Днем

принимали терапевтических больных или участвовали в операции, а в свободное время купались в Оке или гуляли по лесу. После войны я неоднократно виделся с Арой и как-то спросил ее: "Как ты стала профессором, ведь ты не рвалась в науку?" На это она мне шутливо ответила: "Сама удивляюсь". А профессором-эндокринологом она стала очень известным и уважаемым. Многие наши девушки после окончания института из-за начавшейся войны не были посланы на сельские участки, как это практиковалось в до- и послевоенное время, а остались работать в клиниках института. Многие из них впоследствии стали кандидатами и докторами наук. Судьба и карьера часто совершенно непредсказуемы, многое зависит от случая и обстоятельств. Во время нашей студенческой практики, как и ранее в институте, были занятия по гражданской обороне и учебные тревоги.

Ночью, в субботу 21 июня нас подняли сиреной по тревоге. В течение нескольких минут мы успели одеться, схватить свой противогаз и прибежать в больницу в полной готовности выехать куда-либо по требованию или же для оказания медицинской помощи на месте, как это бывало во время предыдущих тревог. После проверки нашей готовности нас отпустили досыпать дальше.

Рано утром в воскресенье 22 июня 1941 года меня кто-то разбудил с возгласами: "Вставай, война началась". Мне не хотелось просыпаться столь рано, и я сквозь сон бормотал, что, мол, хватит шутить, вчера уже была тревога. Но меня снова разбудили со словами, "Нет, теперь настоящая война, вставай быстро". Действительно, по радио сообщили, что фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз и наша армия ведет тяжелые оборонительные бои. Утром по радио обратился к народу тогдашний председатель Совнаркома В.М. Молотов и подтвердил начало военных действий и вынужденное отступление нашей армии по всей линии фронта. Закончил он свою краткую речь словами: "Наше дело правое, победа будет за нами". Эти слова потом неоднократно повторялись в различных выступлениях. Народ верил этим словам и надеялся на скорую победу. Мы продолжали свою студенческую практику в больнице, ожидая указаний из деканата института и жадно слушая сводки Информбюро о военных действиях. В конце июня к нам пришло распоряжение заканчивать практику (она должна была продолжаться еще весь июль) и срочно возвращаться в Москву для

продолжения учебы в институте. Итак, в начале июля мы начали досрочно заниматься на пятом, тогда последнем курсе мединститута уже в условиях военного времени. Мы тогда еще слабо представляли, какие бедствия и ужасы принесет с собой война, воображая ее в героическом плане, как в кино. Никто не думал, что военные действия будут проходить непосредственно под Москвой. Военные сводки того времени воспринимались как нечто далекое. Но и мы понимали, что кончилась беззаботная студенческая жизнь, когда успехи зависели от тебя, а не от внешних обстоятельств. Начался новый период в моей жизни - война.

Война

Первые месяцы войны

Мне представляются не вполне ясными истинные причины 2-й мировой войны и нападения Германии на СССР.

Если бы Гитлер не пришел к власти, и в Германии не установилась бы нацистская диктатура, если бы не сталинская диктатура с коммунистической идеологией всемирной революции, была бы неизбежной война или ее можно было бы предотвратить? Дело только в личных амбициях лидеров стран или в объективных причинах, как это имеет место в конфликте в Израиле с палестинцами? Народ же всегда и везде мало что решает – опытные вожди могут его убедить при определенных предпосылках и условиях в чем угодно. Невольно задаешься вопросом, сделает ли человечество выводы о недопустимости войн, особенно в век атомного оружия? Войны ради интересов тех или иных правящих кругов в том или ином государстве или между государствами неизбежны и в будущем? Вряд ли кто ответит на этот вопрос с абсолютной достоверностью.

А пока что вернусь к воспоминаниям молодости, точнее к лету и осени 1941 года. Теперь, спустя семьдесят лет после окончания войны, понимаешь, насколько мирная жизнь при всех ее трудностях и заботах лучше, чем война. В годы войны нередко проявляются худшие черты человеческой природы - жестокость, насилие, эгоизм, жадность и глупость. Но нередко и лучшие качества проявлялись именно в годы войны - фронтовая дружба, героизм, самопожертвование, взаимопомощь, истинные патриотизм

и идейность. И все же война является недостойным человеческого разума методом устранения противоречий и конфликтов, а чисто звериным способом решения проблем.

В начале июля 1941 года мы получили распоряжение вернуться в Москву для продолжения учебы. Занятия в институте начинались, как и раньше, но посещение лекций стало не обязательным, т.к. многие студенты начали работать чаще в качестве грузчиков, реже - санитарями или на других работах. В Москве стали раздаваться сигналы тревоги из-за начавшихся воздушных налетов. Чаще налеты вражеской авиации осуществлялись в ночное время. Нам приходилось дежурить на крыше домов в ожидании падающих зажигательных бомб. Их надо было специальными металлическими щипцами вовремя схватить и потушить в ящике с песком, который обычно стоял также на крыше. Иногда бомбежка продолжалась всю ночь, а утром надо было идти на занятия; так было в первый месяц войны. А затем фашисты стали сбрасывать преимущественно фугасные бомбы, и тогда по сигналу воздушной тревоги надо было идти не на крышу дома, а в бомбоубежище, в ближайшую станцию метро или в обычный подвал, более или менее приспособленный для ночлега. Люди тащили с собой раскладушки, одеяла, детские коляски, подушки. С появлением темноты окна в квартирах тщательно завешивались, чтобы вражеские летчики не видели жилые дома. Несмотря на тяготы военного времени, люди были уверены в скорой победе, особенно после выступления по радио Сталина, сказавшего, что еще несколько месяцев, может быть, полгода, и гитлеровская Германия лопнет под тяжестью совершенных ею преступлений. Молодые люди были призваны в армию, но немало было и добровольцев. Днем всюду звучала песня Соловьева-Седова с музыкой Александрова «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой... Идет война народная, священная война...»

В то же время сводки Совинформбюро не радовали - вражеские войска захватили уже значительную часть Украины, Белоруссии, всю Прибалтику. В Москве началась эвакуация на Восток заводов, отдельных предприятий и учреждений. Выехала и со своим учреждением «Стальпроект» и моя мама вместе с моей сестрой Рикой. К этому времени уже исчезли из продажи все продукты и товары, всюду ввели карточную систему. Как я уже упоминал выше, 2 августа 1941 года произошло важное событие в моей

жизни: мы с Миррой Медовой зарегистрировали свой брак. В связи с военным временем все произошло очень буднично - в ЗАГСе Молотовского района г. Москвы зарегистрировали наше бракосочетание. Не было свидетелей, торжественных речей, музыки, гостей и угощений. Случайно удалось купить еще без карточек по порции мороженого, и мы были счастливы. Моя мать и ее отец не возражали против нашего брака. Мы уже полюбили друг друга, боялись потерять нашу любовь в связи с предстоящей разлукой и решили закрепить ее официальным бракосочетанием. Событие это произошло мало замеченным для родных и окружающих, в связи с войной было не до того. Наш медовый месяц продолжался около двух месяцев, а затем война разлучила нас, что, впрочем, в то время было обычным. Фронт стремительно приближался к Москве. Вдоль ведущих к столице дорог строились противотанковые рвы и крестообразные металлические заграждения. Строило их преимущественно гражданское население во время или даже после работы. Не пригодные к воинской службе по возрасту или по состоянию здоровья мужчины добровольно или по призыву партийной или комсомольской организаций записывались в ополчение. Их направляли на фронт, почти не вооруженных и не обученных для обороны столицы. Большая часть их погибла при наступлении фашистских войск или от бомбардировок. Лишь небольшая часть уцелевших ополченцев была включена впоследствии в состав регулярной армии. Незначительная же часть совсем не пригодных к воинской службе старых и больных людей была отправлена по домам.

10 октября я пришел, как и в предыдущие дни, на занятия в мединститут, где нам сказали: «Молодые люди, кончайте заниматься чепухой, отправляйтесь на фронт». Уже на следующий день всем мужчинам без всяких госэкзаменов и комиссий вручили врачебные дипломы. Секретарша деканата под расписку выдала нам дипломы, в которых было указано, что квалификация врача была присвоена согласно приказу Наркома здравоохранения СССР.

На следующий день я был на призывном пункте для врачей, который располагался в здании ЦИУ на Баррикадной улице. Я и мой друг Жозя (Иосиф) Алов, в будущем известный гистолог - цитолог, попросили направить нас вместе в одну часть. Нас действительно направили в распределительный пункт вместе, в Чернышевские казармы на Калужской площади. Там он получил

направление в один полк, а я в другой, и встретились мы с ним лишь только после войны. В ожидании направления в свою часть, я стал читать захваченный с собой учебник «Медико-санитарная служба Советской Армии», раздел, посвященный артиллерии. Впоследствии мне не пришлось раскрывать этот учебник, ибо в реальной воинской службе он совсем не понадобился. Вскоре мне вручили направление в 703-й ЛАП (легкий артиллерийский полк) на должность старшего врача полка. К тому времени мне, как и другим мужчинам-выпускникам, присвоили воинское звание военврача 3-го ранга. Командир полка заехал за мной на машине, на которой мы и доехали вместе на фронт, в свою часть в 20 км западнее Москвы вдоль Минского шоссе. 15 октября 1941 года я прибыл вместе с командиром в штаб полка. Командир представил меня комиссару, который отнесся ко мне очень доброжелательно. В истребительном противотанковом артиллерийском полку (ИПТАП) Штаб полка располагался в небольшой деревушке западнее Можайска. Я прибыл в своей гражданской одежде, в ботинках и с кепкой. Командир полка, Василий Николаевич Иванов, тогда еще только капитан, а впоследствии генерал-майор, Герой Советского Союза, распорядился выдать мне воинское обмундирование, а в петлицы прикрепили одну шпалу – воинское звание капитана – и медицинский значок «змею с чашей». Комиссар полка собственноручно обучил меня правильному надеванию портянок, что имеет большое значение для предупреждения натертостей с последующим нагноением. До того надевать сапоги и портянки мне не приходилось. 703-й артполк состоял из 5 батарей, оснащенных 76 мм и 45 мм пушками, и одной зенитной батареи с 85 мм орудиями. В каждой батарее было по четыре орудия с командой из 6-8 человек. Кроме того, в состав полка входил целый ряд общеполковых соединений: штаб, разведроты, хозчасть, медсанчасть, артснаб, связь и др. Впрочем, при налете вражеской авиации все орудия стреляли по вражеским самолетам. Эффект поражения был очень невысок, из-за чего пехотинцы шутили, что летчиков надо в меде купать, а зенитчикам хлеба не давать. Все же главной задачей нашего полка было бить по наступающим по Минскому и Можайскому шоссе фашистским танкам, не допускать их прорыва к Москве. Позднее наш полк был переименован в ИПТАП (истребительный противотанковый артиллерийский полк). Нам установили, как и гвардейцам, полуторный оклад и выдали

специальные красивые нашивки на левый рукав. Этим подчеркивалась роль подобного воинского соединения. Полк наш был придан 5-й Армии, оборонявшей Москву с Запада. Командовали этой Армией прославленные впоследствии генералы Лелюшенко, затем Л.А. Говоров, а позднее И.И. Федюнинский. Моя задача, как старшего врача (по штатному расписанию я был старший, а по существу единственный врач), заключалась в проведении санитарно-профилактической работы, организации мытья бойцов, контроле за работой кухни и питания, приготовлении и раздаче настоев хвои для профилактики цинги, оказании первой медицинской помощи. Наша медсанчасть состояла из одного врача, двух фельдшеров: Юдина из Казахстана и еще одного более пожилого из Алтайского края, санинструктора Семена Мазнева, санитаря и возчика, т.к. в моем распоряжении была персональная повозка. Позднее мне удалось выпросить у командира полка санитарную машину с шофером. Почти ежедневно я ходил пешком или ездил по батареям, выявлял нуждающихся в медицинской помощи, знакомился с командирами батарей и орудий, замполитами взводов (ранее комиссарами), бойцами, реже бывал в штабе полка, иногда ездил за медикаментами и перевязочными материалами на склад 5-й Армии. Обычно меня сопровождал санинструктор Мазнев, к которому я всегда чувствовал большую симпатию. Помню, с какой гордостью мы открыли в деревне свой первый медицинский пункт и вывесили флаг с красным крестом при входе в избу, где мы расположились. Начали поступать раненые и больные, кто пешком, кто на повозках или попутных машинах. Мы оказывали первую помощь – накладывали повязки, шины, вводили противостолбнячную сыворотку. Многим для профилактики травматического шока давали по 100 г водки или разведенного спирта. Многие раненые, вышедшие из окружения в районах Смоленска и Вязьмы, были обморожены, простужены и одеты еще по-летнему. Большие трудности были с отправкой раненых в тыл. Ходячих отправляли пешком до ближайшего ПМП пехотного полка, других отправляли на попутных, идущих в тыл, машинах. Иногда шоферы отказывались брать раненых, а однажды мне даже пришлось пригрозить оружием, т.к. у меня всегда был с собой наган. Вскоре мы израсходовали почти все медикаменты, бинты и спирт. В период затишья я попросил у своего командира полка разрешения

съездить на склад 5-й Армии для пополнения перевязочного материала, спирта, медикаментов. Командир отругал меня за то, что я все свои запасы столь быстро израсходовал и вообще стал оказывать медицинскую помощь пехотинцам. Наша медицинская санитарная часть предназначена для нашего полка, а еще не один наш артиллерист не ранен - сказал он мне. Пусть приходящие идут в свои санитарные части. Я было начал возражать, что нас учили оказывать медицинскую помощь всем нуждающимся в ней, независимо от принадлежности к той или иной части, но командир велел убрать медицинский флаг, сказав, что наши и так будут знать, где находится медицинский пункт. Тогда мне казалось, что командир полка не прав, а я прав. Теперь я понимаю, что в жизни нередко бывают ситуации, когда обе спорящие стороны правы, каждая со своей точки зрения. Под натиском превосходящих сил противника наши войска вынуждены были отступать в сторону столицы. Отступление шло с упорными боями. Орудия нашего полка били прямой наводкой по фашистским танкам, продвигавшимся вдоль шоссе. Противотанковых орудий и ПТР (противотанковых ружей) не хватало. Нередко пехотинцы поджигали наступающие танки, бросая в них бутылки с зажигательной смесью. Впоследствии подобные зажигательные смеси западные журналисты стали почему-то называть «коктейлем Молотова». Не только в кино, но и в жизни было множество героических поступков, когда бойцы, имена которых часто оставались неизвестны потомкам, жертвовали своей жизнью, чтобы не пропустить врага к столице. Они бросались под танки со связками гранат в руке или обвязывали себя гранатами и погибали вместе с горящим танком. Несмотря на героическое сопротивление, немцы продолжали наступать. Наш полк постепенно в конце октября 1941 года отошел из района Дорохово под Можайском до станции Кубинка, от которой теперь электричка идет до Белорусского вокзала около 30 минут. О первом бое полка рассказывал позднее его командир В.Н. Иванов. Наши артиллеристы уничтожили в общей сложности 12 фашистских танков, потеряв при этом 9 орудий и почти половину личного состава полка. За отступление и большие потери командира полка хотели судить, велось следствие. Но, когда разобрались, его полностью оправдали, а к концу войны даже присвоили звание Героя Советского Союза. Как говорится, пути Господни

неисповедимы. В одном из боев ранило командира орудия А. Винокурова. У него были множественные осколочные ранения грудной клетки и конечностей. После оказания первой помощи его удалось быстро отправить в ближайший медсанбат. Далее его отправили в полевой армейский госпиталь и в глубокий тыл. Я встретился с ним случайно в 1950 году, когда работал в клинике Института питания в Москве. Александр Винокуров поступил в нее для лечения язвенной болезни. Он рассказал мне, что ранения мягких тканей зажили относительно быстро, но один из осколков повредил позвоночник и спинной мозг, вызвав расстройство тазовых органов и паралич обеих ног. Пять долгих лет он был прикован к постели, не мог ходить. Несмотря на тяжелое ранение и недавно развившееся заболевание, он не упал духом. До войны Александр успел закончить десятилетку и кратковременные артиллерийские курсы. Лежа в постели, он начал углубленно изучать историю и философию, заочно сдал экзамены по всем предметам за университет, затем успешно защитил кандидатскую диссертацию. Ко времени нашей повторной встречи он медленно передвигался на костылях, водил машину, работал преподавателем философии в Московском университете. Не только «В здоровом теле - здоровый дух», но, и наоборот, - при сильном духе здоровеет тело. Хорошо известна книга Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке», о безногом летчике Алексее Маресьеве. Подобных случаев «настоящего человека», когда люди преодолевали свое увечье после ранения, и добивались намеченной цели, мне приходилось встречать в годы войны и вскоре после нее немало. Но встречались и обратные явления, когда относительно легко раненные или потерявшие одну из конечностей люди падали духом, теряли интерес к жизни или вообще спивались. В первом же бою при отступлении куда-то исчез мой военфельдшер, захватив с собой две бутылки спирта из ящика неотложной помощи.

Осень 1941 года была очень холодная, рано наступило резкое похолодание, уже в ноябре выпал снег. Вспоминается встреча со своим знакомым студентом 1-го Медицинского института. Он был на курс старше меня и попал на фронт в первые дни войны, оказался в окружении в районе Вязьмы. Он был в летней одежде, оборван, голоден. Я накормил его на полковой кухне, помог найти сборный пункт. Подобных одиночек и групп, выходящих из окружения, в октябре-ноябре 1941 года было немало. Постепенно

положение на фронте стабилизировалось. При повторном наступлении немцам в ноябре удалось лишь незначительно приблизиться к Москве. На фронт стали прибывать новые пехотные части с Урала и Сибири, танки, орудия, автоматы ППШ (пулемет-пистолет Шпагина). Кстати, с дочерью этого Шпагина я потом работал в одной больнице в Рязани. Активизировались действия нашей авиации и уменьшились вражеские бомбардировки наших позиций. На нашем участке фронта появились реактивные орудия - знаменитые «Катюши». Все говорило о подготовке к контрнаступлению. Вспоминается 7 ноября, когда в Москве был, как всегда, военный парад, а к нам на фронт прибыли подарки из тыла: теплая одежда, конфеты, вино и другие праздничные подарки, напомнившие о доме и мирной жизни. Много лет спустя выяснилось, что шефом нашего полка был текстильный комбинат им. Щербакова, который и через 25-40 лет после победы организовывал встречи наших однополчан. В период затишья командир полка проводил офицерскую учебу, к которой привлекли и меня, далекого от артиллерийской подготовки. Вначале были теоретические занятия - расчеты, работа с картой, команды орудиям и пр. Затем были практические занятия, когда из землянки командного пункта отдавали команды орудиям стрелять по настоящим вражеским позициям, а командир полка оценивал правильность наводки и обстрела. Дошла очередь и до меня. Я вроде тоже грамотно отдал приказ и наблюдал, где разорвался снаряд, и как забегали около своих укрытий фашисты. Это было единственный раз, когда мне пришлось применить огнестрельное оружие и то с учебной целью. Хотя у меня при себе всегда был в кобуре наган, стрелять из него, к счастью, ни разу не пришлось. Много лет спустя, в канун Дня Победы, когда я был приглашен выступить перед школьниками, один мальчуган попросил меня рассказать, за что я был награжден орденами Отечественной войны и Красной Звезды. Я сказал, что за хорошую работу по оказанию медицинской помощи раненым при освобождении Варшавы и взятии Берлина. Мальчик был явно разочарован. Ему казалось, что для получения ордена надо было совершить какой-либо героический поступок, как в кино или книгах писали, а не просто выполнять свою будничную работу. К этому времени, как я уже упоминал, на нашем фронте появились первые реактивные пушки, установленные на грузовиках - знаменитые «Катюши». Зрелище

действительно яркое, когда вылетают как бы по рельсам сразу 6-10 снарядов. «Катюши» приезжали на передовую, отстреливались и уезжали в тыл, чтобы это строго засекреченное оружие не попало в руки врага. Весь экипаж орудия состоял тогда только из проверенных офицеров. У немцев в то время не было подобного вооружения. Реактивные снаряды типа «Фауст» у них появились лишь к концу войны. При теперешнем развитии электронного и атомного оружия «Катюши» кажутся детской забавой, но тогда они производили сильное впечатление на наших бойцов, внушали нам надежду на скорую победу, а на врагов нагоняли страх.

К сожалению, у меня не сохранились фронтовые дневники тех лет, лишь отрывочные воспоминания, опубликованные в институтской и рязанской областной газете. Фронтовая жизнь состоит не только из одних боев. Бывали и совместные застолья (благо нам ежедневно выдавали 100 г водки) и дружеские беседы, воспоминания о гражданской жизни, учебе, о разных знакомых. Нередко я посещал батареи вместе с помпотехом полка (помощник командира полка по технической части) Петропавловским или начартом (начальник артиллерии) Ларионовым или начснабартом (начальник снабжения артиллерии) Фейгеном. Здесь уместно вспомнить хоть нескольких однополчан.

Командир полка, кадровый артиллерист, Василий Николаевич Иванов начинал войну, как и я, капитаном, а кончил генерал-майором. Он был строг, суховат, но справедлив.

Капитан медицинской службы Александр Ноголлер. 1942 г.

Комиссар полка Шевцов был тоже кадровым военным, участвовал в гражданской войне и имел звание комбрига, то есть носил один ромб - по современным рангам это соответствовало бы званию генерала. Он был более общителен, часто заходил ко мне в медицинскую часть и нередко говорил, что простужен. Я давал ему какие-либо таблетки вроде аспирина, но он возражал, утверждая, что предпочитает народное средство - выпить спирт с луком или чесноком. Я говорил ему, что лука или чеснока у меня нет, на что он отвечал, что можно обойтись и без них. В дальнейшем я угощал его спиртом без всякой ссылки на простуду.

Когда визиты комиссара стали частыми, я не знал, что делать: отказать начальнику вроде нельзя, но и спаивать не дело. Я решил обратиться за советом к командиру полка. Он ответил коротко: „Гоните его в шею“. Вскоре Шевцова перевели в другую часть. Заместитель командира полка Ходос запомнился мне потому, что он часто употреблял украинские слова вроде "громадине", был обычно весел и доброжелателен. В наиболее дружеских отношениях я был, пожалуй, с помпотехом Петропавловским. Петропавловский был красивым мужчиной, с усиками, лет около тридцати. Спустя несколько лет после войны, когда я работал в клинике лечебного питания, я случайно вновь встретился с ним. Он пришел на консультацию к профессору Гордону, а я присутствовал при ней. Встреча была, однако, печальной, ибо у Петропавловского оказался рак поджелудочной железы. Я его часто навещал на дому, тем более, что он жил в самом центре, в гостинице «Метрополь» на верхнем этаже, но существенно помочь, естественно, не мог. Он быстро угасал прямо на глазах, мучился от боли, не мог лежать на спине, и вынужден был преимущественно сидеть, и скончался в течение нескольких месяцев. Обидно было наблюдать, как молодой мужчина, пройдя две войны без ранений (он участвовал и в финской войне), погибает из-за бессилия медицины.

Добрые отношения у меня сложились с начальником штаба полка Афанасием Степановичем Антоненко. Помню, с какой радостью и гордостью он рассказывал, что у него родился сын. Впоследствии, много лет спустя я навестил Антоненко в Казани, где он проживал до и после войны, познакомился с его сыном 1942 года рождения, его женой и внуком. Афанасий Степанович Антоненко был настоящим штабистом с хорошими организаторскими способностями и четким почерком. Мы после войны с ним нередко переписывались. Именно благодаря ему и состоялись встречи ветеранов нашего полка спустя 30-40 лет.

В первые месяцы войны я часто писал нежные письма жене Мирре Медовой, с которой мы были вместе после заключения брака всего около двух месяцев и этот «медовый» месяц был в условиях войны. Я писал своей молодой жене о фронтовой жизни, о событиях на фронте, о своей горячей любви, цитировал слова песни Алексея Суркова: «Бьется в тесной печурке огонь. Между нами поля и снега, до тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага...»

Осенью 1941 года моя жена вместе со всем 1-м Московским медицинским институтом и клиникой Н.Н. Бурденко, где она работала, эвакуировалась в Уфу. Однажды мне выпала возможность съездить ночью к ее семье в Лосиноостровскую (ныне Медведково), где жили ее отец и семья брата. Приехав на улицу Красная Сосна, где они тогда проживали, я не мог ничего узнать. Казалось, что я попал не в тыл восточнее Москвы, а снова на фронт - кругом были пустые дома или их развалины, другие следы разрушений. Лишь к утру мне удалось выяснить, что все это явилось следствием немецкой бомбардировки и взрывов на железнодорожной станции, расположенной поблизости. Семью Медовых я с трудом нашел на новом месте их временного поселения. Передав им свои фронтовые гостинцы (буханку хлеба, консервы, другое, что удалось сэкономить; в тылу снабжение было хуже, чем на фронте), я тут же поспешил возвратиться к себе в полк. Шестого декабря 1941 года Совинформбюро сообщило о начале контрнаступления наших войск. По всей огромной линии фронта, но преимущественно с флангов, полуокружавших Москву, началась артиллерийская подготовка, усилились налеты нашей авиации на вражеские позиции, а затем и продвижение вперед пехотных частей. Немцы вынуждены были отступать, но происходило это очень медленно, после тяжелых боев. Враг стремился удержать каждый опорный пункт, деревню, речушку. Даже незначительное продвижение наших войск стоило больших жертв. Усилился поток раненых. Нашему полковому медпункту приходилось работать очень напряженно, производить обработку ран, накладывать повязки, вводить противостолбнячную сыворотку и обезболивающие вещества (морфий, пантопон). Большие трудности были с эвакуацией раненых и доставкой их в ближайший медсанбат. Часто приходилось останавливать попутные машины, идущие налегке в тыл. Здесь уже не разбирались, кто свой, кто «чужой», то есть, не из нашего полка. К концу декабря на нашем участке фронта наступило затишье. Вспоминается, как пригласили меня на встречу Нового года в свою землянку в лесу вблизи передовой у деревни Полушкино командир 3-й батареи М.В. Мартемьянов и комиссар Пресняков. Я приехал туда на повозке, прикрепленной к санчасти. Естественно, захватил с собой имевшийся у меня спирт в небольшом, но достаточном для праздника количестве. Пресняков приготовил сибирские пельмени,

и мы выпили за будущую победу. В это время как раз в полночь по всей линии фронта было распоряжение дать залп из всех артиллерийских орудий по позициям врага в знак нашей победы уже в предстоящем году. Завязалась кратковременная перестрелка, но вскоре все затихло, и мы продолжали свое пиршество. Вскоре позвонил комполка, сказав, что он сейчас подъедет. Это означало, что он проверяет состояние своих подразделений. Мартемьянов предложил мне поехать к себе, но по дороге в лесу я как раз встретился с комполка. Василий Николаевич удивился моему присутствию здесь, отругав меня за то, что я не на своем месте. Я пытался оправдаться, что уехал не в тыл, а, наоборот, на передовую, но все равно комполка остался недоволен. Теперь я понимаю, что он был прав и на этот раз.

Далее я привожу отрывок из сохранившегося у меня текста моей статьи в институтской газете с воспоминаниями о том периоде войны. «В начале января 1942 года обстановка на фронте была спокойная и представилась возможность заниматься обычными лечебно-профилактическими мероприятиями, организовать баню и стрижку бойцов. Вскоре началось наступление советских войск и на нашем участке фронта. При своем отступлении немцы сжигали деревни, очевидно, не надеясь больше сюда вернуться. Поэтому располагаться приходилось преимущественно в лесу, в землянках. Вспоминаются заснеженные, казалось, бесконечные дороги, переезды, обустройство на новом месте. Тяжелое впечатление оставляли рассказы уцелевших жителей о зверствах фашистов, об угоне женщин и девушек на работы в Германию. К концу января 1942 г. контрнаступление наших войск завершилось, угроза захвата Москвы была окончательно ликвидирована. Наши войска продвинулись на запад на расстояние от 100 до 300 км, захватили множество вражеской техники и пленных.

Особенно памятливы бои на знаменитом Бородинском поле западнее Можайска. После упорных оборонительных боев оно было оставлено 18 октября 1941 года, а 20 января 1942 года войска 5-й Армии овладели селами Бородино и Горки, вышли на рубеж реки Колоочь. Село Бородино немцы успели при отступлении сжечь, но благодаря стремительному наступлению войск знаменитые памятники Отечественной войны 1812 года остались неповрежденными. Сейчас на Бородинском поле установлен памятник воинам нашей 5-й Армии, освободившей это знаменитое

место от фашистских захватчиков. Немецкие войска отступили на запад, в сторону Уваровки и Гжатска (ныне город Гагарин). Уваровка представляла собой относительно крупный железнодорожный узел. Никогда не забудется ожесточенный налет вражеской авиации на эту станцию и селение. Почти непрерывно, по многу часов подряд немцы бомбили наши позиции. Приходилось оказывать первую помощь прямо на улице. У меня на руках погиб командир роты разведчиков Ковалев, студент из Ленинграда, которого война разлучила с институтом. У него было тяжелое проникающее ранение в таз. Смешались вместе кровь, снег, земля. Глаза раненого молили о помощи, он успел прошептать: „Доктор, спаси“. Я смог лишь наложить повязку, но он тут же у меня на руках и скончался. Я и сейчас, через полвека с лишним, вспоминаю его застывшие глаза. А ведь незадолго до ранения они излучали радость, жажду жизни. В деревне Чапаевка за несколько недель до описываемой бомбардировки наша санчасть заняла избу, в которой раньше размещалась разведрота. Мы нашли там „идеальную лампу“ - гильзу от большого снаряда, в которую был вставлен фитиль и налит бензин. Мы очень обрадовались этой лампе, ибо у нас до того была лишь маленькая гильза. Однако вскоре пришел Ковалев и хотел забрать свою лампу. Мне удалось уговорить его подарить медикам этот ценный в те времена источник света. Мы часто его вспоминали с благодарностью за тот подарок, а вот спасти ему жизнь не удалось.

Поселок Уваровка (А.М. Ногаллер сидит во 2-м ряду в центре) (1942 г.)

В Уваровке в палатке разместились операционная медсанбата стрелковой дивизии, выдвинутого вперед во время наступательных боев. Я помогал тамошним врачам в оказании помощи раненым. Поражали спокойствие и выдержка женщин-врачей, медсестер, которые, не обращая внимания на летящие бомбы и их разрывы при падении, продолжали обработку ран, переливали кровь, накладывали шины. К счастью, прямого попадания в палатки не было. В дальнейшем наша зенитная артиллерия получила подкрепление, активизировалась истребительная авиация, и налеты на Уваровку прекратились. Наша санчасть расположилась в единственной уцелевшей избе, где находилось еще 6-8 гражданских лиц, старики, дети... Мы все спали на полу, лежа на боку и тесно прижавшись друг к другу. Когда уставали лежать в одном положении, дружно поворачивались по команде на другой бок, ибо лежать на спине было нельзя - не хватало свободного места. Позднее Мазнев оборудовал мне и себе жилье на чердаке, установив в качестве печки бочку из-под бензина. Немцы все еще надеялись на победу. В тот период еще редко кто из пленных говорил фразу: «Гитлер капут». Наоборот, многие пленные немцы, которых мне приходилось тогда расспрашивать, искренно верили в свою будущую победу и говорили, что Гитлер их не обманул. Как-то в период затишья Пресняков предложил мне принять участие в глушении рыбы в расположенном недалеко озере и полакомиться затем ухой. Солдаты бросали в озеро гранату, разрывы которой поражали рыбу, и она всплывала на поверхность. Мы отправились вдвоем ночью лесом по узкой тропинке в направлении нашей батареи, расположенной вблизи озера. Вдруг слышим немецкую речь - вероятно, их разведчики вышли на охоту «за языком». Немцы были совсем близко, и мой спутник-комиссар шепчет мне: «Черт с ним, сдадимся, доктор, все равно» и что-то еще в том же духе. Но мне сдаваться в плен никак было нельзя, да и положение еще не было безнадежным - мы были в темноте, в лесу, и я начал ползти, прижимаясь к земле, в сторону от голосов, затем вполз в какую-то канаву и по ней стал пробираться в направлении наших орудий. Вслед за мной и комиссар стал пробираться по канаве, а вскоре мы удалились от фашистских разведчиков, выбрались по тропинке к своим. Пресняков просил меня не говорить никому о том, что он предлагал сдать, я пообещал и сдержал свое слово.

*Госпитальный взвод медсанбата
(А.М. Ногаллер в 1-м ряду в центре)(1943 г.)*

Добравшись до своих, мы рассказали лишь о встрече с немцами, а командир взвода послал солдат попытаться найти их. Возможно, немцы испугались русской речи и скрылись в темном лесу в неизвестном направлении. Стало уже светать и рыбная ловля была отменена. Это был, пожалуй, самый опасный для меня лично эпизод в годы войны, если не считать многочисленных обстрелов и бомбардировок. Пресняков вскоре пошел на повышение, а его дальнейшая судьба мне осталась неизвестной.

Однажды мы расположили свою санчасть в лесу в небольшой яме, накрыли ее срубленными стволами деревьев, ветками и это послужило для нас убежищем в зимнее время. Это не было, конечно, настоящей «землянкой в три наката», но построить хороший блиндаж нам вчетвером (военфельдшер Юдин, санинструктор Мазнев, шофер Земцов и я) было не по силам. Однажды по нашим позициям начался артиллерийский обстрел и один из снарядов взорвался в непосредственной близости от нашей землянки. К счастью, это было не прямое попадание, но, все-таки бревна обрушились, а одно из них ударило меня по голове. Контузия была довольно легкой, хотя я несколько дней плохо слышал, чувствовал небольшое головокружение и тошноту, но на такие пустяки тогда не было принято обращать внимание. Вскоре все прошло, и я даже забыл об этом происшествии, но через 10-12 лет стали появляться эпилептоидные приступы с судорогами и кратковременной потерей сознания (без типичного выделения слюны). Через полвека мне оформили инвалидность, как

последствие контузии военных лет, тем более, что небольшая вмятина и шрам на лбу у меня остались на всю жизнь.

Хотелось бы вспомнить о фронтовых встречах со знакомыми по мирной жизни, что всегда являлось очень радостным и запоминающимся событием. Как пела Клавдия Шульженко «Если на фронте с вами встречаются несколько старых друзей, все что нам дорого, припоминается...»

Осталась в памяти встреча со своим однокурсником, в прошлом активным комсомольским деятелем Иосифом Матульским. Летом 1942 года пушки нашего полка стояли вдоль Минского шоссе. Как-то при посещении батарей я случайно встретился с Матульским. Оказалось, что его полк располагался поблизости. Около недели мы ходили друг к другу в гости, делились воспоминаниями о такой далекой теперь студенческой жизни и опытом работы в полку. Он был тоже старшим врачом артполка, но более крупного, чем мой, ибо под его руководством служили и младшие врачи. Он рассказывал о своей работе, об отношениях с командиром и комиссаром полка, с коллегами. Он был, вероятно, весьма уважаемым в полку. Как-то он приехал ко мне верхом на коне и выглядел весьма импозантно, как лихой кавалерист. Я тогда в первый и последний раз в жизни поехал немного верхом, но особенно положительных эмоций не испытал. Затем наши полки перевели в разные направления и в годы войны нам больше встретиться не довелось. В послевоенные годы я несколько раз мимоходом виделся с ним в Москве, а затем случайно обнаружил его могилу в крематории.

Однажды на фронте я встретился со своим преподавателем гистологии Николаем Ивановичем Ворониным, который был начсандивом недалеко расположенной стрелковой дивизии.

Особенно памятливы встречи с моим давним другом Юлием Маковским. Внезапно я получил от него письмо полевой почтой, то есть конвертом-треугольником и без марки, как это было принято в годы войны. Я предполагал, что он находится в Москве, ибо он имел значительный дефект правой кисти после перенесенного в детстве полиомиелита, что делало его непригодным к воинской службе. Однако его мобилизовали по комсомольской линии как добровольца, пригодного к нестроевой службе. Так он попал в военную цензуру 5-й Армии, и к нему попало мое письмо, адресованное жене Мирре Медовой. На эту сладкую фамилию

обратил внимание его сосед по цензуре, к которому мое письмо поступило раньше. Я тут же ответил Юлию и мы стали переписываться. Оказалось, что его часть находилась относительно недалеко, в Можайске. И я несколько раз приезжал к нему на машине, когда позволяла обстановка на фронте. Дружба наша продолжалась более 70 лет.

Встречался я на фронте и со своим бывшим преподавателем из клиники Н.Н. Бурденко Поповьяном Иваном Минаевичем. Он был главным хирургом нашей 5-й Армии, но назывался армейским хирургом и находился при штабе армии. Ко мне он отнесся тепло, вспоминали общих знакомых. Много лет спустя, когда я уже заведовал кафедрой в Астрахани, мне довелось встретиться с ним вновь в Саратове, где он был тогда ректором мединститута. Несмотря на свое высокое положение, он был рад нашей встрече, показал мне свою клинику, прошелся со мной по городу, показав достопримечательности его центральной части.

Зима 1941-1942 гг. была очень холодной и снежной. Как-то вблизи расположения нашего полка мне встретилась группа разведчиков в маскировочных костюмах и с лыжами. Мы поговорили о том, о сем. Боевая обстановка была спокойная, было много свободного времени, и я попросил дать мне лыжи покататься поблизости, вспомнить довоенную жизнь. Я попытался быстро бежать, но мне это не удалось - возникла одышка. Я решил, что это сказывается уже годы, все же не школьник или студент, а 22-летний муж. Позже стал ощущать небольшую температуру, ознобы, но я не обращал на это внимания. Как врач, я был в то время еще небольшим специалистом, тем более, что было не до себя, т.к. заболел командир полка - у него появился ишиорадикулит. Я навещал его каждый день, приносил химические грелки для согревания болезненных мест, давал ему аспирин и сам принимал его. Как-то раз наш полк посетил армейский терапевт, ознакомился с имеющимися больными, с объемом оказываемой мною помощи. К концу его визита я рассказал о своем недомогании. Он послушал и простучал грудную клетку и обнаружил остаточные явления экссудативного плеврита, рекомендовал обследоваться и лечиться в условиях госпиталя, выписал направление. Спустя некоторое время я доложил командиру полка о своем заболевании, собрал свои немногочисленные вещички, а шофер Земцов отвез меня в эвакогоспиталь. Оттуда меня направили в тыловой госпиталь,

случайно находившийся в Москве, на улице Обуха, совсем недалеко от моего дома на В. Сыромятнической. В госпитале я пробыл несколько дней - меня обследовали, обнаружив небольшие остаточные явления перенесенного плеврита, исключив туберкулез.

Здесь следует признаться в грехах молодости и глупости: я сбежал на ночь в свою квартиру к жене, никого не предупредив. Мирра к тому времени вернулась из эвакуации и работала в военном госпитале на Басманной улице. Когда я утром вернулся в госпиталь на ул. Обуха, меня вызвал к себе главный врач, сказав, что меня разыскивали, как пропавшего, что я должен был отпроситься у дежурного врача, как это положено, а потому меня за нарушение дисциплины досрочно выписывают из госпиталя. Возразить мне было нечем. Так я попал в резерв медицинского состава Западного фронта, который находился в помещении Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Оттуда меня направили в медсанбат 29-й Армии на Калининский фронт, а в свой полк я уже не возвратился.

Встреча ветеранов 703 ИПТАП у памятника Кутузову спустя 30 лет после войны. Москва, 1975 г.

Чтобы закончить раздел о службе в 703 ИПТАП, уместно, пожалуй, вспомнить о встречах однополчан-артиллеристов спустя десятки лет после окончания войны. По инициативе А.С. Антоненко, заменившего в последний год войны выбывшего В.Н. Иванова на посту комполка, и благожелательности шефа полка Московского текстильного комбината им. Щербакова, мы встречались несколько раз в 80-90 годах.

Встреча ветеранов 703 ИПТАП у памятника Кутузову спустя 30 лет после войны (Москва, 1975)

Во времена Брежнева встречи однополчан практиковались часто. Нас принимали на самом комбинате, где в нашу честь устраивались приемы и концерты и где организовали специальную комнату-музей с освещением боевого пути нашего полка.

Мы посетили панораму Бородинской битвы 1812 года и ездили на само Бородинское поле, где возложили венок у памятника воинам 5-й Армии. Принимали нас также в Можайске и Жиздре, в освобождении которых принимал участие наш полк. Посетили мы также деревню Петрищево, где была повешена фашистами партизанка Зоя Космодемьянская, проехали по другим местам

нашего боевого пути, в частности посетили Кубинку. Однажды при посещении Музея Вооруженных Сил СССР нашу встречу ветеранов сняло телевидение у знаменитого Знамени Победы, которое было водружено над рейхстагом в Берлине. Затем эту

*На встрече ветеранов 703 ИПТАП в День Победы.
"Три богатыря" – нач. штаба полка А. С. Антоненко,
замполит А. И. Лебедев, ст. врач А. М. Ногаллер.*

встречу много раз показывали по телевидению в День Победы 9 Мая. «Бойцы вспоминали минувшие дни и битвы, где вместе рубились они».

На встрече ветеранов 703 ИПТАП в День Победы (нач. штаба полка А.С. Антоненко, замполит А.И. Лебедев, ст. врач А.М. Ногаллер

Так, Герой Советского Союза Шевченко при поездке вдоль Минского шоссе вспоминал: «Вот здесь стояло мое орудие, которым я немало фашистских самолетов подбил. А в другой раз мы никак не могли сбить немецкий самолет, а с первого же выстрела подбили наш советский самолет, который бомбил наши позиции (по ошибке). На войне как на войне - всякое бывает». Мы выпивали за упокой погибших однополчан, рассказывали о судьбе товарищей.

Особенно сожалели, что нет с нами Михаила Мартемьянова, при мне бывшего командиром 3-й батареи, старшим лейтенантом, а к концу войны - подполковником, зам. комполка. Он был обычно уравновешен, выдержан, дружелюбен. К концу войны он был награжден многими орденами. До войны он был учителем физики в сельской школе. Мне было, что рассказать о Мартемьянове и его судьбе. В 60-х годах, когда я заведовал кафедрой терапии в Астрахани, написал заметку в областной газете о профилактике острых кишечных заболеваний. Вскоре получаю письмо из редакции о том, что меня разыскивают, и спрашивают, не тот ли автор статьи Ногаллер, который служил в 703 ИПТАП. Сообщили адрес Михаила Владимировича Мартемьянова, которому я тут же написал. Мы не раз встречались с ним в Астрахани, а затем в его селе на Волге, севернее Енотаевска, где он преподавал в школе. Жена его тоже была учительницей, у них было двое сыновей: старший родился еще до войны, младший был школьником.

Михаил рассказывал мне свою необычную историю. После освобождения Кенигсберга (ныне Калининград), в котором принимал участие и 703 ИПТАП, Мартемьянов вместе с товарищами отмечал победу в ресторане. Там же была и группа советских танкистов во главе с полковником. Разгорелся спор, затем ссора, оскорбления (мол, артиллеристы ничего путного в борьбе с фашистскими танками не совершили...) и Мартемьянов выстрелил в полковника, прострелив, по его словам, полковничью папаху (а может быть, и не только папаху). Короче, суд военного трибунала лишил его всех наград, разжаловал в рядовые и сослал в Воркуту, где он пробыл в лагере около 8 лет. Михаил рассказал мне о лагерной жизни такие ужасы, по сравнению с которыми изложенные в повестях и романах Солженицына эпизоды кажутся лишь страшилками из детской сказки. В частности, он рассказывал о зверствах охраны, о людоедстве при побегах (когда кого-либо специально берут с собой, чтобы потом съесть в тайге) и др. После освобождения Мартемьянов вернулся в родные места, но вскоре умер относительно молодым. Вероятно, ссылка в Воркуту не прошла для него бесследно. Воистину судьба человека непредсказуема.

Со многими однополчанами я потом переписывался (с Антоненко, Хворовым, Южаниновым и др.), а с Анатолием Ивановичем Лебедевым даже повторно встречался, ибо он жил в соседней с Рязанью Владимирской области, в Гусь-Хрустальном районе. Во встречах ветеранов принимали участие 10-15 однополчан, не считая их жен, а всего в полку было за время войны более 2,5 тысяч человек. Судьба большинства из них осталась неизвестной. После перестройки в стране, т.е., с 1990 года организовывать подобные встречи стало уже невозможным из-за дороговизны транспорта и сложностей приезда из ныне разных стран бывшего СССР, из дальних городов России, Украины, Белоруссии, Закавказья.

В медсанбате и госпитале

В октябре 1942 года я попал в медсанбат 29-й Армии на Калининском фронте под Ржевом, вблизи г. Зубцов. Прибыл я с направлением из штаба Западного фронта. Этот медсанбат должны были преобразовать в полевой подвижной госпиталь и передать в распоряжение другой армии, о чем я узнал лишь впоследствии.

Направлен я был на должность ординатора госпитального взвода (то есть, терапевтического отделения в будущем). Как мне рассказывал позднее бухгалтер медсанбата Б.Н. Головизников, командир медсанбата Антонец на моем предписании наложил резолюцию: "Принять. Теоретически у меня есть терапевт, практически его нет". По существу он был прав, ибо врачебный стаж мой после окончания института был около года службы в полку. Не мог же знать тогда командир медсанбата, что впоследствии я буду 37 лет руководить терапевтической кафедрой в мединституте. Медсанбат располагался в лесу, в палатках, но по сравнению с передовой линией фронта и условиями в полку мне показалось, что я попал в рай: кровати, простыни, полотенца, медсестры, распевавшие по вечерам уральские душевные песни. Медсанбат формировался в Свердловской области, а большинство его военнослужащих было из г. Асбест. В лесу в палатках были развернуты приемное отделение, операционная и перевязочная, палаты для поступающих раненых. Моей задачей в основном было выхаживание тяжелораненых, нуждающихся в срочной операции или эвакуации. Было немало солдат и офицеров, у которых обострились старые или возникли новые болезни, вроде пневмонии, язвенной болезни, поносов неясного происхождения и др. Однако, основную массу госпитализированных составляли или очень тяжелые раненые, которых нельзя было сразу же отправить в тыл, или раненые в первые дни после полостных операций, то есть, также нетранспортабельные. Как-то у меня в палатах скопилось одновременно несколько человек с проникающими ранениями грудной клетки, осложнившимися гемо- или пневмотораксом (скопление крови или воздуха в плевральной области). Это были очень тяжелые, задыхающиеся от нехватки воздуха раненые, но медпомощь в виде откачивания плеврального содержимого, вагосимпатической блокады (введение в область нервов шеи раствора новокаина) и других мероприятий значительно облегчала их состояние. Как-то зав. терапевтическим отделением майор м/с Лифшиц предложила мне сделать сообщение на врачебной конференции госпиталя (хотя там было всего 5-6 врачей) об этом виде ранения. Литературы у меня, конечно, никакой не было, но я начал делать выписки типа историй ранений из карточек передового района, а также записывать данные моего клинического обследования и лечения, его эффективность. Лаборатории или

рентгеновского обследования у нас не было. Когда у меня накопилось 10-12 наблюдений над ранеными в грудь, должна была состояться конференция с моим докладом, тем более, что наступление наших войск затормозилось и поступление раненых резко сократилось. Однако, намеченная конференция не состоялась, т.к. поступило распоряжение передислоцироваться. Зав. отделением сказала, чтобы я продолжал наблюдения, а конференцию проведем на новом месте размещения. К тому времени вновь стало поступать много раненых и было не до конференций, тем более, что боевая обстановка была нестабильной - наши войска то наступали на отдельных участках фронта, то отступали. Вскоре зав. отделением вместе с начальником перевели в другой госпиталь той же 29-й Армии и о намечавшейся конференции забыли. Я хотел забросить записи, но потом решил продолжать свои выписки и наблюдения над вновь поступающими ранеными. Тогда еще я и не предполагал, что эти краткие записи послужат основой будущей кандидатской диссертации. В то время о науке думать не приходилось. В медсанбате 29-й Армии я пробыл до января 1943 года. К этому времени советские войска, разгромив немецко-фашистских захватчиков под Сталинградом, стремительно продвигались на запад. С целью большей мобильности боевых частей начали создаваться целые танковые армии, кроме существовавших ранее танковых батальонов и полков. По приказу командования Западного фронта наш медсанбат, превращенный позднее в хирургический госпиталь, передали из 29-й Армии во вновь сформированную 2-ю танковую Армию, в дальнейшем ставшей гвардейской и краснознаменной. К концу войны подобных танковых армий было уже шесть. Наш медсанбат (весь личный состав вместе с медицинским оборудованием, палатками) погрузили в поезд, шедший из-под Ржева в направлении Курска, в место расположения 2-й танковой Армии. Поезд прибыл в Москву поздно вечером на Рижский вокзал и должен был на утро отправиться в южном направлении. Следует отметить, что начальником нашего медицинского соединения стал к тому времени Николай Григорьевич Челышев, живший до войны на той же Верхнесыромятнической улице, что и я. Короче, я отпросился у своего земляка-начальника навестить молодую жену, пообещав, что к 6 утра прибуду к своему эшелону. Быстро собравшись налегке, помчался по знакомым ночным улицам Москвы к своему дому. Из

телефонного автомата позвонил Мирре. Ночевала она обычно в госпитале, где работала, а после моего звонка пошла в нашу квартиру на Сыромятниках. Я благополучно добрался до соседней от моего дома улицы и здесь-то меня и задержал патруль, поскольку ночного пропуска у меня не было. В комендатуре, куда меня доставили, я сумел доказать, что я не дезертир, а фронтовик, но все же меня продержали там до рассвета. Едва прибежав домой, я должен был тут же возвращаться к своему эшелону. Весь путь надо было проделать пешком, а Мирра пошла проводить меня к поезду. У эшелона нас встретил начальник и я представил ему свою жену. Неожиданно тот предложил: „Не хотите ли поехать с нами, у меня есть вакансия хирурга? Мирра была в гражданской одежде, никак не было оформлено ее пребывание в армии, она не уволилась со своей работы. Однако Челышев обещал все формальности уладить, а Мирра позвонила в свой госпиталь и доложила, что уезжает на фронт и чтобы ее не искали. Конечно, с ее стороны это был подвиг - уехать на фронт из Москвы, которая к 1943 году была уже в тылу и почти не подвергалась бомбардировкам. Впрочем, патриотизм в те годы, в период опасности для страны был естественным и искренним. Многие, не только молодые, рвались тогда на фронт. Но, все же дальнейшую судьбу предвидеть было нельзя, а реальных опасностей, угрозы для жизни в действующей армии было куда больше, чем в тылу. Так что согласие Мирры поехать с нашим госпиталем было, несомненно, проявлением любви к мужу. К февралю 1943 года наши войска освободили от фашистов Курск, продолжали продвигаться на запад, но Орел и Белгород оставались еще у врага. Линия фронта стала изогнутой, за что получила в дальнейшем название Курской дуги. Командование Советской Армии предполагало быстро разгромить фашистские войска после сокрушительной победы под Сталинградом и продолжало наступление. Наш эшелон прибыл на станцию Поныри, где мы погрузили все свое имущество на грузовики и двинулись к месту назначения. Это была деревня Извеково Курской области. Там мы должны были развернуть свой госпиталь, ибо наша танковая армия уже вступила в бой с противником. По дороге разыгралась пурга. Пришлось лопатами, руками и ногами расчищать путь машинам. В конце концов, грузовики не смогли двигаться вперед. Было решено взять с собой самое необходимое и двигаться вперед пешком. Мы отобрали перевязочный материал,

инструментарий, шины, средства для наркоза и обезболивания и пошли пешком. Сегодня меня удивляет, как могли мы и молодые 17-18-летние девчонки-медсестры тащить на себе по 10 и более килограммов в пургу по занесенной снегом дороге около 15 километров в течение 6 часов! Добравшись до деревни, мы обнаружили только несколько сохранившихся домов. Остальные были разрушены или сожжены фашистами при отступлении. Срочно стали разгребать снег, устанавливая палатку в первую очередь для операционной. Пурга прекратилась, и грузовики с остальным имуществом на следующий день прибыли в Извеково. Мне следовало организовывать палатки для госпитализации раненых. Вместе с помощниками - сестрами и санитарями - мы укрепили на расчищенной от снега земле палатки, установили печку - бочку из-под бензина, частично настелили на брезентовый пол палатки соломой, найденную поблизости. Поток раненых все усиливался, пришлось установить еще несколько палаток, в которых помещалось по 50-60 человек. В Извеково мы простояли до весны. Планировавшееся советским командованием наступление захлебнулось. Немцы же, наоборот, начали развивать наступление с флангов, окружив большую группировку советских войск и тем самым стремясь взять реванш за поражение под Сталинградом. Поэтому бои приняли особенно ожесточенный характер и раненые поступали днем и ночью на повозках, машинах, пешком и даже на танке, когда ранили одного из командиров. В мою обязанность входило, прежде всего, сортировать поступающих раненых: кого надо было в первую очередь направить в операционную, кого отправлять дальше в тыл, что представляло большие трудности из-за невозможности регулярной эвакуации вследствие возникшей угрозы окружения. В госпитале скапливалось до 600-800 человек. Мест в палатках не хватало. Умерших тут же выносили из палаток, трупы складывали на окраине нашего палаточного городка. Помогали мне не только штатные санитары, но и легкораненые из так называемой КВ (команда выздоравливающих). Я имел возможность задержать у себя небольшое количество легкораненых от отправки не только в тыл, но обратно в свою часть на фронт. Помню, я дал распоряжение вынести на улицу одного якобы умершего бойца, раненного в голову и не подававшего признаков жизни. И вдруг он прошептал: „Пить“. Было очень много раненых в грудь, живот, голову. Раненые в мягкие ткани, в руки или ноги, кто

был в состоянии, стремились поскорее выбраться из этого ада в тыл и отправлялись пешком сами к следующему медучреждению. Однажды при обходе в палате меня позвал раненый, сказав, что его сосед умер. Подхожу, действительно, никаких признаков жизни. Смотрю карточку передового района, где врачи или фельдшера отмечают характер ранения, а в ней написано - гастрит. А человек уже мертв. Вероятно, в потоке раненых на гастрит никто не обратил внимания, а у него была, по-видимому, перфорировавшая язва желудка, осложнившаяся перитонитом, который и привел в течение нескольких часов к смерти. Конечно, я был не вполне полноценный хирург, а скорее „хирургоид" - так называли врачей, ставших хирургами лишь во время войны, а до того, работавших терапевтами, педиатрами и другими врачами. Но все же, я научился не только проводить первичную обработку ран, но и самостоятельно ампутировать конечности, оперировать ранения грудной клетки, живота, удалять осколки при ранении костей и мягких тканей.

Работали и днем и ночью, забывая о еде и сне, отдыхая прямо на полу в операционной. Обработка ран, удаление осколков, перевязки, инъекции, предупреждение инфицирования ран, общих заболеваний и в первую очередь пневмоний (воспаление легких) - все это требовало громадных усилий. Вспоминается, как один раненый пришел в госпиталь на своих ногах, поддерживая рукой выпадающие через рану живота внутренности. Никогда не забыть мужества обожженного танкиста. Будучи командиром танкового взвода и получив ранение, он продолжал руководить боевыми действиями остальных машин. Только когда его танк запылал, он с трудом пролез через люк, но потерял сознание. Товарищи доставили его в крайне тяжелом состоянии, но и в бреду, он продолжал отдавать боевые команды. Мороз, вьюга, бездорожье оторвали от нас второй эшелон армии. Враг подвергал ожесточенной бомбардировке все дороги, по несколько часов длились авиационные налеты в районе госпиталя, однако и во время бомбардировок медики ни на минуту не прекращали помощи раненым. Вскоре стала ощущаться нехватка медикаментов, перевязочного материала, продуктов питания. Доставка их из-за метелей и заносов затруднялась. Появилась завшивленность, бороться с которой было очень трудно из-за недостатка воды, мыла, свободного времени. Даже у себя мы обычно находили перед

сном несколько вшей и тут же их давили, чтобы в зараженных сыпным тифом особях не успел пройти весь цикл развития риккетсий (для инфицирования человека обычно на это требуется 2-3 дня). Если укусит свежая вошь, то опасность заражения меньше, чем от пробывшей на теле несколько дней зараженной вши. Помню, захожу я в операционную, а старший хирург Тетерин говорит мне: „Посмотри, рубашка сама движется“. Действительно, от обилия вшей на снятой с раненого рубашки создается впечатление, что она сама движется. В этих условиях появились миксты - раненые, заболевшие одновременно и сыпным тифом. Не всегда было легко определить, за счет чего лихорадит раненого – вследствие инфицирования раны и развития сепсиса (общее заражение крови) или же это начало сыпного тифа. Заболеть стали и работники госпиталя. Очень тяжело заболела Мария Додонова. Несколько дней она крепилась. Несмотря на лихорадку, она продолжала почти сутки стоять у операционного стола. Но, в конце концов, болезнь свалила ее. В постели она тяжело дышала, бредила и все повторяла "Даю скальпель, вот зажим" или "Дайте марлю". Когда приходила в сознание, спрашивала, сколько раненых еще не обработано, как с эвакуацией. Состояние ее ухудшилось, развилась сердечная недостаточность. Лечить сыпной тиф тогда было нечем, применялись лишь симптоматические средства. Несмотря на все ухудшающееся состояние, Мария не думала о себе. Все ее мысли были в операционной. Мы пытались поддерживать ее бодрость духа, но на деле скорее она нас ободряла, чем мы ее. Когда не удавалось попасть в вену, она нас утешала, а когда наконец-то мне удалось ввести иглу в вену и начать вливать раствор глюкозы с сердечными средствами, она едва слышно прошептала: „Молодец“. Это были ее последние слова. Ни стоны, ни упрека, ни жалоб никто от нее не услышал. Худенькая 18-летняя девушка из г. Асбеста Свердловской области и в работе, и в последние минуты жизни проявила такую выдержку, которой мог бы позавидовать любой мужчина. Образ ее никогда не забудется. В боях участвовала литовская пехотная дивизия, в составе которой было много бежавших от фашистов евреев. У поступивших раненых были литовские окончания фамилий, вроде Гурвичас, Абромовичас и т.п. Как-то я спросил одного раненого в живот, продолжают ли у него поносы. Запомнился его ответ: «Ох, если бы наше наступление так продолжалось, как мой понос

продолжается». При первой же возможности отправил его в тыл. Может, он выжил, а может, умер в тылу от перитонита.

Бои весной затихли на нашем участке фронта. Фашистам не удалось замкнуть кольцо вокруг наших вклинившихся частей. Но и нашим войскам не удалось разомкнуть „клещи“. Постепенно связь с тылом нашего полуокруженного участка фронта улучшилась, удалось эвакуировать большинство раненых, наладилось снабжение госпиталя. Меня направили работать в инфекционный госпиталь, где скопилось много больных брюшным и сыпным тифом, дизентерией, туляремией. Когда вспышку эпидемий удалось ликвидировать, меня, примерно, через месяц, отпустили в свой родной 180 ХППГ - хирургический полевой подвижной госпиталь.

Врачи 180 ХППГ

(Слева направо: В.В. Метревели, М.Л. Медовая (Ногаллер), В.М. Тетерин, начальник госпиталя Н.Г. Чельшев, Бродский, А.М. Ногаллер) (1943 г.)

Июль 1943 года запомнился жарким летом и широко известной танковой битвой на Орловско-Курской дуге. Вначале наш госпиталь оставался там же, в Извеково, затем передислоцировался ближе к фронту, располагаясь в сохранившихся лесах, садах. Было не до удобств, а убежищем на ночь нередко служили две собственные плащ-палатки, натянутые на колья или привязанные к деревьям по типу шалаша. Я по-прежнему работал в госпитальном отделении. Мирра, как хирург, в операционной. Говорят: «С милым рай и в шалаше», но тогда у нас шалаш был, но до рая - ой, как далеко. Огромный наплыв раненых, почти круглосуточная работа, уставали так, что не хотелось есть. Как известно, гигантская

танковая битва летом 1943 года на Орловско-Курской дуге закончилась полным разгромом немецко-фашистских войск.

Спустя 40 лет после окончания войны, в 1985 году, мне довелось побывать в этих краях, посетить мемориальное кладбище наших бойцов, отдавших жизнь за эту победу. Огромное количество могил с именами погибших не отражают всех жертв этого сражения. Неизвестны мне и захоронения немецких солдат. В Курске организован большой музей, посвященный этому танковому сражению, в котором большой раздел отведен и нашей 2-й танковой Армии. Битва под Курском явилась началом почти непрерывного продвижения нашей армии на запад, до полного освобождения территории страны от захватчиков. Однако до окончательной победы было еще далеко - почти два года ожесточенных боев. Нет возможности вспоминать все боевые операции, в которых участвовала наша танковая армия. Запомнилась Умань - родной город моего будущего шурина. Переночевать мне там пришлось, лежа на столе. Никаких достопримечательностей я тогда не видел. Наши части быстро продвигались на запад. Лишь 40 лет спустя мне удалось познакомиться с замечательным городским парком, озером, скульптурами, проплыть на лодках в темноте в подземном царстве, совершить путешествие по другим достопримечательностям имения польского графа Потоцкого.

Весной 1944 года войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала И.С. Конева, разгромив окруженную корсунь-шевченковскую группировку врага, успешно продвигались на запад, освобождая украинские города и села. Вслед за танковыми колоннами и артиллерийскими частями продвигались и тылы. Нашему госпиталю было дано задание развернуться в одном из сел. Из-за плохих дорог, размокших от грязи, санитарные машины застревают. Приходилось частенько их подталкивать, очистив хоть как-то предварительно дорогу от грязи. Последние 15 км шли пешком, неся на себе перевязочные материалы, шины, палатки. С трудом добравшись до указанного населенного пункта, мы обнаружили, что из 600 домов в деревне осталось лишь менее десятка. Остальные были сожжены отступавшими немцами. Опять госпиталю пришлось развернуться в палатках.

Наступление наших войск успешно продолжалось, танковые колонны ушли вперед на 200-300 км. Чтобы бесперебойно

обеспечивать медицинскую помощь, пришлось немногочисленному коллективу нашего госпиталя, состоявшего из 5 врачей и 16 медсестер, разбиться на группы и следовать за передовыми частями. Каждая группа организовывала свой медицинский пункт, оказывала неотложную и оперативную помощь. С тяжелыми нетранспортабельными ранеными оставался один врач с группой медсестер, остальные продвигались дальше на запад, где организовывали новые медицинские пункты. Так, растянувшись на сотни километров, госпиталь оказывал максимально приближенную к боевым действиям медицинскую помощь. Последним группам приходилось заботиться об эвакуации раненых, чтобы вновь оказаться на передовых позициях. При этом, располагаясь вдали от больших дорог и не имея собственного транспорта, решить задачу эвакуации раненых было нелегко, тем более, что в ближайших селах не было ни машин, ни лошадей или скота. Вспоминается, как мне пришлось обратиться за помощью к местным жителям. Неся на себе носилки с ранеными, женщины и подростки доставляли их к проходившей в 5 км узкоколейке, которую специально по этому поводу восстановили. Доставка раненых до железнодорожного пути продолжалась много часов, затем дряхлый паровозик, который уже давно не функционировал, с разбитыми вагончиками доставил наших раненых до ближайшего госпиталя за 30 км. Это заняло четверо суток, т.к. паровозик непрерывно ломался и больше стоял, чем двигался. Местные жители помогали нам и в питании, и в уходе за ранеными. Телефонной связи у нас не было, а неожиданное прибытие эшелона, тем более из другой армии, было встречено госпиталем без энтузиазма. Точнее, вначале вообще отказались принимать раненых, заявив, чтобы везли дальше. Хорошо, что замполит госпиталя по фамилии Гроза, очень деловая и боевая женщина, сумела убедить и пригрозить начальству госпиталя, и наших раненых все же приняли. После эвакуации раненых нам надо было догонять свою часть. На попутных машинах, на лошадях, небольшими группами, кто как смог, мы продвигались в западном направлении. Вскоре нас догнала большая танковая колонна. Это было подкрепление в нашу армию. Большая часть танков была построена за счет колхозников Узбекистана, которые прислали письмо в часть с призывом сильнее бить врага. В то время материальная помощь из тыла часто сопровождалась и

идеологическим воздействием. Ехать на знаменитых танках Т-34 сзади башни было очень удобно - не чувствовалось тряски, от мотора исходило приятное тепло, не надо было тащить на себе медикаменты, инструментарий и личные вещи. Но враг заметил движение танков. Началась бомбардировка, пришлось прятаться в ближайших укрытиях - в канавах. Хорошо, что вскоре наши истребители атаковали фашистские бомбардировщики, завязался воздушный бой. Один вражеский самолет был подбит и упал, объятый пламенем. Правда, от бомбардировки пострадал один наш танк, а командир взвода был тяжело ранен. Пострадавшему мы перевязали раны, но состояние его оставалось тяжелым, сказывалась значительная потеря крови. Раненый нуждался в переливании крови. Но у нас не было с собой ампул с кровью, а имелись лишь шприцы, противостолбнячная сыворотка, ампулы с морфием и немного перевязочного материала. Я вспомнил, что у меня первая группа крови, которую можно всем переливать. Тогда Мирра произвела прямое переливание крови, то есть, 20-миллиметровым шприцом брала у меня кровь из вены и тут же вводила ее в вену раненому. Эта процедура повторялась несколько раз. Введение даже относительно небольшого количества крови (около 100 мл) способствовало остановке кровотечения и улучшению состояния пострадавшего. Вот тогда командир колонны подполковник Савельев не пожалел, что взял «медицину» с собой.

Вслед за освобождением Молдавии наши войска стремительно развивали наступление на территории Румынии. Эта страна, являясь союзником гитлеровской Германии, мало пострадала от военных действий. Король Михай вовремя отказался от своего бывшего союзника, что спасло жизни тысячам румын и страну от разрушений. Сам Михай был награжден впоследствии советским орденом Победы и с почетом отбыл на Запад при формировании в Румынии просоветского правительства. Но это было уже позднее, а летом 1944 года нас поразило обилие гражданских лиц, преимущественно женщин и детей, торговавших всякой мелочью, продуктами питания, фруктами. В то же время в районе г. Яссы гитлеровцы оказывали ожесточенное сопротивление. Однако постепенно бои на этом участке фронта затихли, и поступление раненых почти прекратилось. Отличительной особенностью танковой армии была высокая маневренность, быстрое ее

передвижение с одного участка фронта на другой. Ее бросали на направление главного удара при прорыве обороны врага или для подкрепления наших частей, когда надо было остановить контрнаступление противника. Так как одни танки без пехоты не могут удерживать захваченные позиции, то в составе танковой армии была и мотострелковая бригада. Все это определяло своеобразие организации медицинской службы в отличие от пехотных дивизий. Вместо полковых медпунктов в танковых корпусах и бригадах были медсанчасти, которые оказывали в большем объеме первую врачебную помощь: обработку обожженной поверхности, противошоковые мероприятия, первичную обработку ран, шинирование поврежденных конечностей и т.д. У танкистов преобладали тяжелые ранения, часто с большими ожогами. С одной стороны, в танковой армии было неплохо с транспортом, поэтому стремились тяжелораненых быстрее отправить в полевой госпиталь. Медсанбаты в танковой армии не было и наш 180 ХППГ (хирургический полевой подвижной госпиталь) выполнял обязанности и медсанбата, и армейского госпиталя, включая проведение больших полостных операций. В нашем госпитале по штату было 2 хирургических отделения с операционными и госпитальными палатками, приемное, сортировочное и эвакуационное отделения. Пять врачей распределялись между этими отделениями, но в зависимости от боевой обстановки и наплыва раненых, врачи и сестры сосредоточивались на том или ином участке в зависимости от потребности. В период массового поступления раненых почти все работали в операционных, а при необходимости срочной эвакуации усиливалась сортировка раненых по срочности эвакуации и типу ранений (в голову, полостные, в конечности). Кроме нашего 180 ХППГ в нашей танковой армии было еще два хирургических госпиталя, где начальниками были Титов и Федулов, а также терапевтический госпиталь, возглавлявшийся Ноткиной. В отдельной роте медицинского усиления (ОРМУ) были врачи разных специальностей: хирурги, акушеры-гинекологи, окулисты, нейрохирурги, челюстно-лицевые и др. По мере необходимости специалистов прикрепляли к тому или иному госпиталю или посылали в медицинские части танковых корпусов. В промежутках между боями при ОРМУ проводилась ВВК (военно-врачебная комиссия), где определялась пригодность к строевой или

нестроевой службе, давались заключения об увольнении из армии. Командиром ОРМУ был Завалишин. Как рассказывала мне позднее его жена, до войны он окончил всего три курса мединститута, но был очень хорошим организатором. Погиб он при налете вражеской авиации.

Весной 1944 года уволили из армии мою жену Мирру Медовую в связи с беременностью, а в июле в Москве она родила дочь Анну.

Летом 1944 года 2-ю ТА вывели из Румынии и перебросили на 1-й Украинский фронт. Соответственно, госпитали стали погружать в товарные вагоны поездов и эшелонами отправлять по направлению к Киеву, который был еще оккупирован вражескими войсками. По дороге наш поезд подвергся налету фашистских бомбардировщиков, поезд остановился, все выбежали и стали разбегаться в разные стороны, прячась в ямы и канавы. Вскоре советские истребители отогнали вражеские бомбардировщики, подбив один из них, который, пылая, упал где-то в степи, а наш поезд продолжил благополучно путь на юго-восток без каких-либо существенных жертв. А вот предыдущему эшелону, в котором переезжал терапевтический госпиталь Ноткиной, повезло меньше. Там прямым попаданием разбомбило много вагонов и пострадало немало людей. Наши госпитали нередко располагались по соседству. Мы немного знали друг друга, а как-то даже в период затишья устроили совместный вечер самодеятельности. Поэтому на меня особенно тягостное впечатление произвела гибель врача - молодой, красивой, темноволосой Вали Гагановой, которая очень душевно исполняла на вечере песню про одесского Костюморяка, впервые мною услышанную. Еще более тяжелое впечатление осталось в памяти от Дарницы вблизи Киева. Наступавшие наши войска, эшелоны с орудиями и танками подверглись незадолго до нашего прибытия ожесточенной бомбардировке. Возникли пожары, взрывы, уничтожившие все вокруг. Когда мы подъехали, еще ощущался запах дыма и жареного от обгоревших человеческих тел, валялись разбитые вагоны, искореженные рельсы, орудия и множество разбросанных частей человеческих трупов. Мне не раз приходилось видеть убитых солдат и командиров, замерзшие трупы, но такую картину уничтожения я увидел в первый и, к счастью, в последний раз. После освобождения Киева наши войска довольно быстро продвинулись на запад. Вслед за танковыми корпусами

перемещался на грузовиках и наш госпиталь, то быстро разворачиваясь, то также быстро свертываясь. Все уже было отработано. Для моего госпитального отделения предоставлялась грузовая машина, я с медицинскими сестрами и санитарями быстро грузили все наше имущество и перемещались в указанный пункт. Там быстро разгружались, устанавливали палатки или размещали носилки в сохранившихся домах и уже в течение двух часов были готовы к приему новых раненых. После эвакуации последнего раненого мы также быстро собирались и переезжали на новое место. Личного имущества почти не было: одна смена белья, шинель, форменная одежда, туалетные принадлежности, записи, иногда книги.

Запомнился въезд нашего госпиталя летом 1944 года в Польшу вслед за передовыми танковыми частями. По краям дороги стояли женщины и приветливо нам махали, бросали цветы, при остановке угощали вишнями. Так было в первые дни вступления наших войск в Польшу. Помнится, мы развернули госпиталь и к нам пришли молодые девушки ухаживать за ранеными. Были они наряжены, на каблуках, надушенные, причесанные. Я сказал им, что их помощь по уходу была бы очень кстати, но придется переносить и перекладывать раненых, кормить и перестилать их постели. Поэтому я рекомендовал им одеться проще и прийти снова. Больше я их не видел. Вероятно, они представляли уход за ранеными в романтическом духе, а не повседневными трудовыми буднями. Вообще, довольно быстро отношение поляков к советским войнам от теплого и дружеского сменилось равнодушно-нейтральным, а иногда даже враждебным. Вначале они охотно угощали нас фруктами из своих садов, помогали госпиталю одеялами, простынями, полотенцами, которых не хватало при наплыве раненых. Позднее они во всем стали отказывать, говоря: „Нема, пшистка немец увез“. Как-то я зашел в деревне в одну избу и спросил хозяйку, где у нее во дворе туалет, а услышал в ответ все ту же фразу, как будто немцы действительно увезли ее деревянный сарайчик, служивший туалетом. Вполне возможно начала действовать антисоветская пропаганда из проанглийской армии и фашистских польских военных формирований. Ходил также такой анекдот. Молодой солдат спрашивает польку: «Замуж пойдешь за меня? Да. А в колхозе будешь работать? Ни...».

При освобождении города Люблин в распоряжении госпиталя оказался склад винного завода. Начальник распорядился выдать на каждого человека по бутылке ликера, а остальное припрятать про запас и для армейского начальства. В госпитале водки, как в полку в первый год войны, не выдавали, так что на нашей улице был праздник. Вскоре советские войска, продвигаясь на запад, освободили Познань, Седлиц, подошли к восточному берегу Вислы, напротив Варшавы, которая все еще была оккупирована фашистами. Вслед за передовыми частями передвигался и наш 180-й ХППГ. Это уже была осень 1944 года, теплая и малождливая. Активных боевых действий не проводилось, госпиталь был развернут, но раненых поступало мало. Запомнилось, что в какой-то период времени можно было видеть в Варшаве пожары, слышны были взрывы, артиллерийская стрельба, реже - бомбардировка. Что там происходит, мы понятия не имели. И мало ли где стреляют на войне, тем более, что через несколько дней там все затихло. И лишь спустя годы я узнал, что в Варшаве было поднято восстание против фашистов, организованное Армией Людовой. В то время в Польше активно боролись с немцами две партизанские группы: Армия Людова, сформированная находившимся в эмиграции польским правительством, правившим при германо-советском разделе Польши в 1939 году, и Армия Крайова, организованная в СССР коммунистами и действующая преимущественно на юге страны. Во время Варшавского восстания 1944 года наши войска активно не помогли или не могли помочь восставшим полякам. Г.К. Жуков писал в своих воспоминаниях, что это восстание не было согласовано с советским руководством и командованием, что после быстрого стремительного наступления советские войска не имели возможности помочь восставшим. Теперь я думаю, что кроме этих соображений была и политическая игра. Сталин рассудил, что если восстание окажется успешным, и немцы будут изгнаны, то власть в Варшаве, а, следовательно, и в Польше, перейдет к проанглийскому буржуазному правительству. А то, что при подавлении восстания погибнут тысячи людей и будет разрушен город, большого значения для всех политиков, по-видимому, не имело. После войны советское правительство построило на свои средства в подарок варшавянам высотное здание Дворца культуры и науки, возможно, в качестве компенсации за разрушения в 1944 г.

Зимой 1945 года советские войска перешли в наступление и после тяжелых боев 14 января освободили Варшаву. Мне довелось ходить по улицам разрушенной польской столицы, видеть пустые дома, сплошные пустыри и развалины в центре города, почти полное отсутствие в нем жителей. Как-то иду я по улице, впереди шагают три офицера в соответствующей форме. Один из них поскользнулся на обледенелом тротуаре. Дело в том, что в СССР была создана Польская освободительная армия, в которую вошли эвакуированные на восток из захваченных немцами территорий. Однако специалистов - связистов, артиллеристов, врачей и пр. не хватало и в армию направляли людей из западных районов и Украины с фамилиями, оканчивающимися на „кий" или „ович". Русские и украинцы составили половину так называемой польской армии, а командный состав готовился в ныне **Военно-воздушной академии** в Рязани. Окончил ее и будущий президент Польши Войцех Ярузельский. Эта армия вместе с советскими войсками участвовала в освобождении Варшавы. После освобождения Польши от фашистов власть в ней возглавило прокоммунистическое правительство, частично с включением на короткий срок представителей эмигрантского правительства, находившегося в Лондоне.

Продвижение наших войск зимой в Польше было не таким быстрым, как того бы нам хотелось. Раненых поступало мало, госпиталь часто располагался в лесу, значительно реже - в сохранившихся имениях польских магнатов. Здесь, пожалуй, уместно вспомнить судьбу одного из раненых в Польше бойцов. 27-летний Валерий М. поступил под наше наблюдение в 1952 году. Во время войны он был летчиком-истребителем. В одной из боевых операций его самолет был сбит и он выбросился из горящей машины на парашюте. Его подобрала местная жители обожженного и без сознания. Несколько месяцев он лечился в госпитале. Затем снова был на фронте, имел несколько ранений, в том числе, проникающие в живот, с повреждением кишечника. После окончания войны и демобилизации в животе появились резкие боли. Диагностировали язвенную болезнь желудка. Была сделана операция - резекция желудка, однако, язвы при операции не обнаружили. Вскоре боли снова возобновились. У лечащих врачей возникло подозрение на желчнокаменную болезнь. Была сделана холецистэктомия, рассечены небольшие спайки. Камней в

желчном пузыре не обнаружили. После повторной операции боли стали еще более интенсивными. Предполагали наличие панкреатита или камней в поджелудочной железе. Вновь предложили операцию, но боец отказался. Во время приступа болей он не находил себе места, метался, иногда даже теряя сознание от нестерпимой боли. Но, едва приступ заканчивался, Валерий приходил в доброе расположение духа, становился веселым и интересным собеседником. При неврологическом обследовании была выявлена тяжелая форма солярита. Медикаментозная и повторная бальнеотерапия оказала благоприятное влияние. Хотя больной по многу месяцев в году находился в госпиталях и больницах, он сохранил в себе мужество и бодрость духа. Преодолевая мучительные боли, он учился и учился. Заочно окончил юридический институт, стал работать юрисконсультантом на одном из крупных предприятий. Это еще один пример, когда «настоящий человек», подобно Алексею Маресьеву, преодолевая свои недуги, добивается намеченной цели и становится полезным обществу.

Не углубляясь в чисто медицинские вопросы, хотелось бы подчеркнуть, что первую помощь раненым оказывали медицинские работники танковых батальонов и корпусов. Медсанбаты, как в стрелковых дивизиях, в танковой армии не было. Поэтому нашему подвижному полевому госпиталю нередко приходилось проводить и первичную обработку ран с удалением осколков снарядов, бомб или фрагментов костей и также оперативное вмешательство при ранениях черепа, брюшной и грудной полости. Если состояние раненых позволяло, то для оказания специализированного хирургического вмешательства их немедленно отправляли в тыл, при невозможности срочной эвакуации - оказывали помощь на месте. Посещая, спустя полвека, операционную хирургических отделений в больницах, я всегда удивляюсь обилию оборудования для наркоза, операции и пр. В мою же бытность основным орудием хирурга были скальпель, пинцет, крючки, зонд. Ни рентгеновского аппарата, ни тем более ультразвука не было и в помине.

При большом наплыве раненых не хватало персонала. Вспоминается, как медсестры, привязав к шее ампулу с кровью, проводили венесекцию и таким путем переливали кровь, ибо держать ампулу было некому. Наркоз проводился также примитивно хлорэтилом или эфиром, часто операции

осуществлялись под местной новокаиновой анестезией или блокадой. Я хорошо овладел вагосимпатической блокадой, широко применявшейся при ранениях грудной клетки, причем применял ее не только в операционной при обработке ран, отсасывании крови или воздуха из плевральной области, но и в палатах для облегчения дыхания и уменьшения болей.

Особую бдительность, при ранениях преимущественно нижних конечностей, надо было проявлять для исключения ранних признаков газовой гангрены. При попадании анаэробных микробов в рану возникают тяжелые симптомы интоксикации, газовые пузырьки под кожей, а в наиболее тяжелых случаях – характерный запах омертвения тканей. Если срочно не удалить очаг инфекции, смерть наступает очень быстро. Вспоминается такой полутрагический, полукомический случай. В.В. Ермилов, зав. вторым хирургическим отделением, в прошлом – хирург районной больницы в Тамбовской области, оперировал как-то бойца, раненого в бедро и голень. Все кости оказались размозжены, раны очень глубоки и вероятность развития газовой гангрены была очень высока. Ермилов сказал раненому о необходимости удаления ноги. Тот долго не соглашался, тогда Ермилов в сердцах воскликнул: «На кой черт тебе нужна эта нога?», имея в виду ее непригодность. На что раненый пробормотал: «Как же, доктор, нужна. Ведь нога все-таки». Этот разговор слышали многие и потом посмеивались над Ермиловым – нужна или не нужна человеку нога. Если раненый был в сознании, его согласие на ампутацию было необходимо. Хотелось бы отметить, что среди хирургов я был как бы терапевтом, а среди терапевтов - хирургом. Так, в самом госпитале, в его операционной я работал не очень много. Большая часть времени и сил уходила на осмотр поступающих раненых, назначения им консервативного лечения, эвакуации. Иногда наш военный хирург посылал меня в терапевтический госпиталь для консультации находившихся там больных с подозрением на хирургическую патологию. Там я выступил в роли специалиста - хирурга. Я или назначал соответствующее лечение, или рекомендовал перевод к нам в хирургию для операции. Запомнилась мне конференция хирургов 1-го Украинского фронта, которая проводилась в период затишья в Бресте, считавшемся тогда уже относительно тыловым городом. Собрались хирурги из передовых армейских, фронтовых и эвакогоспиталей. Вначале

были лекции о хирургическом лечении наиболее частых поражений, об улучшении показаний к эвакуации и направлений в специализированные госпитали для раненных в голову, грудь, живот, конечности. Там я впервые увидел выдающегося отечественного хирурга С.С. Юдина, которого лишь в годы войны реабилитировали и возвратили из ссылки. Главный хирург Красной Армии Н.Н. Бурденко был мне хорошо знаком по учебе в 1-м мединституте, а фронтовой хирург Н.Н. Еланский также приезжал в наш госпиталь. Из других докладчиков мне запомнился главный акушер-гинеколог Красной Армии Жордания и его слова: «При любом ранении женщины не забывайте, что у нее еще может быть беременность. Это надо учитывать». Сам Жордания погиб вскоре после войны при аварии самолета над океаном, летевшего из Америки, где проходил научный конгресс. Об этом мне рассказывала профессор Т.В. Червакова, также летевшая этим самолетом, но сумевшая спастись, благодаря умению хорошо плавать.

Вспоминая последнюю военную осень и зиму, хотелось бы кратко описать встречу Нового 1945 года. Госпиталь располагался в лесу, недалеко от линии фронта, так как готовилось наступление. Война еще не закончилась, и общего праздника в госпитале не было. Однако мы втроем: три молодых хирурга - Вахтанг Метревели, Слава Волович и я, жившие в одной палатке, решили отметить Новый год и предстоящую победу. Елок вокруг было сколько угодно, топор у нас тоже был, так что установить елку в земляном полу не составило труда. Спирта у нас всегда было достаточно, закуску заготовили заблаговременно. А вот украсить елку было нечем. Тогда Слава начал рисовать карикатуры на всех нас и другие рисунки, а мы их тут же нацепили на елку. Затем развесили наши наганы, кобуру от них, получилось вполне достойное украшение. Выпив и закусив, мы долго беседовали, вспоминая прошлое и мечтая о будущем, тихо напевали фронтовые песни.

Здесь, пожалуй, уместно рассказать о фронтовой дружбе и любви. Общая цель, постоянная опасность, непредсказуемость дальнейшей судьбы, тесные контакты и напряженный труд сближали людей. Делить фронтовикам было нечего, не было почвы для зависти, ссор или интриг, а тяжесть пройденного пути и близость конца войны еще больше укрепляли дружеские

отношения. Большею частью я ночевал в одной палатке с Вахтангом Метревели. Я не помню, чтобы у нас были какие-либо конфликты, и неслучайно после войны мы долго переписывались. Иногда у нас возникали разногласия из-за санитарки Маруси Соловьевой, которая отличалась особой расторопностью, умением, исполнительностью. Я хотел, чтобы Маруся работала у меня в госпитальном отделении, а Вахтанг - у него в хирургии. Мы даже обращались к начальнику госпиталя с соответствующей просьбой. Лишь к концу войны мы поняли, что наша победа не зависит от того, в каком из отделений будет работать Маруся, и это не должно быть причиной нашего отчуждения и спора.

Наконец-то, в январе 1945 года наступил долгожданный момент: после тяжелых упорных боев, отступлений и контрнаступлений, наши войска, развивая успешное наступление в западном направлении, вступали на территорию Германии. Вспоминается, как на переправе через пограничную с Польшей реку Нейсе, висел громадный плакат с надписью «Вот она, проклятая Германия». Это была фраза из популярной тогда статьи Ильи Эренбурга в газете „Правда“. В числе первых советских войск, прорвавшихся на территорию Германии, была и наша 2-я гвардейская танковая Армия. Вначале мы увидели только опустевшие деревни, по улицам которых бродили голодные коровы, беспризорные свиньи и куры. Все люди убежали или прятались, опасаясь, что на них обрушится возмездие за гитлеровские преступления. Впрочем, они могли о них не знать, но при всякой войне приход вражеских войск чреват опасностью для мирного населения. Наступление наших войск было весьма стремительным. Помнится, как в пограничном городке Кюстрин, когда мы туда вошли, в домах еще горел электрический свет, на столах оставалась недоеденная пища, в комнатах валялись брошенные вещи и другие свидетельства поспешного бегства. В одной из квартир мне попала позавчерашняя газета, в которой гитлеровское командование уверяло население, что советские войска далее не пройдут и что немецкие войска никогда не допустят вторжения врага на территорию Германии. Это было, естественно, лживой пропагандой. Давно известно выражение, что нигде так не врут, как на войне. Ровно через сутки после издания газеты не только передовые воинские части, но и наш госпиталь расположился в этом городе. Вскоре гражданское население убедилось, что

советские солдаты не только не убивают и не насилуют, но наоборот даже помогают женщинам и детям. Военная комендатура принимала меры для скорейшей нормализации жизни в освобожденных от нацистов городах и населенных пунктах. Жители их перестали убегать от наступающих советских войск, а в период развертывания нашего госпиталя даже в какой-то степени помогали. Впрочем, нередко наблюдалось и злоупотребление нашей добротой, когда немецкие женщины выпрашивали хлеб, сахар или другие продукты. Как-то стоим мы с товарищем и едим шоколад, который нам, как не курящим, выдавали в конце войны взамен сигарет вместе с маслом и пачкой печенья в качестве дополнительного офицерского пайка. Было это в Берлине, когда война уже кончилась. Подходит женщина с ребенком и просит шоколад. Товарищ сказал ей что-то вроде того, что немцам не о шоколаде надо думать, а о хлебе насущном. Но немка сказала по-немецки, что ребенку нужно немного шоколаду. Это показалось мне убедительным, и я поделился своей шоколадкой. Действительно, немало было случаев, когда еще во время боевых действий наши солдаты и офицеры делились с гражданским населением хлебом, маслом, сухим пайком. Один сержант рассказывал мне: «Подхожу к дому и слышу немецкую речь. Собрался на всякий случай бросить гранату, прежде, чем войти. Заглянул, а там женщины с детьми. Спрятал я гранату, достал гостинцы из своего вещмешка и отдал испуганно глядящим на меня детям». У меня самого тоже было немало подобных случаев, когда я делился своими запасами. Впрочем, это было уже позднее. А в первые дни вхождения в Германию бойцы мстили за гитлеровские злодеяния, разрушенные города, погибших невест, жен и матерей. В послевоенные годы я побывал в концлагерях Освенцим, Бухенвальд, и до сих пор ужас берет, когда перед глазами встают бараки, высоченный забор с колючей проволокой и вышками охраны, печами крематория, изделия из черепов, упакованные женские волосы, вырванные золотые зубы, детские вещи и пр. Поэтому понятно чувство отмщения.

Всякая война сопровождается озверением людей, причем с обеих воюющих сторон, теряется человеческий облик. Обычно, описываются зверства противников, но умалчивается жестокость своих солдат. Так было и во время войны в Афганистане, Чечне и Югославии со стороны сербов и албанцев.

Следует подчеркнуть, что период мести, «отведения солдатских душ и гнева» был в Германии непродолжительным. Вскоре последовал приказ Верховного Главнокомандующего, запрещающего насилие, всякие проявления жестокости со стороны советских войск, предусматривающий наказание за их совершение. В приказе подчеркивалась необходимость поддержания высокого морального уровня наших войск и недопустимость уподобления нацистским варварам, соблюдение уважения к гражданам Германии. «Гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий, государство Германия остается», - говорилось в Приказе. И, действительно, проявления насилия со стороны наших воинов не допускались. Но все же, для гарантии безопасности, как мне рассказывали позже, на доме крупнейшего немецкого хирурга Аугуста Бира в Берлине установлен был на русском языке плакат, что здесь проживает знаменитый ученый, и в дом не следует входить, и в первое время даже выставлен был патруль.

Весной 1945 года кровавые бои еще продолжались на вражеской территории, унося немало человеческих жертв. В госпиталь непрерывно поступали раненые. Медикам приходилось трудиться день и ночь, особенно доставалось медсестрам, которые не только помогали при операции и наркозе, переливали кровь, делали уколы, накладывали шины и гипсовые повязки, сами таскали раненых, осуществляли уход за ними – ведь от него зависело не только самочувствие раненого, но и результативность операции. Санитаров не хватало, помогали в госпитале легкораненые бойцы. В последние месяцы войны помогали также освободившиеся из плена французы, бельгийцы, чехи, но особенно - женщины-немки. Им и их детям давали еду, а они много помогали в операционной и по уходу за ранеными в палатах. Вспоминается такой забавный случай. Я оперировал и давал указания помогавшей мне немке на немецком языке. Услышав немецкую речь, раненый возмутился, заявив, что не позволит немцу оперировать себя. Пришлось его успокоить, добавив для надежности несколько крепких истинно русских слов. Помогавшие в работе немки быстро усвоили русские слова, наиболее часто произносимые ранеными, а советские раненые стали употреблять те же слова по-немецки. В марте боевые действия затихли. Лишь в апреле наступил решающий штурм Берлина и прорыв его оборонного кольца. Налеты авиации, артиллерийский и минометный обстрелы не прекращались. В этот

период был убит зам. командующего нашей танковой армией генерал Гончаров. Похоронить его решили на советской территории в Бресте. В состав делегации для перевоза генерала включили и меня, как врача. Колонна из трех машин направилась на восток, пересекая территорию Польши. Здесь у меня произошла совершенно случайная, памятная встреча со своей однокурсницей Тамарой Мосоловой. Я еще учился с ней в одной школе в Москве в Успенском переулке, а затем и в 1-м Московском мединституте. Тамара была в военной форме, капитаном медслужбы, служила в одном из эвакогоспиталей, что казалось тогда тылом по сравнению с моим армейским полевым госпиталем. Встреча была короткой, около получаса, но очень теплой и дружеской. При расставании пожелали друг другу после войны встретиться в школе или институте. Какова же была моя печаль и удивление, когда я узнал впоследствии, что Тамара была убита в том же селе кем-то из польских бандитов. У меня и сейчас перед глазами ее стройная фигура, молодое лицо. Какая нелепая смерть незадолго до конца войны. Много лет спустя, я увидел могильный памятник генералу Гончарову на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве, когда ветераны 2-й танковой Армии навещали захороненных здесь своих военачальников. Не знаю, был ли генерал перезахоронен из Бреста или это была его символическая могила, но при виде ее вспоминались давние события.

Возвратившись в Германию из тыла с похорон всего через несколько дней, меня удивило и порадовало доброе настроение солдат и офицеров. У всех было стремление разбить последний оплот фашизма в Берлине и водрузить знамя Победы над рейхстагом. На танках, орудиях были лозунги «Вперед, на Берлин», «Только на Запад». Постепенно до многих немцев дошла бесперспективность дальнейшего сопротивления. Появились большие, группы немецких солдат и офицеров, бросивших оружие и просивших взять их в плен под конвоем, чтобы не прикончил кто-нибудь «под горячую руку». Но не все немцы были настроены сдаваться. Уже в предместьях Берлина шли ожесточенные бои, а отдельные группы вооруженных гитлеровцев пытались вырваться из окружения, уничтожая все на своем пути. При встрече с ними, за две недели до окончания войны, погиб начальник соседнего госпиталя Титов. Фашисты окружили машину, на которой он ехал, потребовали сдать оружие и отдать продукты. Но майор Титов

предпочел неравный бой, убил несколько фашистов, а сам получил смертельное ранение.

Наш госпиталь расположился в предместье Берлина Бухе. Там до войны были больничные корпуса, принадлежавшие Берлинскому университету им. Гумбольдта.

У Бранденбургских ворот (Май, 1945 г.) (А.М. Ногаллер – слева)

По сравнению с условиями предыдущих лет, здесь было очень удобно как для операционной и перевязочной, так и для госпитального отделения. Однако, война продолжалась и однажды произошел следующий эпизод. Выходившая из Берлина группировка вооруженных фашистов двигалась по направлению к нашему госпиталю. Всем, свободным от операций, было приказано проверить оружие и подготовиться к бою. В это время я был занят эвакуацией раненых, стараясь отправить как можно больше людей в тыл. Кстати, эвакуация раненых тоже требовала определенных знаний. Так, в машине «форд» и «ЗИЛ» больных надо было укладывать поперек, а в «студебеккеры» - вдоль и в два ряда. Учитывая опасность попадания фашистов, возможность боя непосредственно на территории госпиталя, я старался как можно теснее с помощью санитаров уложить раненых в машины для эвакуации. Раненые ворчали, мол, напихивают, как сельдей в бочки, но рассказывать правду о предстоящей угрозе не хотелось. К счастью, все обошлось благополучно, и воевать медикам не пришлось.

На территории Буха находился известный медицинский Институт мозга, возглавлявшийся крупным невропатологом Фохтом, который в свое время консультировал Ленина в связи с его повторным инсультом. Я ходил по трехэтажному зданию морфологической лаборатории, где в стеклянных банках хранились мозг умерших от различных церебральных заболеваний, вспоминал нервную клинику 1-го Медицинского института Е.К. Сеппа. В этом институте в Бухе в довоенное время работал крупный советский радиобиолог Н.В. Тимофеев-Рисовский, судьба которого ярко описана Граниным в романе "Зубр". Тогда я об этом имени еще не знал. Много лет спустя, точнее в 1998 году, мне представилась

возможность при посещении Берлина побывать в Бухе. Помещения, в котором располагался наш госпиталь, я не нашел, все было застроено новыми зданиями различных университетских клиник, но здание Института мозга сохранилось, а на нем была установлена мемориальная доска на русском и немецком языках о том, что здесь работал крупный ученый Тимофеев-Рисовский. Я зашел в это здание, представился врачом, работавшим здесь 55 лет назад. Меня встретили приветливо и даже показали лабораторию в ее настоящем виде. Доброжелательно проводили до машины, подарив литературу о медицинском городке Бух.

2 мая 1945 года после тяжелых боев советские войска полностью освободили Берлин от фашистов и водрузили знамя Победы над рейхстагом. В то время мы не знали, кто именно водрузил первым это знамя, ибо свершить это - «водрузить знамя Победы», как тогда шутили, стремились многие еще до боев в Берлине. Немало бойцов и командиров в последние дни войны взбирались на крышу рейхстага и подбирались к его куполу. Оборонявшие его фашисты ожесточенно сопротивлялись. Многие наступавшие погибли, их имена остались неизвестными. Даже в 1946 году, уезжая из Германии, я еще не знал имен героев. При штурме рейхстага множество людей погибло. Несколько лет спустя объявили, что первыми водрузили знамя Победы Егоров из Смоленска и Кантария из Грузии. Может, так оно и было, а может, это было политическим решением лично Сталина и его окружения. Активное участие в освобождении Берлина принимала 2-я гвардейская танковая Армия под командованием маршала бронетанковых войск С.И. Богданова. Примерно в эти дни на территорию нашего госпиталя, привезли трупы Геббельса и членов его семьи, которых он отравил. Трупы немцы должны были сжечь, но не успели из-за быстрого наступления советских войск. Вскоре их увезли для детальной судебно-медицинской экспертизы.

Велика была радость советских воинов, вынесших на своих плечах все тяготы ужаснейшей войны. Все веселились, обнимались, стреляли в воздух. Банкетные столы стихийно появлялись на улицах и площадях Берлина, около памятников, особенно, у знаменитых Бранденбургских ворот. Все стены рейхстага были исписаны именами и фамилиями советских солдат и офицеров, дошедших до Берлина из-под Москвы, Сибири, Дальнего Востока, Украины, Кавказа. В нашем госпитале тоже радостно отметили

День Победы. Мы плясали, пили за Победу, поздравляя и обнимая друг друга. Для меня лично было еще одно важное событие - 10 мая в политотделе Армии мне был вручен партийный билет.

Горестно было вспоминать друзей и товарищей, не доживших до этого светлого дня.

В послевоенном Берлине

Вскоре после подписания фашистской Германией акта о полной капитуляции по договоренности с союзниками в Берлине были организованы четыре оккупационные зоны: советская - в восточной стороне города, американская, английская и французская, хотя лишь советские войска участвовали в овладении Берлином. С целью лучшей координации трех военных держав в Берлин вошло и небольшое количество союзных войск. Взамен союзники передали в распоряжение СССР территорию на западном берегу реки Эльба, которую они освободили от войск противника. Границы между оккупационными зонами Берлина тогда не было. И гражданские, и военные могли свободно перемещаться как пешком, так и на машинах из одной зоны в другую. Более того, в советской зоне военные патрули нередко останавливали наши машины, требовали проездной лист, проверяли, куда и зачем едет машина.

В зонах союзников советские машины вообще не проверяли. Лишь несколько лет спустя, точнее в 1948 году, были созданы ГДР, Западный Берлин, как самостоятельная административная единица, и ФРГ. Граница проходила по центру Берлина у знаменитых Бранденбургских ворот. При этом район Унтер ден Линден, Александерплац, университет, известная клиника Шарите и район Бух остались в Восточном Берлине, а рейхстаг - в западном. С 15 августа 1961 года по 9 ноября 1989 года между ними находилась знаменитая стена с чрезвычайно строгим пограничным контролем. Я посещал Берлин, как турист в 1980 году и был поражен, насколько опустела центральная часть города, как будто там все вымерли. В конце 1989 года проездом из г. Фрайбург, где проходил очередной Фальк-симпозиум, мы целый день провели в Берлине. Посетили его западную часть, районы Тиргартена и рейхстага, знаменитый пропускной пункт (чек поинт) Чарли. В рейхстаге были уничтожены все надписи военных лет и даже снесен купол, на котором с мая 1945 года развевалось знаменитое Знамя Победы, впоследствии увезенное в музей Вооруженных Сил в Москве.

Возвращаюсь к воспоминаниям послевоенных лет. В 1945 году площадь у Бранденбургских ворот превратилась в громадный рынок, своего рода «толкучку». Американские и английские солдаты и офицеры продавали всевозможные вещи, а советские и французские военнослужащие в основном покупали. Основную массу на «толкучке» составляли немцы, которые что-то покупали и что-то продавали. При мне был случай, когда на легковой машине подъехал американский офицер, вытянул через окно обе руки, на которых было по 5 - 6 штук наручных часов различного производства и предлагал их купить. Для интереса я спросил, по какой же цене он их продает. Он ответил, для них, то есть немцев - пять тысяч марок, а для русских - уступит по 4 тысячи. Я поинтересовался, что он сделает с вырученными за продажу деньгами. Он ответил: "Обменяю на доллары и куплю в Америке дом". На меня это произвело сильное впечатление, ибо в то время я не представлял себе возможность обмена валюты и тем более покупку дома в Америке. Наши мечты шли не дальше какой-нибудь кофточки для жены или брюк для себя в качестве трофея. Котировались также наручные часы, которые легко можно было взять с собой. Раз в месяц нам разрешали отправлять домой посылку до 8 килограммов. Некоторые умудрялись договариваться с почтовыми служащими и отсылать посылки чаще. Но на долю сотрудников госпиталя от передовых частей мало что оставалось. Однажды, в пустом доме я обнаружил 35 томов медицинской энциклопедии. Я решил отсылать ее посылками. Позже жена рассказывала, что, получая их на почте, недоумевала, отчего они такие тяжелые, затем стала сердиться, таская такие тяжести. Люди думали, что муж присылает из Германии золотые вещи. Я же хотел использовать немецкую энциклопедию для своей медицинской деятельности. Пользоваться ею мне пришлось не часто, а при отъезде из Москвы жена просто оставила эти книги на старой квартире. Однажды начальник госпиталя предложил мне собрать небольшую библиотеку русских книг из тех, что печатали немцы для угнанных советских граждан. Среди издававшейся профашистской литературы встречались и произведения классиков. С целью поиска этих книг мне была предоставлена машина с шофером и командировка на несколько дней в Берлин. Поиски в нашей зоне были не очень успешными, так как русские уже все разобрали. Искал я книги преимущественно в тюрьмах. Легче было

найти книги в зонах оккупации союзников. Как-то в американской зоне у нас не хватило бензина, так нам налили целый бак американские военные и мы приехали к себе с большим запасом бензина. А во французской зоне мне сказали, что здесь им русские книги нигде не попадались, но в Париже их наверняка много. Поедем, мол, с нами в Париж, а через день вернемся. Предложение было заманчивым, но я не рискнул обращаться к начальнику за разрешением. Впоследствии я был рад, что не решился на эту авантюру. Если бы кто-то узнал об этой поездке и доложил в органы, меня могли бы объявить шпионом. В первые месяцы после войны отношения советских и западных военнослужащих были очень дружескими. Этому способствовали не только широко описанная «Встреча на Эльбе», но и повседневные контакты - обмены подарками и сувенирами между советскими и американскими офицерами. Нередко устраивались совместные трапезы, так как у наших всегда была водка, а у американцев - консервы, колбаса, сыр. В общем, к русским отношение тогда было доброжелательным. Все советские воины назывались «русскими», не было разделения по национальностям, что произошло позднее. Любопытно, что у нас в ходу было выражение «братя-славяне», как синоним чего-то исключительно хорошего или плохого. Например, напился солдат чрезмерно, совершил какой-то проступок, набрал много барахла, или, наоборот, отличился в лучшую сторону, обычно говорили: «Ну, дают, эти братя-славяне!». Как-то советский военнослужащий покупал у англичанина часы. Возможно, они не поняли друг друга, начался спор, затем драка. Подоспевшие братя-славяне начали заступаться за своего, а англичане, подошедшие к тому времени, за своего. Увидели это американцы и начали бить... англичан! Это был не единственный случай, когда американцы вступали в защиту русских по самым разным поводам. А вскоре поступил приказ, запрещающий неофициальные контакты с западными военнослужащими, а также выезд из своей зоны. Началась эпоха «холодной войны». Советские саперы, разминировав дороги, мосты, здания, оставляли надписи типа «Дорога или дом проверены. Мин нет». Один остряк подписал на дверях такого дома: «Дом проверен. Часов нет». Какой еще трофеей можно было забрать с собой из пустого немецкого дома. В то время было много проявлений солдатского юмора. Например, в районе Тиргартен

находится памятник Бисмарку, сидящему на коне, а вокруг фонтан с нимфами. У одной из нимф в руках была книга, а какой-то остряк написал на ней название: И. Сталин «Вопросы ленинизма». В предвоенное время эту книгу советские люди изучали, как Библию или как впоследствии историю КПСС. В свободное от работы время меня отпускал начальник для поездок по корпусам и дивизиям нашей 2-й танковой Армии. Я знакомился с командирами частей и медработниками, многих знал лично. С их помощью находил лиц, перенесших проникающее ранение грудной клетки и возвратившихся в строй. Это был один из разделов будущей диссертации, посвященной отдаленным результатам ранений и их лечению. Использовал я и данные анамнеза, перкуссии, аускультации. Изредка попадались описания рентгенологического обследования. С целью изучения литературы я несколько раз посетил библиотеку клиники Шарите, просматривал журнал «Милитарартц» («Военный врач») и отдельные уцелевшие книги. К тому времени у меня накопились наблюдения в отношении 450 лиц, раненных в грудь. По совету армейского эпидемиолога я написал в Ученый медицинский совет при Главном военно-санитарном Управлении (ГВСУ) Красной Армии рапорт о предоставлении мне творческого отпуска для завершения работы над диссертацией. Оттуда пришло письмо за подписью Ученого секретаря Юрия Васильевича Другова о том, что для удовлетворения этой просьбы необходимо заключение армейского и фронтового хирургов, Первое получить не представляло больших трудностей, а для второго надо было ехать в Потсдам, где находился штаб 1-го Украинского фронта.

Сегодня добраться из Берлина в Потсдам можно за 40-60 минут автобусом или поездом, а в годы войны я добирался попутными машинами, голосуя, в течение целого дня. В штабе фронта мне указали, где находится квартира, в которой расположился Главный хирург фронта генерал-майор профессор Виталий Ильич Попов. Дома его не оказалось. Остался ждать его возвращения в подъезде, на лестнице. Около 2 часов ночи Попов приехал и сразу же принял меня, посмотрел мои записи, составленные таблицы. Особенно его заинтересовало воздействие предложенного им самим противошокового раствора Попова, а также эффект вагосимпатической блокады. Написал свое положительное заключение, и утром я его заверил в штабе фронта. К вечеру

возвратился к себе. Спустя 53 года я посетил Потсдам, но найти дом Попова было невозможно. Зато я посетил дворец, в котором проходила знаменитая Потсдамская конференция с участием глав трех держав, а также королевскую резиденцию – знаменитый замок Сан Суси.

Количество раненых, находившихся в нашем 180 ХППГ, постепенно сокращалось. Их большую часть эвакуировали в тыл, перенесших легкие ранения возвращали в свои части. Несколько раз госпиталь менял свое расположение. Последний раз мы находились в городке Фюрстенвальде. Осенью 1945 года меня перевели в терапевтический госпиталь на должность зав. отделением.

В начале 1946 года офицерам ГСОВ (группа советских оккупационных войск) стали разрешать привозить семью в Германию и я получил подобное разрешение за подписью командующего 2-й танковой Армией маршала бронетанковых войск С.И. Богданова. Жена с дочерью уже подумывали о приезде сюда, но в это время пришло письмо от Ю.В. Другова с разрешением о предоставлении мне трехмесячного отпуска. Разрешение это было подписано самим начальником ГВСУ Красной Армии генерал-полковником Е.И. Смирновым. Я был очень благодарен и признателен Юрию Васильевичу Другову и по приезде в Москву лично выразил ему свою благодарность. Начсанарм Чеботарев не хотел предоставлять мне отпуск. Мне до сих пор неизвестно, по какой причине. Однако скоро он уехал в отпуск и весной 1946 года его заместитель Волосевич отпустил меня на два месяца в Москву. Попрощавшись со своими сослуживцами, я отправился в марте 1946 года попутными поездами с множеством пересадок в Москву. Особенно мне запомнилась пересадка в Бресте. Билетов, естественно, не было, но людей влезало столько, сколько могло влезть, а там видно будет. Я влез в вагон через окно, а вещи мои - четыре чемодана и узел остались на платформе. Хорошо, что носильщик, помогавший мне, оказался честным и все вещи передал также через окно. Особенно радовался я сохранности рукописи диссертации, записей историй ранений и других черновых материалов, заполнивших два чемодана. Добирался я поездом из Берлина до Москвы в течение пяти суток. Поезд часто стоял на различных станциях. В наши дни пассажирский поезд преодолевает это расстояние за сутки, но тогда

нам казалось, что мы добрались быстро, так как от Москвы до Берлина шли четыре года, а обратно всего пять дней. При таможенном контроле на Белорусском вокзале в Москве для проверки на неделю задержали привезенные мною немецкие медицинские книги, нет ли в них фашистской пропаганды. По окончании срока моего отпуска я предстал в сентябре 1946 года перед врачебной комиссией в Москве. Там я показал свое свидетельство о близорукости (была еще контрольная проверка), копию характеристики начальника госпиталя Р.Я. Розенталя (она прилагалась для получения отпуска). В этой характеристике было написано, что капитан медслужбы А.М. Ногаллер является неволевым командиром, не обладает организаторскими способностями, однако склонен к научной работе и поэтому нецелесообразно оставлять его в Красной Армии. Комиссия единодушно решила меня демобилизовать, тем более, что к этому времени шло массовое увольнение из армии. На этом моя деятельность в качестве военного врача закончилась.

За успешную работу в период освобождения Варшавы меня наградили орденом Красной Звезды, а за бои при взятии Берлина - орденом Отечественной войны 2 степени и другими медалями, в том числе "За оборону Москвы", "За победу над Германией". С чувством исполненного долга я приступил к поискам работы или учебы в качестве терапевта.

О фронтовых соратниках

Настоящий раздел, возможно, не представляет интереса для читателей, не знавших упоминаемых мною людей. Но мне представляется целесообразным сохранить имена своих боевых товарищей по госпиталю. Из памяти имена и события так быстро исчезают, а судьба людей, с которыми меня связывала фронтовая жизнь, в большой степени отражает и описываемую эпоху. О многих из них я уже упоминал.

Начать мне этот раздел хочется с описания встреч с профессором И.С. Жоровым - известным хирургом, основателем научной анестезиологии и реаниматологии в нашей стране. У меня сохранилась с довоенных времен фотография, где профессор И.С. Жоров, красивый мужчина с пышной седой шевелюрой, читает лекцию, а в первом ряду сидят наиболее старательные ученики и

среди них М.А. Пустовалова (Чистова) и ваш покорный слуга - оба сталинские стипендиаты.

Поэтому, когда я на армейской конференции в 1943 году услышал, что выступить будет профессор Жоров, я с особым волнением стал слушать его доклад.

*На лекции по оперативной хирургии профессора Жорова.
Сидят на переднем плане: М.А. Пустовалова, А.М. Ногаллер – первые
сталинские стипендиаты (Москва, 1940 г.)*

После окончания официальной части я подошел к профессору Жорову, представился его учеником и попросил совета в отношении имеющихся у меня научно-врачебных наблюдений. И.С. Жоров очень тепло со мной побеседовал, посоветовал продолжать собирать материал, сохранить свои наблюдения.

Был он тогда без погон, в полугражданской одежде, без орденов и медалей, а выглядел удрученным. Дело в том, что он относительно недавно вышел из немецкого окружения, куда попал вместе почти со всей 31-й Армией, где был армейским хирургом. В момент нашей тогдашней встречи он проходил проверку соответствующими органами и вскоре был полностью реабилитирован, ему вернули звание полковника и все награды.

Вторая наша встреча в период войны была на съезде хирургов 1-го Белорусского фронта в Бресте в 1944 году, о чем я уже упоминал. Во время дружеского банкета мне удалось вкратце поговорить с Исааком Соломоновичем. Он одобрил собранный за прошедший период материал и сказал, что его достаточно для

оформления в дальнейшем кандидатской диссертации, тем самым вдохновил меня на завершение этой работы. Профессор Жоров сказал мне, что он теперь Главный хирург ФЭПа (фронтового эвакоприемника - комплекса госпиталей) Западного фронта, дал свои координаты. Он был вновь с погонами полковника в военной форме и при всех регалиях, выглядел очень величественно. Несколько раз я встречался с ним на территории Германии, в штабе фронта. Он дал мне ряд советов по дальнейшей работе над увлекшей меня темой ранений грудной клетки, сообщил свой домашний московский адрес, телефон, подарил свою книгу о наркозе. После окончания войны проф. Жоров демобилизовался и приступил к обязанностям зав. кафедрой хирургии 1-го Московского мединститута.

Весной 1946 года мне удалось получить двухмесячный отпуск для работы в библиотеке в Москве и завершения диссертации. Как военнослужащий, я был прикреплен к хирургической кафедре военного факультета ЦИУВ (Центральный институт усовершенствования врачей). Ввиду отсутствия на этой кафедре интереса к моей работе, я вновь обратился за помощью к проф. Жорову. Он учел, что у меня ограниченный срок пребывания в Москве и за 2 дня тщательно проверил мою работу, дал ряд ценных рекомендаций, помог продлить отпуск еще на месяц для сдачи тогда четырех кандидатских экзаменов (хирургия, патанатомия, немецкий язык и марксистско-ленинская философия). Все экзамены за этот месяц я успешно сдал на соответствующих кафедрах в ЦИУВ, благо экзаменаторы в тот период были не очень придирчивы к вернувшемуся с фронта диссертанту. После демобилизации я нередко бывал у проф. Жорова на кафедре оперативной хирургии и дома на ул. Чайковского, познакомился с его женой, сыном и дочерью. Исаак Соломонович был всегда очень энергичным и деловым, доброжелательным и приветливым. У меня сохранился ряд его книг с дарственной надписью. Добрую память о нем я храню всю свою жизнь.

О полковнике медицинской службы Чеботареве, начальнике санитарной службы 2-й танковой Армии, у меня остались менее благоприятные впечатления, ибо он препятствовал предоставлению мне отпуска уже после окончания войны. Вспоминается встреча однополчан в Саду Баумана спустя 30 лет после войны. Вместо грозного когда-то начальника, гвардии полковника, увешанного

орденами и медалями, на скамеечке сидел старичок с палочкой, а вокруг сидят или стоят около десятка уцелевших медработников 2-й танковой Армии.

Об армейском хирурге Бродском мне рассказывать особенно нечего. О нем мне напомнила фотография 1944 года, он снят вместе с начальником госпиталя Н.Г. Чельшевым и пятью врачами.

Армейский терапевт В.И. Иванов-Незнамов был мне немного знаком как ассистент факультетской терапевтической клиники М.П. Кончаловского в 1-м Московском мединституте. Поскольку я был в годы войны хирургом, с ним мне не часто приходилось встречаться на фронте.

Из армейского начальства хотелось бы вспомнить генерала Антонова, зам. командарма по тылу. Он часто приезжал в наш госпиталь. Запомнился следующий эпизод: осенью 1945 года в Берлине состоялся торжественный парад войск союзников в честь Победы. Формировались колонны из советских военнослужащих. Нас, мужчин, выстроили во дворе госпиталя, а генерал Антонов со свитой проводил смотр подразделения. Проходя мимо меня, он заметил: "Доктор, Вы, вероятно, не совсем здоровы". Я хотел, было, возразить, что вполне здоров, но сопровождающий генерала адъютант дал мне знак выйти из строя. Как я понял, мой не вполне бравый вид (и рост) вряд ли могли украсить ряды победоносной Советской Армии на предстоящем параде. Впрочем, исключен я был не один, лишь несколько человек из нашего госпиталя оказались достойными участвовать в параде Победы в Берлине.

О начальнике госпиталя Николае Григорьевиче Чельшеве я уже писал. Он был доброжелательным человеком, хорошим, грамотным врачом, но злоупотреблял приемом спиртного. В конце 1943 года его перевели в какую-то другую часть. После войны судьба его сложилась печально: в связи с запоями он работал в маленькой сельской больнице под Москвой. Как-то зимой возвращался нетрезвым домой один, упал, пролежал долго в снегу, отморозил обе ноги и вскоре умер. К тому времени меня уже не было в Москве, и об этом печальном событии мне рассказали лишь спустя 25 лет.

Последние два года начальником госпиталя был Р.Я. Розенталь, невысокий полный мужчина в годах, как мне тогда казалось, лет под пятьдесят. До войны он был главным врачом санатория или курорта в Крыму. Он был хорошим администратором, строгим и

требовательным, быстро и глубоко вникавшим в суть проблемы. Запомнилось его выражение: "О порядке и культуре в госпитале (больнице) надо судить не по операционным, а по чистоте уборных". Любимым его выражением была также фраза: «Ты не пуп земли», когда хотел подчеркнуть, что надо думать не только о своих интересах. При нем наш 180-й госпиталь был награжден орденом Красной Звезды, что очень редко присуждалось всему коллективу. После войны он уехал работать куда-то в Прибалтику, и дальнейшая его судьба мне не известна. Говорили, что вскоре после войны он скончался.

Комиссаром, затем замполитом госпиталя была женщина по фамилии Гроза. Характер ее соответствовал фамилии. Она была очень деловой и требовательной, вникала во все мелочи и естественно часто конфликтовала с начальником госпиталя. Мы все ее побаивались, уважали, но особой симпатии к ней не испытывали. Бывают такие люди - слишком правильные и не слишком человечные.

Короткое время главным хирургом нашего госпиталя был какой-то опытный специалист с довоенных времен. Фамилию его я забыл. У него были аристократические замашки, ему разрешили при назначении в другой госпиталь забирать с собой ординарца, подобно офицеру царской армии. После трудового дня и напряженной работы хирурга он любил выпить водки или спирта. Однажды, в отсутствие ординарца, он выпил спирта из фляжки. Спирт оказался метиловым. Спасти его, несмотря на все принятые меры детоксикации, не удалось. При малых дозах метилового спирта часто наступает слепота, а доза более 100 грамм обычно приводит к гибели. В то время, уже на территории Германии, в качестве трофеев часто доставались цистерны со спиртом, преимущественно этиловым, но иногда и метиловым, которые внешне и по вкусу были сходны. Почти у каждого, в том числе и у меня, было по фляжке этилового спирта на всякий случай и не только ради удовольствия, но и как противошоковое средство при ранениях. Иногда передовым танковым частям удавалось захватить так много трофейного спирта, что при нехватке бензина спиртом заправляли моторы танков и двигались дальше вперед.

В последний период работы госпиталя его главным хирургом был назначен Виталий Михайлович Тетерин, ранее заведовавший первым хирургическим отделением. Тетерин был опытным

хирургом, я работал в его отделении и обязан ему всей своей хирургической деятельностью, ибо он обучил меня не только операциям по поводу ранений, но и удалению аппендикса или грыж. Помнится, перед операцией я очень тщательно мыл руки, потом обрабатывал их по Спасокукоцкому, то есть в растворе нашатырного спирта (резиновые перчатки тогда были в большом дефиците). После проведенной мной операции у многих пациентов на 2-3 день была субфебрильная температура. Тетерин мыл руки быстро, вроде даже кое-как, но после его операции у больных температура не поднималась, вероятно, за счет быстрого проведения операции и меньшей травматизации тканей. К моей работе над будущей диссертацией он относился скептически, нередко говорил мне: "Брось фонендоскоп, хирургу он не нужен". Его ППЖ была Валя Никитина, высокая блондинка, энергичная, деловая медсестра, которая родила от него дочь Машу. После войны Валя с дочкой жили в Москве, то есть совсем недалеко от дома, где жили мы с женой и дочкой в 1946-1948 годах. Тетерин куда-то уехал, его следы затерялись. Мы решили познакомить Валу с нашим однокурсником Борей Еременко, с которым я учился в одной группе и был очень дружен. Оказалось, что Боря и Валя подошли друг к другу. Боря удочерил девочку, хорошо к ней относился и очень гордился ее успехами. Она даже внешне была на него похожа. Валя окончила заочно экономический институт. Борис работал в Центральном институте курортологии, защитил кандидатскую диссертацию. Приезжая в Москву, я иногда виделся с ними. Их брак, благодаря моему сватовству, оказался удачным, прожили они вместе более 30 лет, а затем я потерял их из виду в связи с их переездом на другую квартиру.

О Вахтанге Викторовиче Метревели, который работал со мной в одном отделении у Тетерина, я уже не раз вспоминал. Он был на пару лет старше меня, среднего роста, средней комплекции, с усами, говорил с грузинским акцентом и не всегда правильно по-русски, вроде "кровь течет струем" или вместо "кость неправильно срастается" - "кость неправильно идет". Мы с ним жили дружно, иногда шутливо обзывая друг друга "бегемот", "бизон" или чаще обобщенно "бизбег". Он собирал материалы для диссертации подобно мне, но по проблеме газовой гангрены. Однако использовать свои записи в дальнейшем ему не удалось, и диссертацию он защитил после войны на какую-то другую тему.

Как-то я съездил в Тбилиси на конгресс или оппонентом по диссертации, сообщил о своем приезде Метревели. По полю аэродрома навстречу мне шел, как мне показалось, сам Сталин - та же фигура, походка, усы, неторопливая речь с акцентом. Жаль, что мы не сфотографировались тогда вместе, - мог бы в дальнейшем выдавать это как встречу с великим вождем. Фронтные же фотографии с ним у меня сохранились. Познакомился я с его женой - грузинкой, которая в относительно молодом возрасте умерла. Вахтанг написал мне о своем вдовстве, затем постепенно наши связи прекратились.

Хотелось бы помянуть добрым словом Романа Моисеевича Козачинского, бывшего одно время у нас главным хирургом госпиталя. До войны он работал в клинике известного в Ленинграде хирурга Заблудовского. Козачинский был всегда доброжелательным и помогал нам в хирургической работе, одобрительно относился к моим научным наблюдениям по проникающим ранениям грудной клетки. Здоровья он был слабого, перенес операцию резекции желудка и вскоре, еще задолго до окончания войны, его демобилизовали. После войны, приезжая в Ленинград на съезд терапевтов, я навещал его дома, мы долго беседовали, вспоминая военные будни. На прощание он подарил мне свою фотографию, которую я храню до сих пор.

Короткое время в нашем госпитале работала ординатором Ольга

Александровна Нарычева, чуть старше меня, но уже поработавшая раньше хирургом. И после войны она долго работала хирургом в больнице МПС в Москве. Мы часто с ней встречались в праздник Победы, когда я приезжал в Москву. Семейная жизнь у нее не сложилась, она осталась одинокой, компенсировав это тем, что объездила как турист почти весь мир.

Встреча с коллегами 2-й танковой Армии в саду им. Баумана в Москве (слева направо – внуки А.М. Ногаллера Антон и Илья, А.М. Ногаллер, О.А. Нарычева, И.Н. Гребенюк).

Нет возможности вспомнить всех тех, с кем приходилось работать и общаться в годы войны. Хотелось бы

только отметить героический труд медсестер в годы войны. Рассматриваю сохранившиеся у меня фотографии: на меня смотрят красивые лица совсем юных девушек. Большинство из них было с Урала, точнее из города Асбеста Свердловской области.

Со многими из них мне довелось встретиться спустя почти 30 лет. В 1968 г. был съезд гастроэнтерологов в Новосибирске. Я поехал туда с докладом и взял с собой жену, у которой в этом городе жила родня - сестра с сыном и дочерью. На обратном пути мы решили сделать остановку в Свердловске, чтобы встретиться с однополчанами. Я заранее списался с Борисом Николаевичем Головизниковым, который какое-то время работал в нашем госпитале бухгалтером. В послевоенные годы он был главным бухгалтером областной больницы, поддерживал контакт со всеми нашими девочками, проживавшими на Урале. Собралось около 30 человек, включая детей, мужей и других родственников наших однополчан. Мы рассказывали о своей жизни в послевоенный период, о судьбах общих знакомых, вспоминали боевой путь 2-й танковой Армии и нашего госпиталя, пели фронтовые песни. Незаметно пролетело время в ресторане, и надо было разъезжаться, хотя и не хотелось расставаться, ведь это была встреча не только друзей по общему делу, но и возвращение в годы молодости. В памяти сохранились преимущественно имена, хотя присутствовали уже солидные седые дамы, многие ставшие бабушками. Они охотнее говорили о внуках, чем о забытых годах своей юности.

Особенно мне запомнились Соня Григорьева, Лена Бабичева, Клава Старицына, Клава Бокшаева, Аня Ширяева, Ира Лебедева (все указанные фамилии - девичьи). Со многими медработниками 2-й танковой Армии удалось встретиться в Москве спустя 30, потом 50 лет и позже. Совет ветеранов организовывал ежегодно 9 Мая и в День танкиста (в сентябре) встречу в Саду им. Баумана близ Курского вокзала. Когда я переехал жить в Рязань, я имел возможность часто участвовать в этих встречах.

Первые годы это было особенно трогательно и впечатляюще. Позднее многие предпочитали не вспоминать былое, а говорить о своих заботах и болячках. Встреча начиналась обычно 8 мая с посещения Новодевичьего кладбища, где захоронены командарм маршал бронетанковых войск С.И. Богданов, нач. штаба Армии, позднее начальник военного училища, генерал-полковник Радзиевский, командиры корпусов. Во время встречи ветеранов в

Саду Баумана были речи, приветствия, выступления профессиональных актеров, концерты самодеятельности. В первое время встречи продолжались весь день, вечером - в ресторане. Запомнились встречи не только общими разговорами и воспоминаниями, но и песнями, которые все пели хором. Впечатление от любимых фронтовых песен: "День Победы", "Темная ночь" или "Брянский лес", "Враги сожгли родную хату", "Эх, дороги", "Последний бой, он трудный самый, а я в Россию, домой хочу, я так давно не видел маму" у и многих, многих других, - было сильнее, чем от исполнения этих песен профессиональными артистами со сцены или по радио. Ветераны пели медленно, с большим чувством, искренне и задушевно, вспоминая пережитое. У некоторых женщин появлялись слезы. А когда пели песню Я. Френкеля и Расула Гамзатова "Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие с полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей... Летит, летит по небу клин усталый, летит в тумане на исходе дня. И в том строю есть промежуток малый, быть может, это место для меня..." - каждый вспоминал с горечью погибших однополчан и думал о своей судьбе на ближайшие годы. Следует отметить, что во время самой войны редко пели фронтовые песни, т.к. многие из них были написаны позднее, у нас не было радио, газеты поступали очень редко, часто мы уставали настолько, что хотелось скорее уснуть, и было не до песен. Лишь с иронией в последние месяцы войны мы напевали слова песни "И ни сон нас, ни усталость не берет, мы идем вперед, вперед, вперед".

После перестройки, из-за повышения цен и ухудшения здоровья ветеранов было уже не до ресторанов. Поэтому после окончания торжественной и художественной части ветераны собирались группами по интересам или давнему знакомству. В юбилейные годы откуда-то привозили полевую подвижную кухню - котел и угощали ветеранов пшенной кашей со 100 граммами водки. Как-то ко мне подходит один из организаторов встречи, оказавшийся начальником отдела культуры исполкома Бауманского района. Он говорит мне: "Вы из 180-го госпиталя? То-то я смотрю, лицо знакомое. Вы меня оперировали в этом госпитале и спасли мне жизнь". Эти слова мне хорошо запомнились, значит, и труд медиков был важен для победы, для сохранения здоровья и жизни. Все это, в принципе, хорошо известно, но когда это тебе лично

говорят, - это дает большое моральное удовлетворение не зря прожитой жизни. Кто знает, если бы мы в своем 180-м госпитале не спасли жизнь этому раненому, не будь он начальником Сада им. Баумана, могли бы ежегодно проводить в нем встречи ветеранов? Любой другой начальник мог бы отказать предоставлять бесплатно место для проведения встреч, найдя для отказа множество причин.

В Совете ветеранов 2-й танковой Армии медицинскую часть представляли Нина Герасимова и Валя Заушицина. Они оформляли нам поздравления с праздником, приглашали на встречи, знакомили многих из нас друг с другом. Нина Герасимова в годы войны была медсестрой, затем закончила юридический факультет Высшей школы МВД, стала подполковником, награждена многими орденами и медалями. Валя Заушицина работала долгие годы врачом и после войны, рано овдовела. Бывший врач 12-го корпуса Трескунов защитил диссертацию после войны по гастродуоденитам, успешно работал в Черноголовке близ Москвы, увлекся фитотерапией, выпустил ряд книг на эту тему. С москвичами - врачами и сестрами военных лет имелась возможность видаться относительно часто, из других городов приезжали все реже и реже.

В 1985 году, в год 40-летия Победы Совету ветеранов нашей Армии удалось организовать специальный поезд для поездки по местам боевой славы. Многих к тому времени уже не было в живых, другие не могли принять участие по состоянию здоровья, но все же вместе с родными набрался целый поезд ветеранов только из нашей Армии. Сбор был в Москве, а потом по специально разработанному маршруту мы побывали в городах и станциях, в освобождении которых от врагов принимала участие 2-я гвардейская танковая Армия: Курск, Понри, Харьков, Умань, Одесса, Киев, Львов, Минск, Брест с его знаменитой Крепостью, оказавшей героическое сопротивление фашистам в течение первых месяцев войны. Почти всюду нас встречали духовым оркестром, цветами, устраивались короткие митинги, концерты, мы посещали братские могилы, возлагали венки. Потом были экскурсии по достопримечательностям города, встречи с местными ветеранами на дружеских вечерах или обедах. Оплачивали эту поездку сами ветераны, но со значительной скидкой. Во время поездки было много воспоминаний, бесед со старыми и новыми знакомыми, отчетливо проявилось фронтовое братство.

В годы войны наш полевой госпиталь обычно размещался в маленьких деревнях и в лесу, поэтому интересно было побывать в городах, которые освобождали танкисты нашей Армии. Иногда удавалось ориентировочно обнаружить места, где располагался 180-й ХППГ, где мы спасали жизни, оперируя тысячи раненых, но, к сожалению, там остались кладбища с погибшими воинами.

И еще одно воспоминание. Как-то в День Победы я был в Москве на Поклонной горе. Перед ветеранами выступал прямо на площади Иосиф Кобзон, исполняя тогда впервые услышанную песню Александры Пахмутовой и Николая Добронравова «Поклонимся великим тем годам... и маршалам страны и рядовым... и мертвым и живым... всем тем, кого забыть нельзя... поклонимся, поклонимся друзья...». Голос певца дрожал, слова звучали так искренне, душевно, что у многих слезы выступили на глазах, а после минутной тишины раздались горячие, аплодисменты. О друзьях-товарищах, не доживших до Победы или скончавшихся в послевоенные годы, мы постоянно вспоминали во время этой памятной поездки и других встреч, выпивали за упокой их душ. Пути Господни неисповедимы, судьбы людей непредсказуемы, и нужно радоваться, что удалось дожить до сегодняшних дней.

Заключение

Заканчивая раздел воспоминаний, посвященный военной поре, хотелось бы привести несколько официальных статистических данных об участии медиков в Великой Отечественной войне. Эти материалы случайно сохранились у меня в виде фрагментов докладов на заседаниях Московского и Рязанского обществ терапевтов в юбилейные даты. В тяжелейших условиях маневренной войны, отступлений и наступлений, медики сумели вернуть в строй более 72% раненых и 90,6% больных, спасли около 10 миллионов советских воинов. Только в составе армейских и фронтовых медико-санитарных учреждений было около 200 тысяч врачей, более 500 тысяч фельдшеров и медсестер. Подготовка последних, а также санитаров, осуществлялась не только на базе медучилищ, но и на краткосрочных РОККовских курсах (Российское общество Красного Креста) обычно из числа добровольцев.

Удалось развернуть более 2 тысяч госпиталей и более одного миллиона коек. При этом лишь более половины имевшихся в

стране военно-полевых госпиталей в период отступления советских войск удалось сохранить и эвакуировать. Много тысяч медицинских работников было ранено или погибло в годы войны. Была сформирована стройная система организации медицинской помощи от батальонных и полевых медпунктов, медсанбатов до армейских и фронтовых госпиталей и эвакуоприемников с долечиванием в тыловых учреждениях, осуществляя преемственность лечения. Действовала четкая система сортировки раненых, оказания специализированной помощи и эвакуации больных. До войны было 12 тысяч хирургов – специалистов разного профиля, а 80% из всех работавших врачей обучились оперативному мастерству уже в ходе войны.

Трудовой подвиг медиков был отмечен правительственными наградами - более 116 тыс. награждено орденами и медалями, а 47 человек получили высшее звание Героя Советского Союза.

Приводя все эти статистические данные, мне бы хотелось подчеркнуть, что в годы войны был подлинный интернационализм. Перед общей опасностью не обращали внимания, какой национальности офицер или боец, важно было, как он воюет или как владеет своим делом, а также каковы его человеческие качества. Вражеские бомбы, мины, пули поражали людей независимо от их национальности. А теперь войны приобрели не межгосударственный, а межэтнический характер, а конфликты возникают то в Чечне, Азербайджане, Грузии, в Средней Азии, то в другом районе и главным образом на национальной почве. Призыв Расула Гамзатова "Мне все народы очень нравятся, и трижды будет проклят тот, кто попытается, кто постарается чернить какой-нибудь народ", к сожалению, далеко не всегда воплощается в жизнь. Увы, всякая война сопровождается не только очернительной пропагандой, но и кровопролитием. При всем деспотизме коммунистического режима и самого Сталина, следует отдать должное - репрессии проводились независимо от национальности в довоенное время и во время самой войны (если не считать высылки российских немцев из Поволжья или ряда других народов в связи с подозрением на сотрудничество с фашистскими оккупантами). При всех преступлениях Сталина и осуждении культа личности следует признать, что его твердое руководство страной хоть и не без ошибок, и не без преступных действий, вера народа в Сталина, как в гениального вождя, сыграли свою положительную роль во время

войны. Что бы ни писали впоследствии, но с лозунгом "Вперед за Родину, за Сталина" тысячи людей совершали подвиги и шли на смерть. Другое дело, что в послевоенный период, как и до войны, сталинская тирания вновь стала уничтожать своих же соотечественников как по политическим, так и по национальным признакам.

Обидно, что через 70 лет появилась тенденция умалять заслуги СССР и советского народа в разгроме и освобождении от гитлеровского деспотизма народов Европы. Сейчас наблюдается тенденция реабилитировать РОА (русская освободительная армия) во главе с генералом Власовым, на Украине - Степана Бандеры, в Прибалтике и Польше - лиц, сражавшихся против Красной Армии. В самой Германии запрещена фашистская пропаганда, осуждены гитлеровский режим и его агрессия, уничтожение евреев в концлагерях, но день освобождения страны от фашизма, день подписания капитуляции нацистской Германии, день окончания 2-й мировой войны - 8 мая - в ФРГ не отмечается, ни как праздник, ни как исторический урок. Соответственно, не празднуется и День Победы.

Всякое историческое событие следует оценивать с позиции того времени, когда оно происходило. СССР воевал не с нынешней Германией, а с жестоким фашистским режимом и тем способствовал созданию демократических государств в Западной Европе, да и в Америке. Не замечать заслуги советского народа, понесшего наибольшие потери во 2-й мировой войне, как теперь называют войну 1939-1945 годов, есть кощунство и несправедливость. В отдельном периоде истории многие жертвы могут показаться напрасными, но только не в случае борьбы с фашизмом. Во многих случаях постепенное развитие общества без всяких революций и перестроек, без национально-освободительных войн, нередко сопровождающихся терроризмом и экстремизмом, результат получается лучшим, чем при войнах с их человеческими и материальными потерями. Опыт войн в Югославии, в Афганистане, в Чечне подтверждает пагубность попыток решения спорных вопросов военным путем. Политика дипломатических переговоров и компромиссов лучше любых, так называемых справедливых войн, тем более в эпоху атомного и ракетного оружия.

На старости лет, повидав войну не по кинофильмам и повестям, без романтического возвышения, а в будничной прозе и несчастьях, с многочисленными жертвами, становишься поневоле пацифистом и противником всякого вооруженного решения политических проблем. К сожалению, мирное решение межгосударственных и внутригосударственных проблем не всегда осуществимо. Как писал Александр Дюма-сын: "Обидно, что ум человеческий имеет свои пределы, а глупость человеческая - беспредельна". Хочется надеяться, что 2-я мировая война была последней и 3-й мировой никогда не будет.

Наконец, в личном плане мне следует благодарить судьбу за то, что остался живым в прошедшей войне, а не погиб, как миллионы моих соотечественников. Поэтому, как бы ни складывались обстоятельства в послевоенной жизни, какие бы трудности, заботы, обиды, неудачи, болезни не возникли, все это несущественно по сравнению с главным - быть живым.

Человек сам творец своей судьбы, но бывает и наоборот, судьба играет человеком. Как говорится: "На все - воля Божья". Если бы полвека назад мне сказали, что в конце жизни я добровольно перееду на жительство в Германию, я посчитал бы это неуместной и злой шуткой, даже обиделся бы на этого человека, ибо был искренним, как и большинство советских людей, патриотом. Но времена меняются. Все смешалось и не только в доме Облонских, но и во всей стране, в идеологии и представлениях о том, что такое хорошо, а что плохо. И вот «судьба проказница шалунья» распорядилась так, что я пишу воспоминания, сидя на балконе в доме когда-то проклятой, а ныне благополучной и дружественной нам Германии.

В МОСКОВСКОЙ КЛИНИКЕ

Москва послевоенная

В Москву я возвратился после окончания войны весной 1946 года. Первые месяцы я оставался еще военнообязанным, а после демобилизации стал заниматься трудоустройством и благоустройством. Даже в столице ощущался большой дефицит всех товаров, а в свободной продаже ничего не было. Продукты продавались или, как тогда говорили, выдавали по карточкам – хлебным и молочным – на 1-2 дня, мясным, на крупы, овощи,

жиры, сахар, соль, чай – на месяц. Нередко в магазинах проводилась замена продуктов («отоваривание»), например, при отсутствии мяса выдавали колбасу или селедку, молоко заменяли творогом или кефиром, сливочное масло – растительным или маргарином, сахар – конфетами. Выбора часто не было, ибо отказаться от замены означало рисковать вообще ничего в этом месяце не получить из данной категории продуктов. Нормы отпускаемых продуктов зависели от категории карточек: для рабочих, служащих, детей, инвалидов, иждивенцев (пенсионеров). Последним выдавалось меньше всего, детям давали больше молочного и сахара, рабочим – больше хлеба, мяса и жиров. Кроме того, были еще литерные карточки: литер **А** – для ответственных работников и высокого начальства (вероятно, не для самого высокого) и литер **Б** – для научных сотрудников (кандидатов и докторов наук), заслуженных работников искусства и других более или менее заслуженных деятелей страны. После демобилизации я получал карточки служащего и был очень горд, когда после защиты кандидатской диссертации мне стали выдавать в домоуправлении продуктовые карточки литеры **Б**. На мебель, одежду, дрова выдавали специальные талоны, которые надо было получать по месту жительства, причем, все это было строго лимитировано. Позднее появились так называемые коммерческие магазины, где за цену в 3-10 раз выше карточных можно было приобрести крайне нужные продукты или товары. Магазины эти были тоже государственные, а цены в них были относительно стабильные. Эти магазины и карточная система просуществовали около пяти послевоенных лет и постепенно были отменены.

В послевоенные годы были проведены две денежные реформы – сразу после войны в отношении 1:10, т.е. если, например, порция мороженого стоила, насколько я помню, 220 рублей, то на новые деньги уже 22 руб. Затем был еще раз обмен денег, а цены в обновленных рублях стали в десять раз ниже. Соответственно, уменьшалась и зарплата. Любопытно, что деньги, хранившиеся в государственных сберкассах, а других тогда не было, обменивались один к одному (возможно, в ограниченном объеме, для нас это было в то время не актуально, ибо накоплений у нас не было). Эта мера вызвала доверие к государственным сберкассам и усилила приток к ним денежных средств населения. Однако, при последующих реформах (при Хрущеве еще в 10 раз, а при Ельцине

в 1000 раз) надежда на сохранность денежных вкладов в государственном банке не оправдалась. В годы перестройки все вклады обесценились, как и деньги, хранившиеся у населения на руках. С тех пор люди предпочитают хранить свои даже скудные резервы (лучше в долларах, когда это стало возможным) в банке дома, а не в Сбербанке. Государство от этого, по-видимому, много теряет. В первые послевоенные годы почти к каждому празднику происходило небольшое, но все же относительно существенное снижение цен на те или иные продукты и товары, так что люди с надеждой ждали очередного праздника. Даже небольшое снижение цен сопровождалось, естественно, большой пропагандой в печати об улучшении жизни населения. Позднее от привычки ожидания снижения цен к празднику отвыкли. Еще в конце войны Мирра сумела купить у стариков Дубовых, проживавших в том же доме, что и мать с сестрой, проходную комнату. У стариков было две смежные комнаты, без кухни, с маленьким туалетом и умывальником там же. Эти комнаты были еще в прошлом веке отгорожены от большого коридора, где жило 8 семей, в том числе и наша. Для умывания, взятия воды или посещения туалета нам приходилось проходить через комнату соседей. Они свои кровати и стол отгородили занавеской. Старушка была парализована, и от ее постели постоянно исходил неприятный запах. В нашей комнате был лишь один большой дубовый стол, за которым мы и питались, и занимались, и на котором первое время спала маленькая дочка. Большим событием для нас стало приобретение кровати, а затем и двух стульев. Шкафа у нас не было до конца жизни в Москве, но удалось приобрести небольшой сундук, в котором хранилась одежда, а ночью он служил дочке постелью. Отапливалась комната дровами, которые стопкой лежали тут же перед конфоркой кирпичной печи. Иногда зимой замерзали трубы и тогда приходилось бегать в туалет на Курский вокзал (с Верхнесыромятнической улицы – целый квартал) или терпеть до ухода на работу. Пищу готовили в той же комнате на примусе или электроплитке. В то время всем было трудно, а наличие у молодой семьи отдельной комнаты, хоть и без удобств, считалось большим счастьем. В Москве тогда строили жилья мало, строительство его широко развернулось лишь во времена правления Н.С.Хрущева. Хоть квартиры эти были малогабаритными, с низкими потолками

(их называли хрущевками) – только за это его должны вспоминать с благодарностью.

Несмотря на трудности жизни, настроение у людей было радостным – позади была кровавая война с ее многочисленными жертвами, гордость за одержанную победу, надежда на лучшую и счастливую жизнь. Молодежь стремилась к знаниям, расширялась сеть школ и институтов. Большие трудности были с помещением ребенка в детский сад и ясли. Шутили, что здесь наиболее высокий конкурс – выше, чем при поступлении в институт. Нам этот конкурс выдержать не удалось, а Мирра работала уже на кафедре 1-го Московского мединститута. Пришлось нам найти няню из деревни, где условия жизни были еще хуже. Эта девушка (а затем были и более пожилые женщины) жила и питалась у нас, спала в той же комнате на полу, получала небольшую зарплату на личные нужды и все были довольны.

Центральная медицинская библиотека на Баррикадной улице и главная библиотека им. Ленина были всегда переполнены, а чтобы занять место за столом, надо было приходиться заранее, до открытия. Стою я как-то в очереди перед входом в библиотеку, а мимо проходит старушка и спрашивает: "За чем очередь, за хлебом?" Очереди за хлебом были тогда делом привычным. Один из стоявших в очереди сострил: "За хлебом, бабушка, только не сейчас, а в будущем". И действительно, затраченные усилия на приобретение знаний и получение в дальнейшем ученой степени оправдывались и в материальном отношении, ибо присвоение ученой степени кандидата наук автоматически приводило к повышению зарплаты. Переполнены были тогда в Москве и кинотеатры, а появление каждого нового кинофильма было событием. Кинофильмы были пронизаны оптимизмом, сопровождались обычно прекрасной музыкой и песнями, которые затем широко распевались народом и на всякого рода мероприятиях, дома, в компании. Пусть в них была идеализация любви и лакировка действительной жизни (в ходу было даже выражение "все, как в кино"), нередко восхвалялись великий вождь и компартия, но все же мне лично это представляется предпочтительнее, чем нынешние фильмы с их детективным или сексуальным содержанием, без музыкального оформления и воспитания лучших человеческих качеств, как это было в прошлых кинофильмах. Как бы ни ругали впоследствии фильмы типа

"Кубанские казаки". "Два бойца" и многие другие послевоенные фильмы, их герои запоминались, а актеры становились любимыми и широко известными. Театры тоже были переполнены, почти всегда был дефицит билетов, так же, как и на хорошие концерты с участием известных исполнителей. Цены на билеты были вполне доступные, а тяга людей к прекрасному после всех тягот военного времени была особенно высока. Телевизоров тогда еще не было, а если кто-то и приобретал небольшой черно-белый, с увеличительной линзой впереди, то к нему по вечерам приходили соседи и все вместе смотрели передачи и восхищались этим чудом техники. Лишь много лет спустя появились цветные телевизоры и они стали относительно доступны для всех желающих их приобрести. Любимым развлечением москвичей в послевоенные годы было смотреть праздничные салюты. Все выходило на улицы, во дворы, любовались разноцветными вспышками ракет и как дети кричали "ура!". На центральных улицах и площадях было особенно многолюдно и оживленно, каждый залп сопровождался громкими радостными выкриками, вероятно, по инерции напоминая о победах Красной Армии в последние годы войны.

В клинике Института питания АМН СССР

Осенью 1946 г. сразу после демобилизации я хотел поступить в аспирантуру или клиническую ординатуру, так как чувствовал, что моего 4-летнего медицинского образования было недостаточно, тем более, что за годы войны многое забылось.

Теоретически я как фронтовик, прошедший боевой путь от Москвы до Берлина, награжденный орденами и медалями, а в студенческие годы отличник и сталинский стипендиат, имел все шансы быть принятым для дальнейшей учебы. На практике же оказалось, что ни в Институт терапии, ни в другие учреждения, куда я пытался поступить, меня не принимали. Всюду в отделе кадров, после ознакомления с моим паспортом и анкетой с графой 5 "национальность", отказывали под тем или иным предлогом, то ссылаясь на возраст (мне было уже 26 лет!), то на недостаток у меня опыта работы в качестве терапевта. К этому времени уже существовало негласное указание ограничивать поступление евреев в учебные и научные учреждения. За этим строго следили отделы кадров, мнение которых имело обычно большее значение, чем руководителя учреждения, ибо их работа находилась под

непосредственным контролем КГБ. Помог мне счастливый случай. Моя мама посоветовалась с нашим бывшим соседом, весьма авторитетным врачом Л.Ф. Лимчером, о котором я упоминал ранее. Она рассказала о моих неудачах с трудоустройством и попросила о возможном содействии. Тот пообещал поговорить с проф. М.И. Певзнером, в клинике которого он работал зав. отделением. Мануил Исаакович принял меня лично, я показал ему начерно напечатанную диссертацию и попросил принять меня на работу в его клинику. Он направил меня к директору Института питания академику С.Е. Северину. Сергей Евгеньевич был крупным биохимиком, отличался высоким ростом, был худощав, с небольшой бородкой и по внешнему облику очень напоминал, судя по портретам, академика К.А.Тимирязева, Дон Кихота или по кинофильмам актера Николая Черкасова. Я понравился Сергею Евгеньевичу и он отдал приказ о зачислении меня на вакантную должность младшего научного сотрудника клиники. В тот период директор института имел еще право самостоятельно, без разрешения отдела кадров принимать научных сотрудников, в отличие от аспирантов или ординаторов. Спустя год-два эта, так сказать, лазейка была запрещена, а в дальнейшем даже академик не мог (а иногда и не хотел) принимать самостоятельно в штат никого из сотрудников. Мне же посчастливилось попасть в научное учреждение еще до открытого антисемитизма в стране и "дела врачей". Благодарность С.Е. Северину, М.И. Певзнеру и Л.Ф. Лимчеру, без помощи которых я не смог бы вообще или смог бы значительно позже начать свою научную деятельность, я сохранил на всю жизнь.

Клиника Института питания Академии медицинских наук СССР была тогда (и, пожалуй, остается до сих пор) единственным лечебным учреждением, где основным лечебным фактором является соответствующая диета. Основной контингент лечащихся составляли больные с заболеваниями органов пищеварения и обмена веществ, но были и с болезнями сердечно - сосудистой системы, почек, ревматизмом. Клиника располагалась в малоприспособленном для лечебного учреждения старинном двухэтажном особняке с прилегающим к нему садом. Она была рассчитана всего на 135 коек и находилась тогда в Б. Николоворобьинском переулке, недалеко от улицы Солянка, вблизи реки Яуза. В полуподвальном помещении располагались

клиническая, биохимическая и экспериментальная лаборатории, во дворе – виварий, общежитие для медсестер, подсобные хозяйственные постройки. Хотя палаты в клинике были большие, на 8-16 человек, а удобства – минимальные (общие туалеты в коридоре, душ и ванна только в приемном отделении), она пользовалась большим уважением и нередко в ней лечились очень известные лица.

Вспоминаются среди пациентов художник Владимир Александрович Серов (зять знаменитого Валентина Александровича Серова, передвижника), впоследствии академик живописи и лауреат различных премий (он даже нарисовал мне ряд картинок в качестве иллюстрации к напечатанной на машинке детской сказке для дочери, а книги, в том числе детские, были тогда дефицитом); композитор Матвей Блантер, давший в клинике концерт для больных; народный артист СССР из МХАТа М.И. Прудкин; художник Николай Соколов – соавтор знаменитых карикатуристов того времени Кукрыниксов (Куприянов, Крылов, Ник. Соколов). Соколов нарисовал для нашей стенгазеты карикатуру "Человек-невидимка": видны только шляпа, больничный халат, тапочки и подпись "больной после противоязвенной диеты". Медикаменты, как правило, не назначались, а диетотерапия оказывала благоприятное влияние при самых различных заболеваниях. К тому же руководили отделениями опытные клиницисты, профессора и доценты, а на базе клиники располагалась кафедра гастроэнтерологии и диетотерапии ЦИУВ (Центрального института усовершенствования врачей), возглавлявшаяся также М.И. Певзнером. Шеф-повар клиники И.С. Лукасик по внешности и общей культуре напоминал профессора, всегда в белой рубашке и с галстуком, а приготовляемые на кухне блюда отличались не только диетическими свойствами, но и отличными вкусовыми качествами. Еще в тридцатые годы до создания Института питания М.И. Певзнером были разработаны 15 основных лечебных диет (столов). Затем появились различные их варианты, специализированные для отдельных заболеваний типа РОУ (режим с ограничением углеводов), Кемпнера и Хартсильвера при гипертонии, калиевая и магниевая (составленные из продуктов, богатых соответствующим элементом), противовоспалительная и ряд других. Тщательно учитывались химический состав диеты (белков, жиров, углеводов,

минеральных солей, витаминов), ее механические свойства (степень щажения и др.). Лечебный эффект каждой новой диеты детально изучался с помощью клинических, лабораторных и инструментальных методов. Мы, молодые врачи, научные сотрудники и ординаторы, сдавали даже теоретические зачеты (после ознакомления с работой кухни) по технологии приготовления различных блюд для больных. Зачеты принимала Л.М. Певзнер, автор соответствующего руководства, жена Мануила Исааковича. Во время дежурств мы снимали пробы почти с каждого блюда и расписывались в специальном журнале об их качестве и о разрешении выдавать больным. Это было в 1946-1948 годах, при дефиците продуктов и карточной системе, поэтому нам разрешали значительную часть проб уносить с собой домой. Моя 3-летняя дочь как-то даже высказала мысль, что я уйду на дежурства, чтобы принести ей пробы, т.е. лакомства. Других-то лакомств тогда вообще не было. К тому времени я начал проводить исследования на кроликах с изучением сосудосуживающих свойств сыворотки крови больных гипертонической болезнью до и после диетотерапии. После завершения серии опытов кроликов следовало умертвлять, т.к. они не годились для дальнейших опытов и не должны были занимать место в виварии. Иногда я приносил этих кроликов домой, жена с дочкой охотно ели кроличье мясо, но я до сих пор не могу его потреблять из-за психологической настроенности, вроде как бы каннибализм.

Основная моя работа в клинике заключалась в лечении находившихся в ней больных и изучении эффекта различных диет. Кроме учета динамики клинических симптомов болезни я исследовал влияние диеты на сосудосуживающие и иные свойства сыворотки больных в экспериментах на изолированном ухе кролика и на сердце лягушек, проводил опыты с экспериментальной гипертонией у кроликов и крыс. Результаты этих исследований публиковались в медицинских журналах, и предполагалось, что этот материал, по мнению моего руководителя проф. Л.Б. Берлина, послужит в дальнейшем основой будущей докторской диссертации. Но судьбе было угодно распорядиться иначе. В послевоенный период отмечалось резкое увеличение количества больных с гипертонией, эта болезнь приобрела как бы эпидемический характер. Я принимал участие в комплексной работе по выявлению частоты гипертонии у железнодорожников,

для чего мы проводили измерение давления непосредственно на вокзалах и в депо. Тогда меня поразило, что у мужчин может быть давление свыше 220/120 без каких либо жалоб.

В марте 1947 года я защитил кандидатскую диссертацию по проникающим ранениям грудной клетки. Во время защиты в 1-м Московском мединституте мне было задано множество вопросов, в том числе, кто же я по специальности – хирург или терапевт. Но в то время свежи были воспоминания о войне, когда почти все врачи были хирургами. Все же я получил 12 голосов «против», но в тот период на весь мединститут был один единственный Ученый совет по защите диссертаций, насчитывавший более 80 членов. В то время диссертации редко защищались единогласно, и моя работа вскоре была утверждена в ВАКе. Возвращаясь к воспоминаниям о своей лечебной работе, хотелось бы подчеркнуть, что среди наблюдавшихся в клинике больных были не только с обычными заболеваниями типа гипертонической или язвенной болезни, колитов, холециститов и гепатитов, но и рядом редких заболеваний, с которыми не приходилось встречаться в своей дальнейшей врачебной деятельности. Сюда относятся тяжелые формы туберкулеза кишечника (илеотифлиты и др.), резко выраженные энтериты с отеками и водянкой живота (типа алиментарной дистрофии – голодных отеков, но эндогенного происхождения), злокачественные формы гипертонии, когда уже в течение года или раньше развиваются тяжелые необратимые изменения в органах, приводящие к смерти больных. Вспоминается 28-летний больной Генкин, химик по профессии, один из авторов большой монографии об органических соединениях лекарственных препаратов. Он подарил мне эту книгу и я частенько в нее заглядывал. Генкин был очень симпатичным человеком и большим оптимистом. В то время не были еще известны причины злокачественного течения гипертонии, не было и эффективных методов лечения. Теперь такой больной мог бы долго жить, но Генкин погиб от инсульта, не дожив и до 30 лет. Запомнил я его еще и потому, что он просил меня проконсультировать его жену, очень страдавшую, по его словам, от хронического колита. Жена пережила его на полвека.

В палате я нередко проводил занятия с врачами – курсантами кафедры по методике обследования живота. Вспоминается несколько забавный случай. Один из больных, инженер по

профессии (Шиллингер), на животе которого я показывал путем ощупывания и давлением пальцем на отдельные участки и точки, симптомы различных заболеваний - язвы, холецистита, аппендицита и др., рассказал мне впоследствии следующее. У него заболела дочка, у которой возникли боли в животе. Пришедший из поликлиники врач ничего не обнаружил. Тогда инженер вспомнил о моих занятиях на его животе, и сам стал проверять различные симптомы, обнаружив при этом явные признаки аппендицита. Вызванный врач скорой помощи согласился с диагнозом отца, который подтвердился на операции. Вспомнился мне этот случай по контрасту с теперешними врачами, особенно в Германии, которые вообще не умеют или не хотят ощупывать живот, полагаясь целиком на лабораторные и инструментальные данные. Запомнилась мне также молодая больная, которая в детстве случайно отравилась уксусной кислотой. Вследствие ожога у нее возникло сужение пищевода и для сохранения жизни ей приходилось постоянно питаться только жидкой пищей, вводимой через резиновую трубку, один конец которой находился в желудке, а наружный конец был соединен с воронкой. Хирурги пытались восстановить нормальный прием пищи путем создания искусственного пищевода из тонкой кишки (по Ру-Герцену), но это никак не удавалось. Больная была оперирована более 20 (!) раз, но без успеха и при поступлении ко мне в палату вынуждена была принимать пищу только через дренажную трубку в животе. Несмотря на всю тяжесть своего состояния и перенесенные страдания, больная не теряла надежду на улучшение, улыбалась при обходе, интересовалась текущими событиями в стране, много читала и старалась и в домашних условиях быть полноценным человеком. Это подтверждает мнение, что не только " В здоровом теле – здоровый дух", но и, наоборот, при здоровом духе здорoveет и тело.

Хотелось бы вспомнить и учителей на первых этапах своей клинической работы.

М.И. Певзнер был невысокого роста, худощав, очень подвижен. При обходах за ним еле успевали врачи, хотя ему было тогда около 75 лет. До революции он учился в Германии, затем работал в терапевтических клиниках Московского университета, владел многими европейскими языками, являлся основателем диетологии и гастроэнтерологии в нашей стране. Впрочем, в те

времена терапевты были широкого профиля, а диссертация Мануила Исааковича, выполненная в клинике В.Д. Шервинского еще до революции, была посвящена септическим эндокардитам (воспаление сердечной оболочки). М.И. Певзнер был известен в Москве, как высококлассный специалист и имел, как многие видные врачи тогда, значительную частную практику, ибо многие больные обращались к нему за помощью. К нам, молодым врачам, он относился очень дружелюбно. В клинике он регулярно делал обходы в палатах, а иногда так называемые «обходы сидя», когда больных приводили в аудиторию, а он проводил детальный анализ особенностей течения болезни и ее лечения у этого пациента. Он учил умению выспрашивать больного, отделяя существенное и главное от второстепенного, ибо больные могут иногда очень долго рассказывать ненужные для диагноза и понимания причин болезни подробности и детали. Лекции он читал негромким голосом, без эмоциональных подъемов и пауз, как это практикуют опытные ораторы, но очень отчетливо и последовательно. Касаясь лечения демонстрируемого больного, он обосновывал необходимость той или иной диеты, лечебное влияние различных пищевых продуктов, важность не только пищевого рациона, но и режима питания, то есть частоты и количества принимаемой в один прием пищи. Певзнер был всегда уравновешенным, никогда не повышал голоса, а свои замечания делал тихим, спокойным голосом. С гордостью вспоминается мне теперь его поручение участвовать в разработке и оценке эффективности так называемой "магниевой диеты", то есть диеты, содержащей в своем составе продукты с большим количеством солей магния. Концентрация иона магния в сыворотке крови при употреблении этой диеты была выше, чем после инъекции раствора сернокислой магнезии, что было тогда общепринятым в лечении гипертонии и многих других болезней. Несмотря на перенесенный ранее инфаркт миокарда и периодически рецидивирующую язвенную болезнь, Певзнер продолжал активно работать до 80 лет, мог бы и дальше руководить клиникой Института питания и кафедрой в Институте усовершенствования врачей, если бы не обстоятельства, которые будут изложены ниже.

Заведовал отделением, где я работал, проф. **Л.Б. Берлин**, монография которого по хроническим колитам является, пожалуй, наилучшей до сего времени. Лев Борисович был пикнической

комплекции, немного полноват, доброжелательным, демократичным, эмоциональным и открытым по натуре человеком. Я многому от него научился как в клиническом плане, так и в методологии научной работы.

Ярким человеком в клинике был профессор **Осип Львович Гордон**, с которым я много контактировал не только во время работы в клинике в Москве, но и впоследствии, когда работал на курортах Кавминвод. Он был прекрасный педагог и клиницист-гастроэнтеролог, очень образованный и остроумный человек. Осип Львович отличался высоким ростом, был сутуловат, много курил и страдал язвенной болезнью. Голос его был несколько хриплым, с небольшим провинциальным акцентом, но когда он говорил и слушатель вникал в ход его мыслей, то забывались эти дефекты речи и с удовольствием и увлечением воспринимались рассуждения лектора или собеседника. Одна из ординаторов специально записывала его высказывания или шутки по тому или иному поводу, а также нередко приводимые им анекдоты или притчи, случаи из собственной врачебной практики. К сожалению, я забыл большинство его высказываний, которые были уместны к конкретным обстоятельствам, но помнится, что когда его после операции в связи с опухолью в животе, спросили, не боялся ли он умереть во время операции, он с присущим ему юмором сказал: "Я знал, что не умру, Тамара (его жена) еще не закончила мое воспитание". Когда я как-то посетовал, что моя жена в спорных ситуациях всегда считает себя правой, не терпит никаких возражений и т.п., он ответил: "Что же Вы хотите, это вполне нормально для жены". Тем самым он воспитал во мне большую терпимость в дальнейшей семейной жизни. Однажды Осип Львович заметил, что евреев в мире в процентном отношении очень немного, но в каждом конкретном событии или встрече их оказывается слишком много. Когда Осипу Львовичу во время поздравления в связи с его 60-летием, сотрудники санатория в Железноводске, где он тогда отдыхал, пожелали долгих лет жизни, он поблагодарил и сказал: "Я уже много прожил, мне бы хоть еще немного пожить". Присутствующие знали, что он перенес тяжелую операцию и что у него еще несовершеннолетняя дочь, которую он очень любил. Искренние, чуть ли не со слезами, слова Осипа Львовича остались в душе на всю жизнь. К сожалению, ему суждено было прожить еще всего несколько месяцев; он скончался

вскоре от кровотечения из сосудистой опухоли в животе, которую сам впервые диагностировал у себя около года назад.

О **Леониде Федоровиче Лимчере** я упоминал ранее. В клинике он заведовал сердечно-сосудистым отделением, считался наиболее опытным врачом широкого профиля. Нечасто, но иногда я посещал его консультации больных в поликлиниках Москвы. Его опыт врача-клинициста помог мне в дальнейшей самостоятельной работе. В последние годы жизни он страдал тяжелой стенокардией и внезапно скончался от инфаркта миокарда, примерно, в 70-летнем возрасте.

Самуил Моисеевич Лейтес был известным патофизиологом, заведовал кафедрой в Центральном институте усовершенствования врачей (ЦИУВ), а до того руководил экспериментальной лабораторией в клинике лечебного питания. Он отличался умением четко, ясно и кратко излагать свои мысли, а мы старались научиться этому мастерству. Ему я обязан навыками научного мышления, умению оформлять научные статьи и доклады. Монография С.М. Лейтеса о липоидно-жировом обмене является классической, в ней он детально анализирует механизм образования желчных камней и развития атеросклероза сосудов. Самуил Моисеевич был всегда доброжелательным, уравновешенным, несколько медлительным и немногословным. Позднее он был моим оппонентом по докторской диссертации и заранее сообщил мне о ее недочетах, тем самым очень помог мне. С.М. Лейтес скончался в расцвете творческих сил скоропостижно, от гриппа, осложнившегося острой сердечной недостаточностью. Добрая память о нем, как и о других своих учителях, сохранилась на всю жизнь.

Нет возможности даже упомянуть о своих коллегах – научных сотрудниках, с которыми мне пришлось работать в клинике и которые в большинстве своем в дальнейшем также стали профессорами (Парамонова Э.Г., Беюл Е.А., Исаев П.Л., Маркова Г.Ф. и многие другие). Хотелось бы только подчеркнуть, что коллектив в клинике в то время был работоспособным, дружным, доброжелательным друг к другу, что встречается не всегда и не везде.

Для примера вспомню **С.М. Бременера**, который работу в клинике в качестве ст. научного сотрудника совмещал с консультациями в Московском театре оперетты. Он часто давал

нам возможность посещать спектакли в роли дежурного врача. Тогда мне с женой удалось просмотреть все спектакли, сидя на лучших местах, лично познакомиться со многими артистами этого известного театра. Посещение в те годы театра оперетты привило мне любовь к этому виду искусства. Теперь, спустя более полувека, когда есть возможность смотреть видеофильмы, сидя дома в кресле, невольно вспоминаются те молодые годы. Недавно смотрел я «Принцессу цирка» или «Мистер X» в ленинградской постановке. На афише там даже не указано участие в спектакле Г.Я. Ярона (в роли Пеликана), его отнесли к «и др.». А в мое время Г.Я. Яроп был очень популярным, его называли великим актером, он был главным режиссером Московского театра оперетты, а на его спектакли невозможно было достать билеты. То, что спустя годы его отнесли к «и др.», лишний раз говорит о бренности всего существующего, о том, что слава преходяща и, следовательно, не надо обижаться на многих забывших меня учеников.

Запомнился мне еще один бывший сотрудник клиники – вахтер Николай. Как-то он обратился ко мне в связи с каким-то недомоганием и очень жаловался на свою нервную, вредную работу. В его обязанности входило не пропускать приносимые посетителями продукты для больных. Передача продуктов запрещалась, т.к. это могло изменить влияние той или иной изучавшейся диеты. Николай относился к своей работе добросовестно и стремился не допустить пронос продуктов. Другому вахтеру, его сменщику, как рассказывали мне, посетители моих больных сунут в карман 3 руб. и он свободно пропускал любую передачу и не считал свою работу нервной или вредной. Это воспоминание говорит о том, что многое зависит от субъективного отношения человека, его эмоциональности и чувства долга.

Весной 1948 года было распоряжение из АМН выделить врача для командировки в Молдавию на борьбу с эпидемией малярии. Вначале М.И. Певзнер предложил поехать О.С. Радбилю, который был моего возраста, но не имел жены и ребенка. Тот отказался, сославшись на нездоровье. Тогда было предложено поехать мне, и я сразу же согласился, т.к. не считал возможным отказываться и не уважить просьбу руководителя клиники, а это была именно просьба, а не приказ.

Я работал в районной больнице в Фалештском районе, недалеко от г. Бельцы, проводил лечение больных и профилактику малярии, знакомился с сельским здравоохранением. Как-то я обследовал двух стариков 104 и 102 лет. Оба они работали активно в своем огороде, носили коромысла с двумя ведрами воды для полива. У обоих было в норме кровяное давление и другие показатели здоровья. Когда я спросил, были ли у них какие-либо болезни в прошлом, грипп или ангина, оба ответили отрицательно. "А ранения в Первую Мировую войну не было ли?" - спросил я. Один из них ответил: "Легкое было в Крымскую войну". Эти наблюдения лишней раз подтверждают, что даже относительно невинные заболевания на почве простуды укорачивают человеческую жизнь и не позволяют дожить до естественного столетнего возраста.

Срок моей командировки был два месяца, но затем ко мне приехали жена с дочерью, так что мы пробыли в селе все лето, то есть, более 4-х месяцев. В дополнение к основной работе, я провел наблюдения в отношении диагностики малярии при помощи реакции Гайема и эпидемиологии гипертонической болезни в сельской и городской местностях Молдавии. В этой республике до того был сильный голод, подобно голоду в блокадном во время войны Ленинграде, но без имевшегося там нервно-психического стресса. Поэтому важно было сравнить роль в развитии гипертонии только голода или голода в сочетании с нервным фактором. Оказалось, что только голод не вызывает в дальнейшем учащение развития гипертонии. Обе эти работы были в дальнейшем опубликованы в журналах.

После моего возвращения в Москву Певзнер стал меня больше уважать и пригласил как-то на обед к себе домой. Позднее он поручил мне проверить и уточнить библиографический указатель к его монографии по лечебному питанию. Я охотно согласился выполнить эту работу и посчитал это проявлением доверия ко мне.

Работа в Центральной медицинской библиотеке была и для меня полезным занятием. После завершения работы Мануил Исаакович попросил меня принять, как награду, 400 руб. Это было кстати, и я тут же купил себе зимнюю шапку, так как наступили холода.

По рекомендации О.П.Молчановой, директора Института питания АМН СССР, я написал две брошюры о лечебном питании при гипертонической болезни, которые были опубликованы в разных издательствах. Приходилось мне также часто выступать с

популярными лекциями о диетпитании в различных коллективах и парках культуры по линии Всесоюзного общества "Знание". Как-то выступал я в парке в Сокольниках и с удивлением заметил, что народу становится в аудитории все больше и больше. Это меня очень вдохновило, и я стал с еще большим энтузиазмом рассказывать о правильном питании, о роли витаминов и различных минеральных веществ. Вдруг организатор лекции машет мне из-за кулис, что, мол, пора заканчивать. Оказывается, что по радио в парке сообщили, что в той же аудитории, где я читал лекцию, состоится концерт, на который приглашаются все желающие. Этим объяснялось, как я потом понял, прибытие большого количества людей, а отнюдь не высокое качество моей лекции.

Аналогичный случай был у меня несколько лет спустя в нарзанной галерее курорта Кисловодск. Я должен был читать лекцию для врачей о липотропных факторах и очень удивился, что при входе толпится множество людей, стремящихся проникнуть внутрь. Неужели, подумал я, столько людей желает узнать о лечебном действии липотропных факторов. Оказалось, что основная масса толпившихся лиц стремилась в большой зал на соревнования по боксу, а для слушателей лекции была выделена небольшая комната, но вход в оба помещения был один.

Мораль обоих рассказов: никогда не следует переоценивать собственных заслуг. Я никак не могу похвастаться ораторским мастерством и люблю больше излагать свои мысли письменно, чем устно.

Работать в клинике мне было интересно, проводимые исследования увлекали меня, и казалось, что открываются широкие перспективы для будущего. Однако жизнь повернулась иначе, и из Москвы мне вскоре пришлось уехать навсегда.

О «лысенковщине» и «нервизме»

Требование единодушия в политическом управлении страной нашли себе продолжение и в других сферах общественной жизни – в искусстве и в науке. В отношении первого это проявилось в осуждении формализма музыки Шостаковича, Мурадели и других композиторов, песенного творчества Марка Бернеса («не пение, а шептание» – из отзывов в газетах того времени), а также ряда

писателей. Осуждались всякие признаки, как позднее стали выражаться, инакомыслия, тогда называли извращением искусства, формализмом, проявлением чуждой идеологии.

В биологической науке стало насаждаться так называемое мичуринское направление и осуждение генетики как науки в целом. Академик Т.Д. Лысенко, пользовавшийся поддержкой Сталина, а следовательно, и всего руководства страны, объявил генетику лженаукой, а законы Менделя и Моргана вредными и идеалистическими. Он отрицал учение Дарвина о внутривидовой борьбе, проповедовал ведущую роль внешней среды во всех биологических процессах.

Лысенко громогласно обещал с помощью своих методов добиться небывалых урожаев на колхозных полях, и это создавало ему широкую рекламу. После сессии ВАСХНИЛ (Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени Ленина) началось преследование ученых, не согласных с мнением Лысенко. Их лишали работы, изгоняли с кафедр учебных заведений и из научных институтов. Статьи и книги этих ученых перестали издавать, а в школах и мединститутах перестали преподавать генетику.

Во всех учреждениях медико-биологического профиля проводились конференции и лекции с осуждением менделизма-морганизма и пропагандой передового мичуринско - лысенковского метода в биологии. Об этом же широко сообщали средства массовой информации. Сам Иван Владимирович Мичурин не может, конечно, нести ответственности за последовавшие после его смерти извращения его достижений в селекции, в полезной практической деятельности. Объявивший же себя последователем и продолжателем дела Мичурина, Лысенко нанес значительный вред советской науке и задержал развитие отечественной генетики на 10-15 лет.

Кроме того, многих ученых, не угодных Лысенко и его окружению, не только подвергали научной дискриминации, увольняли с работы, но нередко репрессировали, арестовывали и ссылали. Лишь только после осуждения культа личности Сталина в 1954 году, было разоблачено и псевдонаучное учение, получившее название «лысенковщина», и возродилась отечественная генетика.

Преследование инакомыслящих в биологии послужило примером для подражания и «наведения порядка» и в медицине.

В 1949 году состоялась объединенная сессия АН и АМН СССР, объявившая единственно достойным научным направлением дальнейшее развитие идей И.П. Павлова о ведущей роли нервной системы во всех физиологических и патологических процессах в организме. Теория нервизма искусственно отрывалась от других механизмов регуляции жизнедеятельности, и тем самым умышленно извращалось учение Павлова. Сам Иван Петрович был великим ученым-естествоиспытателем, и он отнюдь не отрицал роли других регулирующих систем, в частности гормонов, и убедительно показал их значение в отделении желудочного сока. Он сосредоточил свои усилия на изучении роли нервной системы и был бы возмущен извращением его представлений.

Но вся эта вакханалия с учением И.П. Павлова началась спустя более 10 лет после его кончины и имела, по-видимому, целью подвести идеологическую базу, обоснование проводимых репрессий. Врачи и научные сотрудники должны были изучать труды И.П. Павлова, как когда-то Библию, а в послереволюционное время – труды Ленина и Сталина или историю КПСС. Мне тоже пришлось тогда не только изучать, но и выступать с докладами о научном значении трудов И.П. Павлова. Недавно, в связи со 150-летием со дня рождения ученого (родился 27 сентября 1849 года) я с удовольствием написал статьи о научном значении его классических физиологических исследований для клинической медицины и гастроэнтерологии, ибо впоследствии наступила другая крайность и о заслугах И.П. Павлова стали забывать.

Пропаганда нервизма не ограничивалась чисто теоретическими спорами. Были запрещены не только генетика в медицине, но и изучение местных патологических процессов, клеточных и молекулярных нарушений в организме. Академик К.М. Быков и другие физиологи, объявившие себя единственно правомочными продолжать развитие учения И.П. Павлова, преследовали лично или через печать, партийно-государственные органы, или позднее уже через НКВД, всех, с ними не согласных или не угодных, так называемых «антипавловцев». Ярлык «антипавловца» служил идеологическим оправданием репрессивных мероприятий, что совпало с официальной антисемитской пропагандой. Труды «антипавловцев» перестали печатать, научные исследования вне теории нервизма прекращались, многих ученых лишали работы и подвергали репрессиям.

Все отмеченные выше обстоятельства не могли не отразиться на работе клиники лечебного питания. Состав пищи, процесс пищеварения оказывают свое воздействие преимущественно через местные и гуморальные факторы (изменение состава крови и других жидкостей). Направление моих личных исследований не вполне укладывалось в представление о ведущей роли нервной системы. Впрочем, я несколько модифицировал свои работы, став изучать свойства крови больных гипертонической и язвенной болезнями после назначения кофеина для возбуждения коры головного мозга и ее торможения бромом. Это уже соответствовало павловскому направлению, т.к. изучалась роль нервной системы при различных заболеваниях.

В клинике участились посещения различных комиссий, проверявших научные работы сотрудников и другие аспекты ее деятельности. Дело доходило иногда до курьезов. Например, на основании многолетних исследований в клинике было установлено, что ограничение углеводов уменьшает сенсibilизацию организма и клинические проявления аллергии. Так, при назначении диеты РОУ (режим с ограничением углеводов) уменьшаются симптомы острого ревматизма (боли, отек, покраснение суставов), а нагрузка углеводами, наоборот, способствует рецидиву воспалительного процесса. Комиссия детально анализировала каждую историю болезни. Не у всех больных лечение всегда оказывает один и тот же эффект. Иногда обнаруживалось, что диета РОУ не оказывала благоприятного эффекта у того или иного больного – тогда комиссия делала заключение, что имеет место фальсификация научных данных. В других случаях нагрузка углеводами (сахаром и др.) приводила к обострению болезни, и тогда комиссия записывала, что имеется явное вредительство. В том и другом случае приводились фамилии больных, номер истории болезни, т.е. создавалась видимость как бы объективного заключения на основании якобы фактических данных. Все это происходило на фоне антиеврейской кампании в стране и «дела врачей», что заслуживает отдельного изложения.

Дело врачей

Еще задолго до антиеврейской пропаганды и так называемого «дела врачей» в стране начались различные ограничения для лиц еврейской национальности. Во время войны это еще мало

чувствовалось, особенно на фронте. Как я описывал в начале этой главы, уже в 1946 г. на своем личном опыте я почувствовал наличие дискриминации. Впоследствии выяснилось, что еще осенью 1944 г., когда шла кровопролитная война с гитлеровскими армиями, Сталин созвал в Кремле расширенное совещание руководителей различных рангов, на котором дал директиву ограничивать назначение евреев на основные посты партийных и государственных органов. Затем последовал подписанный Г.М. Маленковым циркуляр с перечислением должностей, на которые не рекомендовалось назначение лиц еврейской национальности. В январе 1948 г. по личному указанию Сталина, совершают убийство под видом автокатастрофы С.М. Михоэлса, прекрасного актера, видного общественного деятеля, председателя антифашистского еврейского комитета (АЕК). Сталин и раньше организовывал убийства неугодных ему лиц, на послушание которых он не мог рассчитывать. Достаточно вспомнить ликвидацию по приказу Сталина в том или ином варианте В.М. Бехтерева (1927), С.М. Кирова (1934), Г.К. Орджоникидзе (1937), П.А. Алилуева (1938), В.В. Куйбышева (1938), что сейчас убедительно доказано с помощью различных материалов и свидетельских показаний.

Мне пришлось пережить в Москве лишь начальный период подготовки к еврейской депортации. По-видимому, это событие должно было развиваться по той же схеме, что и предыдущие политические репрессии. Эта схема заключалась в следующем: идеологическая подготовка населения после организации провокации, фальсификация документов и создание образов врагов, убийства мешающих следствию лиц, аресты, истязания подследственных для получения от них признания «своей вины», проведение открытого или закрытого судебного процесса для придания видимости справедливости, затем казни и массовый террор. Подобный сценарий был присущ «криминальному почерку» Сталина еще в довоенный период для уничтожения старых большевиков, военачальников и всех инакомыслящих.

Доказано, что именно от Сталина всегда исходили идеи и директивы о массовых репрессиях и геноциде народов, населяющих СССР, а остальные высокие деятели были лишь раболепными исполнителями его воли.

Многие документальные доказательства намечавшихся геноцида и депортации евреев в 1948-1953 гг. приведены в книгах Ф.М. Лясса, Я.Л. Рапопорта и многих других.

Федор Миронович Лясс, мой двоюродный брат, прекрасно описал тогдашние события не только по документальным данным, но и по личному опыту, ибо была репрессирована его мать (моя двоюродная тетя Женя), Евгения Федоровна Лифшиц, работавшая педиатром в Кремлевской больнице, а также многие друзья и знакомые.

По своим воспоминаниям о событиях того времени, я также написал статью, опубликованную в 1998 году в газете, основные положения которой я привожу ниже.

Личное распоряжение Сталина о ликвидации С.М. Михоэлса подтвердили в своих показаниях бывший министр МГБ Абакумов, министр Госбезопасности Белоруссии, а также опубликованные воспоминания Светланы Аллилуевой, дочери Сталина.

Следующим этапом развязанной антиеврейской кампании был запрет деятельности АЕК и арест его членов в 1948-1949 гг. главного врача Боткинской больницы в Москве Б.А. Шлиомовича; поэтов и писателей Переца Маркиша, Льва Квитко, Д. Бергельсона, произведения которых были широко известны в то время читателям; народного артиста СССР В.Л. Зускина; видного партийного и государственного деятеля С.А. Лозовского и многих других.

В годы войны члены АЕК собрали в Америке, Великобритании, Канаде, Мексике и других странах миллионы долларов и другой помощи на борьбу с фашизмом, а арестованным предъявили абсурдные обвинения в шпионаже и намерениях убить Сталина, свергнуть советскую власть, создать в Крыму плацдарм для нападения на СССР западных стран и США. Хотя абсурдность обвинений была совершенно ясна для каждого здравомыслящего человека, арест членов АЕК послужил поводом для широкой антиеврейской пропаганды в печати и по радио. Затем начались аресты евреев, никогда не имевших никакого отношения к деятельности АЕК.

Для Сталина важно было в тот период развязать террор, вновь посеять страх среди людей, уничтожить еврейский народ. Чтобы вынудить арестованных признать свою «вину» и создать условия для проведения открытого судебного процесса над очередными

«врагами народа и изменниками родины», применялись жесточайшие меры физического и морального воздействия. Если в прошлые, довоенные годы на подготовку подобных процессов уходило 3-6 месяцев, то с членами АЕК дело затормозилось.

Несмотря на жестокие пытки, изнурительные допросы, лишение сна, помещение в психбольницы со спецрежимом, следствие не могло выбить (в буквальном смысле слова) нужные для открытого политического процесса сведения. Подследственных нередко избивали до такой степени, что они не в состоянии были прийти на допрос и их доставляли туда на носилках (из показаний бывшего замминистра МГБ Рюмина). Если в предыдущих политических процессах Сталина следствию удавалось добиться самопризнания «вины» арестованных, то в деле АЕК произошла осечка. Эта группа интеллигентов не пошла на самооговор и не поддавалась угрозам или увещаниям следственных работников, оказала сопротивление своим преследователям. Тогда в мае 1952 года был проведен закрытый судебный процесс, результаты которого нетрудно было предвидеть, – почти все невинно осужденные были расстреляны. Но Сталин был не удовлетворен, ибо не было формального повода для массового террора, и тогда возникло так называемое «дело врачей-вредителей». Первыми жертвами стали врачи Кремлевской больницы в Москве и консультировавшие в ней профессора. 13 января 1953 года было опубликовано сообщение ТАСС об аресте врачей-вредителей, а затем последовала погромная статья в «Правде» об «убийцах в белых халатах, подлых шпионах, изменниках родины» и т.п.

Затем в антисемитскую кампанию активно включились все средства массовой информации, а в сознание обывателей все больше внедрялась мысль, что все евреи враги народа, безродные космополиты и виновны во всех бедах.

Еще за 2-3 года до «дела врачей» евреев почти перестали принимать в учебные, лечебные и научные учреждения, не только на руководящие должности, но и рядовыми врачами, учителями, инженерами или служащими. После же опубликования сообщения ТАСС и ареста ведущих ученых-медиков, преимущественно еврейской национальности, начались массовые увольнения с работы, организовывались (по указанию партийных органов) митинги с осуждением «подлых убийц и шпионов», с одобрением мудрой деятельности коммунистической партии, правительства и

лично тов. Сталина. Большинство выступавших на митингах не имели представления о характере «преступной деятельности» арестованных врачей, а слепо верили статьям в газетах, выступлениям по радио и телевидению, выполняя данные им директивы. Пышно расцвел бытовой антисемитизм на улицах, в транспорте, в школах и учреждениях.

Среди первых арестованных врачей был Мирон Семенович Вовси, бывший в годы войны Главным терапевтом Советской Армии, зав. кафедрой терапии Центрального института усовершенствования врачей. Среди арестованных оказались почти все ведущие ученые-медики еврейской национальности Москвы, Ленинграда, Киева и многих других городов. Всех их обвиняли в неправильном лечении руководителей страны или местного начальства, в шпионской деятельности, в агентуре международной благотворительной организации «Джойнт». Посыпались обвинения в убийстве или отравлении умерших ранее от различных болезней А.А. Жданова, А.М. Горького, В.В. Куйбышева и других видных деятелей. Среди арестованных были врачи разных специальностей, совершенно не имевших отношения к лечению начальства, лишь бы они были евреи и даже полуевреи.

Из наиболее крупных ученых мне хотелось бы вспомнить Я.Г. Эттингера, братьев Б.Б. и М.Б. Коган, В.Е. и С.Е. Незлиных, А.М. Гринштейна, Я.Б. Тёмкина, Л.Б. Берлина, Я.Л. Рапопорта, которых я знал лично, а также многих других. Обвинения нередко носили совершенно абсурдный характер, вроде отравления большими дозами камфары (с медицинской точки зрения это вообще невозможно). Главным обличителем явилась врач – агент МГБ, некая Лидия Тимашук, работавшая в Кремлевской больнице и награжденная за свой «подвиг» орденом Ленина (впоследствии ее лишили этой награды). Объективности ради нужно отметить, что в этот период в число «врачей-вредителей» попали и несколько видных и неугодных русских профессоров, в их числе В.Н. Виноградов (бывший личный врач Сталина), П.И. Егоров (в годы войны Главный терапевт Западного фронта, начальник лечебно - санитарного управления Кремлевской больницы), В.Х. Василенко (зав. кафедрой терапии 1-го Московского мединститута. консультировавший в Кремлевской больнице). Вероятно, Сталину было недостаточно навести страх только среди еврейского населения страны; ему был нужен всеобщий страх в народе,

который порождает худшие человеческие качества: угодничество, доносительство, ложь, лицемерие.

Существует и более простое объяснение, почему в эту антиеврейскую кампанию попали русские профессора. Как мне рассказывал впоследствии сын В.Н. Виноградова – Владимир, с которым я учился вместе и был дружен, нередко посещал его дома, что Владимир Никитич в качестве лечащего врача сказал Сталину, что, учитывая его состояние здоровья (гипертония, атеросклероз), ему следовало бы ограничить рабочую нагрузку. Так обычно рекомендуют врачи подобным пациентам. Но это могло не понравиться диктатору со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вслед за врачами последовали увольнения с работы и аресты ученых других специальностей, руководителей учреждений, видных инженеров и хозяйственных работников, педагогов, в основном еврейской национальности. Арестованных подвергали жесточайшим истязаниям, лишали сна, избивали до полусмерти и с помощью пыток стремились добиться признания «своей вины». Многие заключенные мужественно отрицали все предъявляемые им обвинения, несмотря на тяжкие истязания.

А один очень известный профессор, как мне рассказывал очевидец тех событий, говорил допрашивавшим его следователям: «Я старый человек, я скоро сам умру, не бейте меня. Я готов подписаться, что я американский, английский, японский или какой вам еще нужен шпион, только не мучайте меня, дайте возможность сразу умереть». Кто может осуждать профессора за эти слова? После освобождения этот профессор вернулся на свою работу заведующего клиникой, но года через два умер, как и большинство бывших заключенных.

Н.С. Хрущев в докладе XX съезду КПСС 25 февраля 1956 года о культе личности указывал, что Сталин лично давал директивы, как вести дела арестованных врачей и иных лиц по этому делу. Бывшему министру госбезопасности он прямо пригрозил снятием головы, если тот не добьется признания врачей. Сталин сам инструктировал следователей, в том числе с рекомендацией жестких мер, битья и битья. Хрущев говорил далее: «Как можно получить от человека признания вины, которой он не совершал? Только путем физических и моральных истязаний, лишения человеческого достоинства». И далее он сообщил, что профессоров

должны были публично казнить путем повешения на центральных площадях Москвы. Сталину казалось, что суд над «врачами-отравителями» недопустимо затягивается; он требовал ускорения делопроизводства, привлечения все новых следователей из-за медлительности «скрипучей телеги следствия» (его личное выражение).

По плану Сталина открытый судебный процесс должен был начаться 5-7 марта, а казнь состояться 11-12 марта 1953 года. Затем по его режиссуре должны были быть организованы массовые погромы и якобы для спасения от «справедливого гнева народа» высылка всех евреев в Сибирь и другие отдаленные места. По распоряжению Сталина была создана специальная комиссия во главе с М.А. Суловым по депортации евреев. Начались аресты жен подсудимых, а нередко и их детей и родственников. Как и раньше в подобных случаях, для придания видимости справедливости действий советской власти было подготовлено соответствующее письмо-обращение к Сталину от имени видных еврейских деятелей с просьбой переселить евреев, ради их же безопасности, в Биробиджан, Сибирь или Казахстан. Однако наиболее порядочные из общественных деятелей мужественно отказались угождать властям в этой провокации. Среди отказавшихся подписать подготовленное обращение были писатели В. Каверин и И. Эренбург, народный артист СССР М. Рейзен, бывший министр Я. Рейзен, видные академики Е. Варга, И. Трахтенберг, А. Ерусалимский (цит. по Ф. Лясу).

Документы свидетельствуют, что по всей стране были составлены списки всех евреев, подлежащих депортации. На запасных путях вокзалов были подготовлены товарные вагоны для высылаемых, а в Сибири были построены для них бараки по типу концлагерей. По опыту депортации других народов, предполагалось, что 30-40% высылаемых погибнут в пути и мест в бараках потребуется меньше, чем живых людей в составленных списках. Таким путем один маньяк-деспот Сталин хотел завершить дело другого деспота Гитлера по «окончательному решению еврейского вопроса».

Некоторые историки склонны отрицать готовящуюся депортацию евреев на том основании, что не найдено письменное распоряжение в этом отношении. Но это все равно, что отрицать холокост, как это пытаются пропагандировать некоторые немецкие

псевдоисторики. Я сам от разных лиц, как в Москве, так позднее и на Кавминводах слышал о подготовленных для депортации евреев поездах. Как известно, судьба распорядилась иначе, и свершилось чудо.

2 марта 1953 года у Станина произошел инсульт со смертельным исходом. Через месяц после смерти Сталина всех арестованных по этому сплошь фальсифицированному «делу врачей» оправдали и выпустили на свободу, кроме, увы, умерших в заключении.

В клинике лечебного питания гонения на евреев начались, примерно, с 1950-1951 годов, то есть, до официального объявления о «врачах-убийцах».

Вначале имели место преимущественно идеологические воздействия, обвинения в низкопоклонстве перед Западом, что, впрочем, было тогда повсеместно. Помнится, как на одном из партсобраний упрекали Певзнера и Лейтеса (оба они были беспартийные) за то, что у них много работ опубликовано за рубежом. Тогда это считалось не заслугой для людей науки, а чем-то недостойным советского человека. Существовало негласное правило, что в диссертациях, книгах, статьях ссылки на иностранных авторов не должны превышать 30% от общего количества цитируемых, иначе это расценивалось как низкопоклонство. Научным сотрудникам не выдавали в ГЦМБ (Государственная центральная медицинская библиотека) иностранные книги или журналы, вероятно, чтобы не воспитывались в духе преклонения перед Западом. Пользоваться иностранной литературой разрешалось только профессорам и докторам наук.

Вспоминается, как проф. Берлин специально просил знакомую сотрудницу ГЦМБ о выдаче мне иностранной литературы по интересовавшей меня проблеме патогенеза гипертонической болезни. Тогда же было введено правило оформления актов экспертизы на каждую публикацию с подтверждением отсутствия в направляемой в печать статье секретных материалов. Данная директива касалась всех публикуемых работ и сохранялась около 40 лет, вплоть до перестройки. В отношении работавших в клинике сотрудников еврейской национальности или подозреваемых в этом вскоре начались и организационные выводы. Лиц старшего возраста отправляли на пенсию. Трех более молодых мужчин, научных сотрудников (Бременера, Радбиля и меня), направили на

работу на периферию. В этом была заслуга П.С. Катаева, бывшего ученика Певзнера, а затем ответственного работника Курортного управления РСФСР (тогда курорты относились не к профсоюзам, как позднее, а к системе здравоохранения). Л.Ф. Лимчеру потребовалось доказывать, что он не еврей, происходит от российских немцев. Как мне рассказывала позднее Ксения Михайловна Лорие, высокая голубоглазая блондинка, ее специально вызывали для объяснения столь странной, нетипичной фамилии. Она была невесткой известного профессора Ивана Федоровича Лорие, предки которого крестились еще до революции. Одна из сотрудниц или ее родители сумели скрыть свое еврейское происхождение, став украинцами. Из многих сотрудников клиники с «врожденным пороком» осталась работать только Эдит Георгиевна Парамонова (урожденная Арисон). Вероятно, ее спасла от увольнения вполне православная фамилия покойного мужа.

Сам М.И.Певзнер скоропостижно скончался от инфаркта после известия о закрытии руководимой им кафедры в ЦИУ. Можно считать, что ему в какой-то степени повезло, так как его имя тоже фигурировало в «деле врачей». Он умер в возрасте 80 лет, не узнав о своем якобы участии в убийствах партийных деятелей. Вскоре после прошедшей почти незаметно кончины Певзнера были арестованы профессора Л.Б. Берлин, Г.Л. Левин и ряд других сотрудников клиники и кафедры.

К этому времени я уже был на Кавказе, где среди многонационального населения меньше чувствовалась антиеврейская политика центральных властей. Арестованные в конце 1952 года сотрудники клиники находились в заключении относительно недолго, но и это, по-видимому, очень отрицательно сказалось на их здоровье. Почти все из арестованных врачей вследствие пыток и психотравм очень скоро скончались уже на свободе от различных заболеваний и перенесенных травм. Когда после освобождения главный обвиняемый, «глава банды» Мирон Семенович Вовси выступал в Московском терапевтическом обществе или на других конференциях, его встречали аплодисментами, чему я был сам свидетель.

Вернулся, чуть ли не в день освобождения, в свою клинику В.Н. Виноградов.

Моя тетя Женя после реабилитации уже не вернулась в Кремлевскую больницу и вскоре тоже умерла. О ее страданиях во

время заключения подробно написал сын Федор Миронович Лясс в своей прекрасно написанной, документальной книге. Это была эпоха, как тогда остряли, «позднего реабилитанса» (по созвучию с эпохой позднего Ренессанса). Все течет, все изменяется, как учит философия. Кто мог бы себе представить в описываемое время, что через полвека организации типа «Джойнт», «Сохнут» будут открыто отмечать еврейские праздники, делать евреям при синагогах подарки, оплачивать дорогостоящие лекарства или очки, оказывать другую благотворительную помощь. Разве можно было предположить, что сам президент России В.В. Путин будет лично приветствовать открытие еврейского культурного центра в Марьиной Роще в Москве, чему я сам был свидетель в 2000 году.

Невероятным бы показалось, что на встрече ветеранов 2-й гвардейской танковой Армии в Саду им. Баумана оркестр наряду с другими мелодиями будет исполнять еврейские народные песни. Кто мог бы предположить в 1950-1953 гг., что евреи смогут свободно выезжать из страны не только в Израиль, но и в любую страну мира, а остряки перефразируют слова из «12 стульев» об автомобиле, что евреи не роскошь, а средство передвижения.

Говорят, что люди покупают поддельный паспорт с национальностью еврей (ка) в пятой графе за 5 тыс. долларов. Воистину, пути Господни неисповедимы!

Как я уже упоминал, еще до «дела врачей», но в разгар антиеврейской кампании в 1951 г. П.С. Катаев предложил мне перевестись «добровольно» на работу в Пятигорский бальнеологический институт на должность старшего научного сотрудника.

Со стороны Петра Спиридоновича это был, пожалуй, благородный жест. Добрые отношения с ним у меня сохранились надолго. В сложившейся в стране обстановке у меня и не было, по существу, иного выбора. Мое решение об отъезде одобрили мои руководители Певзнер и Берлин, с которыми я счел нужным предварительно посоветоваться. Жена тоже сочла отъезд целесообразным, учитывая не только общую ситуацию, но и наши стесненные жилищные условия и отсутствие в то время перспективы на их улучшение.

В это время, в январе 1951 года у нас родился сын Володя и мы впятером жили в одной проходной комнате. Рождение сына было, с одной стороны, большой радостью и гордостью в связи с

продолжением рода, хоть и не царствующей фамилии, но все же. Дальнейшая жизнь показала, что это было своевременным и счастливым событием в нашей жизни. Но, с другой стороны, рождение ребенка в тех условиях было делом рискованным и ответственным. Можно считать, что мне все же повезло в связи с отъездом из Москвы в порядке перевода летом 1951 года. В последующие годы, как отмечалось, всех евреев из клиники просто увольняли. Вернуться на старое место в клинику, даже после ликвидации «дела врачей», уже никому из уехавших или уволенных не удалось.

Я уехал из Москвы с одним чемоданом. Первое время жил в кабинете или свободной палате эссентукской клиники, но уже к новому, 1952 году я получил на всю семью трехкомнатную квартиру в доме Курортного управления. Квартира показалась мне после московского жилья роскошной, хотя и с печным отоплением. Она находилась на 2-м этаже, а с балкона в хорошую погоду можно было видеть снежные шапки – вершины двуглавого Эльбруса. Ближе к весне жена прислала мне обоих детей вместе с няней, так как найти на месте няню не удавалось (при желании легче было найти жену, но не няню для детей). Маленький Вова, которому исполнился год и два месяца, частенько побаливал, но все же общими усилиями мы справлялись с хозяйством и уходом за детьми. Мирра оставалась в Москве заканчивать и защищать диссертацию, работая по-прежнему ассистентом на кафедре нормальной анатомии 1-го Московского мединститута. Еще до отъезда моя мама как-то пожаловалась тете Жене, что я много времени уделяю оформлению диссертации Мирры, помогаю ей в составлении обзора литературы и во многом другом. На это тетя Женя резонно заметила, что очень хорошо, что он помогает своей жене, а не чужой. Осенью Мирра, после некоторых колебаний и сомнений, приехала ко мне в Ессентуки, предварительно сдав (без всякой компенсации) нашу 20-метровую комнату в домоуправление.

Расстаться с Москвой обоим было нелегко, ибо здесь мы прожили около 30 лет, учились в школе и институте, имели хорошую работу. Однако в то тревожное, смутное время неясно было, «куда несет нас рок событий». Если бы знать, что через 1,5 года Сталин умрет и все изменится в политике, лучше было бы, возможно, и не уезжать из Москвы, как-нибудь перетерпеть. Может

быть, оценивая события ретроспективно, отъезд из Москвы и был ошибкой. Но в той, конкретной ситуации это было, вероятно, правильным и единственно возможным.

НА КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОДАХ

В конце августа 1951 года прибыл я в Ессентуки и представился заведующему клиникой Бальнеологического института на Кавказских Минеральных Водах (КМВ) Иосифу Сергеевичу Савощенко. Он же был в то время и директором Ессентукского курорта. Принял он меня любезно, вероятно, не только из-за имевшегося у меня предписания из Москвы, но и благодаря авторитету клиники АМН СССР, где я прежде работал. После шумной громадной Москвы с ее заботами и тревожностями последних лет, Ессентуки показались мне раем. Тихие улицы, обсаженные кустами и деревьями, обилие цветочных клумб, красивые здания санаториев, большой курортный парк с его разнообразными минеральными источниками, прекрасная грязелечебница со скульптурами греческих богинь Гигеи и Психеи в окружении львов – все это действовало успокаивающе и создавало хорошее настроение. Не случайно Ессентуки называют городом-садом. К тому же до получения собственной квартиры я жил в санатории по соседству с клиникой, питался в столовой для сотрудников.

В дальнейшем познакомился я и с другими достопримечательностями курортов Кавказа. Особое впечатление оставило посещение Кисловодска с его свежим горным воздухом, громадным курортным парком, нарзанной галереей и «стеклянной струей», речкой Ольховкой, сосновой горкой, маршрутами терренкура вверх и вверх к Храму воздуха и к Красному солнышку, откуда открывается чудесный вид на главный Кавказский хребет, а в хорошую погоду можно было видеть сияющие снежные вершины двуглавого Эльбруса. Они действительно несколько напоминают «женские груди», как переводится с кабардинского название этой горы. Если до Эльбруса надо было добираться более 100 км и подняться на вершину может лишь специально подготовленный альпинист, то на гору Машук в Пятигорске, Железную и Бештау

(пятиглавую) в Железноводске можно было относительно легко взобраться пешком.

Все четыре курорта (Кисловодск, Ессентуки, Пятигорск и Железноводск) уже в начале XX века были соединены железнодорожным полотном - электричкой, поездка в которой давала возможность насладиться панорамой гор и полей. Невольно вспоминались герои лермонтовских произведений и пушкинские стихи.

Ессентукская клиника (1952 г.)

Дирекция Бальнеологического института до сих пор располагается в старинном здании Дворянского собрания, где во времена Лермонтова проходили описанные им балы. О пребывании поэта напоминает дом-музей, где он когда-то останавливался, лермонтовская галерея, грот Дианы, эолова арка, питьевая галерея и многое другое, описанное в его романе «Герой нашего времени». Место дуэли Лермонтова с памятной колонной и оградой на поляне в лесу является

излюбленным для посетителей Кавминвод.

Памятник Лермонтову имеется и на кладбище в Пятигорске, где он был первоначально захоронен, до того как его тело было перезахоронено в имении бабушки в Пензенской губернии. Недалеко от первоначальной могилы Лермонтова расположена могила крупнейшего российского терапевта, бывшего руководителя факультетской клиники Московского университета Иустина Евдокимовича Дядьковского, умершего в том же 1841 году в Пятигорске. Его могила была очень запущена, заросла кустами, со скромным надгробным памятником, на котором с трудом можно было прочесть имя покойного. Это впечатление вдохновило меня много лет спустя написать и опубликовать в «Терапевтическом архиве» статью, посвященную И.Е. Дядьковскому. Знаменитый Провал с сероводородным озером, где Остап Бендер догадался собирать деньги за вход в пещеру, был заочно знаком по роману Ильфа и Петрова. В Железноводске

поражали красотой каскадная лестница с открывающейся панорамой соседних гор, здание Островских ванн, бюветы Славяновской и Смирновской минеральных вод.

Позднее представилась возможность посетить окрестности курортов КМВ – знаменитые Замок коварства и любви, Кольцо-гору, Голубые озера. Медовый водопад, Долину нарзанов и другие достопримечательности.

Дальние поездки к подножию Эльбруса с подъемом в несколько этапов на высоту до 3 тысяч метров, когда уже закладывает уши, или в Домбайскую долину, удалось совершить лишь в последующие годы.

Уже в декабре 1951 г. директор курорта И.С. Савощенко (он же был и заведующим клиникой) выделил мне на северной окраине Ессентуков в новом небольшом двухэтажном доме для врачей трехкомнатную квартиру на всю семью. Вначале весной прибыли дети в сопровождении домработницы, а в июле перебралась и жена. Первое время она не работала, тем более, что дети были еще маленькие - 7 лет Анне и 1,5 года Вове. Вскоре, однако, Мирра устроилась работать в городской больнице в качестве прозектора. Детишки пользовались свободой, благо дом находился на тихой Лермонтовской улице, вокруг него был сад с вишневыми, яблоневыми и абрикосовыми деревьями, так что детям было где гулять. Иногда подросток Вову приходилось мне или соседям снимать с верхушек деревьев или с крыши дома. Возможно, с тех пор у него зародилась любовь к альпинизму. Квартира наша имела три изолированные комнаты (детскую, спальню с большим письменным столом и гостиную с балконом). Поскольку дом находился на возвышенности, с балкона открывался чудесный вид на окрестности, а в ясную солнечную погоду можно было видеть и двуглавый Эльбрус.

После московской запроходной единственной комнаты это жилье казалось барским. К сожалению, топить печь, ванную и кухонную плиту приходилось углем, а в дождливую погоду по неасфальтированной грязной дороге, при отсутствии тротуаров нелегко было пройти к дому. К тому же на всей улице был один единственный фонарь, да и тот не всегда горел. Но все хорошо не бывает.

Много позднее на ней построили большие дома, и именно здесь в годы чеченских войн был совершен террористический акт.

Только в Ессентуках я смог приобрести велосипеды для себя и детей. Наиболее часто мы ездили в расположенный поблизости так называемый Английский или Верхний парк. Природа там сохранилась в первозданном виде, с узкими дорожками и тропинками, густыми деревьями и кустами, полянами и полевыми цветами. Лишь много позднее здесь тоже, как и в Нижнем курортном парке, открыли бюветы с минеральной водой, заасфальтировали дорожки и привели парк в цивилизованный вид, построили вблизи санатории.

На Верхнем и Нижнем рынках города было изобилие овощей и фруктов по довольно невысоким ценам. Еще более разнообразным, обильным и дешевым был рынок в Пятигорске.

Короче говоря, Северный Кавказ, когда-то служивший местом ссылки, казался мне первое время райским местом, и больно думать, что спустя полвека он снова стал ареной боевых действий и межнациональных конфликтов.

Курортная клиника

В мои обязанности старшего научного сотрудника входило лечение относительно небольшого количества больных (около 10-15 человек, тогда как ординаторы вели по 30 - 40 чел.), консультация сложных больных других врачей, проведение научной работы, оказание методической помощи санаториям, а также руководство организацией лечебного питания на всех курортах КМВ, педагогическая работа. Клиника наша, как и многие санатории в то время были в ведении Минздрава РСФСР. Кроме того, существовали санатории различных министерств и ведомств - от ЦК КПСС и Совета Министров, военных, КГБ, МВД до самых бедных министерств, вроде здравоохранения или соцобеспечения. Последние были, естественно, хуже оснащены медицинским оборудованием, меньше было и бытовых удобств. Впрочем, во дворе санатория было одноэтажное здание с тремя комнатами, санузелом, отоплением. Вскоре после перевода клиники на эту базу, данный особняк занимал ответственный работник ЦК КПСС по фамилии Кошкин. Много лет за этим зданием закрепилось прозвище «кошкин дом». Впоследствии ответственные деятели предпочитали отдыхать в более комфортабельных условиях, а дом переоборудовали под лечебные кабинеты.

Клиника должна была оказывать методическую помощь санаториям, разрабатывать показания и противопоказания к курортному лечению тех или иных категорий больных, оптимальные методы лечения, привлекать врачей санаториев к научной работе. В дальнейшем все санатории, кроме самых привилегированных (партийных, Совмина, военных и т.п.), были переданы в ведение профсоюзов, а клиника Бальнеологического института стала располагаться на базе профсоюзного санатория.

Наше учреждение стало называться клиническим санаторием. Его двойственное подчинение (курортному совету профсоюзов и институту МЗ РСФСР) нередко порождало конфликты. Впрочем, рядовые врачи, медсестры и лаборанты работали дружно как в лечебном, так и научном направлении. Больные, преимущественно гастроэнтерологического профиля и сахарным диабетом, были одновременно и отдыхающими, т.к. лечились они в счет трудового отпуска. Больные не должны были соблюдать, как в больнице, постельный режим, а почти все время передвигались то к минеральным источникам, то на грязи или ванны, а то и на различные экскурсии. Мы сами называли свое учреждение в шутку «полуклиника» – не клиника и не поликлиника. Оснащение его было не из лучших, а обстановка и бытовые условия для больных были бедными. Большинство больных страдало легкими формами заболевания, многие со значительными невротическими наслоениями. Вспоминается больная холециститом, которая откровенно рассказывала, что она может при хорошем настроении в ресторане в Кисловодске пить вино и кушать острые и жирные блюда и никакого приступа болей у нее не возникает. А в других случаях на самой щадящей диете в санатории непроизвольно появляются сильные боли. Другой больной рассказывал, что при игре в шахматы в трудной ситуации у него нередко возникают боли в правом подреберье подобно ночным приступам. Это показывает, насколько значительно влияет состояние нервной системы и психики на деятельность внутренних органов. Одно время, когда пропагандировалось учение И.П. Павлова о нервизме, это казалось само собой разумеющимся, но потом об этом стали забывать, а все внимание врачей и больных стало привлекать лишь состояние отдельных органов по данным ультразвукового или эндоскопического исследования, без учета состояния человека в целом, его нервно-психической сферы. Вспоминается больной,

прибывший в клинику с дренажной трубкой в желчном пузыре. Из наружного ее конца выделялась желчь. На этом больном мы провели исследования влияния приема различной пищи и минеральных вод Эссентуки №17 и №4 на желчевыделение.

В другой серии опытов больному был применен гипноз, во время которого ему было внушено, что он находится в ресторане и кушает его любимое блюдо **хинкал** (восточное блюдо из жирного мяса). В это время у него происходило обильное выделение желчи. Затем ему было внушено, что обед закончен и надо за него расплачиваться – желчь при этом мгновенно перестала выделяться. Эти наблюдения еще более убедительно показали влияние головного мозга на деятельность внутренних органов, единство психических и и соматических процессов. Результаты этих исследований были впоследствии опубликованы в журнале «Врачебное дело». Вспоминаются различные комические ситуации. Например, одна больная на предложение раздеться для осмотра сняла с себя всю одежду. Однако любопытно, что она при этом сказала: «А шляпу разрешите не снимать, я не причесана». Это может быть иллюстрацией, так называемой, женской логики. Теперь модно ходить без шляпы или головного убора, с распущенными волосами, даже в зимние холода. А тогда было неприлично ходить без шляпы или плохо причесанной. Как-то принимаю я больную, красивую молодую женщину лет 30-35. В истории болезни у нее написано в графе «семейное положение» не замужем, что показалось мне странным. Я спросил больную: «И не были замужем?», на что она ответила: «Ну, как же – три раза, не считая разной мелочи».

Кроме лечебной и консультативной работы в клинике я был ответственным за методическую работу по диетотерапии на всех четырех курортах. В связи с этим я часто выезжал на другие курорты КМВ, посещал различные санатории, был знаком с директорами и главврачами курортов и многих санаториев, диетврачами и диетсестрами. Вместе с главными диетологами курортных управлений мы организовали Межкурортный совет по лечебному питанию, который ежемесячно проводил свои заседания. Я был его председателем и вдохновителем, ибо после моего отъезда этот общественный совет прекратил свое существование. Совет обсуждал постановку лечебного питания в разных курортных учреждениях, рекомендовал новые диеты при

*Кафедра терапии и бальнеологии.
В халате профессор В. Е. Незлин.
Крайний справа – профессор
А. С. Вишневский,
слева – А. М. Ногаллер.
Кисловодск, 1958 г.*

различных заболеваниях, рассматривал вопросы режима питания и его взаимодействия с приемом минеральной воды, дневным сном, а также издавал методические указания, проводил межкурортные конференции по диетотерапии. Меня знали на курортах КМВ, и это позволило сохранять дружеские отношения и деловые контакты еще много, много лет после моего отъезда, особенно с курортом Железноводск.

*Кафедра терапии и бальнеологии.
В халате профессор В.Е. Незлин.*

*Крайний справа - профессор
А.С. Вишневский, слева - А.М. Ногаллер
(Кисловодск, 1958 г.)*

На базе Ессентукской клиники проводились также занятия с курсантами, обучавшимися на кафедре терапии и курортологии ЦИУВ. Основной базой этой кафедры была курортная больница в Кисловодске, а возглавлял кафедру известный кардиолог профессор Вениамин Ефимович Незлин, автор известных монографий по электрокардиографии, порокам сердца и коронарной болезни. Он был высокого роста, худощав, говорил тихим голосом, много внимания уделял больным. От него я приобрел немало знаний в области кардиологии, что пригодилось мне в дальнейшей работе. В начале пятидесятых годов курсанты обучались на кафедре 4 месяца, два – в Кисловодске по болезням сердца и легких, а два – в Ессентуках по общим вопросам курортологии, болезням пищеварительного тракта и обмена. Позднее срок обучения сократили почти в два раза. На курсы приезжали врачи, работавшие на курортах, со всей страны. Основной курс лекций читал научный руководитель Ессентукской клиники профессор Александр Степанович Вишневский. Он был известный специалист в области бальнеологии, с его книгой о курортном лечении язвенной болезни я был знаком еще при работе в Москве. До войны он работал рентгенологом в Сибири, кажется, в Томске.

К сожалению, он мало внимания уделял больным клиники и научным сотрудникам, больше занимался литературной деятельностью и консультациями в санаториях. Я изредка читал курсантам лекции, но в основном проводил практические занятия с разбором (т.е. обсуждением) больных, показывал лечебные учреждения курорта. В группе было 10-12 учащихся, одновременно занималось 2-3 группы. Преподавание проводили штатные ассистенты кафедры или поочередно научные сотрудники клиники, которых было в разное время 4-6 человек. Занятия с курсантами доставляли мне удовольствие, заставляли готовиться к ним и расширять свои познания в области терапии и курортологии. Северный Кавказ отличается многонациональным составом населения. Наряду с русскими, в том числе казаками, там живет много украинцев, армян, осетин, кабардинцев, евреев, грузин и других народностей. В нашем клиническом санатории работали в разное время в качестве главврачей, научных сотрудников или ординаторов И.С. Савощенко, А.Топурия, И.И. Коновалов, М.Г. Карташова, А.В. Дерябин, Г.А. Рыбинский, А.Н. Маркорян, Г.М. Крашенина, М.И. Цыпина, Ю.С. Вишневецкая, Л.А. Макарова, А.Г. Саакян, И.С. Наназиашвили, Л. Кереселидзе, Р.И. Мкртчян, В.Я. Шварц, т.е., представители многих национальностей, причем дружеские отношения меньше всего определялись национальностью (об этом мы даже не задумывались), а зависели только от личных симпатий, степени контакта по лечебной или научной работе. Я вспоминаю об этом потому, что тогда трудно было себе представить возможность армяно-азербайджанского или осетино-ингушского конфликтов, а тем более чеченской войны. Лишь впоследствии появился термин «лица кавказской национальности». Евреи среди них внешне не выделялись. Однако государственная политика дошла из Москвы и до Кавказа, особенно после возникновения «дела врачей», описанного выше. Антиеврейская кампания начиналась и развивалась из центра; по указанию партийных органов и на курортах проводились собрания с осуждением врачей-убийц и происков американских шпионов. Однако, по сравнению с тем, что происходило на моих глазах в Москве, это обсуждение и осуждение проходило более вяло, без должного эмоционального возмущения, а скорее формально. В конце 1952 года арестовали проф. В.Е. Незлина. На проходившем в курортной больнице Кисловодска совместно с кафедрой общим

собрании сотрудников штатные ораторы выступили с гневным осуждением подлого врага, проникшего в наш коллектив. Большинство присутствующих предпочло помалкивать. Однако доцент кафедры Евгения Павловна Федорова сказала, примерно, следующее: «Здесь какая-то ошибка. Я знаю Вениамина Ефимовича около 20 лет ещё по совместной работе в Москве. Он мухи не обидит, не то чтобы участвовать в убийстве людей или шпионской деятельности. Его честность и порядочность всем известны». В те времена подобное выступление было очень смелым шагом и могло повлечь за собой весьма печальные последствия.

Антисемитские высказывания среди руководящих деятелей были тогда проявлением лояльности к партийным директивам. Об одном таком эпизоде мне рассказал Михаил Иванович Горшков, назначенный в порядке перевода зав. Кисловодской клиникой вместо уволенного проф. М.И. Гаркави. В прошлом М.И. Горшков был зав. Вологодским облздравотделом. Он отличался высоким ростом, представительным телосложением, вполне благородными чертами лица. При встрече с ним директор Бальнеологического института И.С. Савощенко (впрочем, отнюдь не антисемит) высказал ему ряд оскорбительных в отношении евреев фраз. М.И. Горшков же оказался евреем или полуевреем, и он осудил реплику И.С. Савощенко, так что тому пришлось извиняться. Новый директор Эссентукского курорта Проценко захотел отнять у меня одну комнату для вновь приехавшего аспиранта Френкеля. Я не знал что делать: с одной стороны, для семьи из 4-х человек три комнаты не так уж и много и впускать постороннего человека в ту же квартиру совсем не хотелось; с другой стороны, время было такое, что всего приходилось бояться. К счастью, мне пришла мысль посоветоваться с главврачом Эссентукского курорта Антониной Григорьевной Дорохиной. Она мне сказала, мол, не бойтесь, Проценко ничего Вам не сделает, можете не отдавать ему комнату. Я так и поступил и благодарность Дорохиной за добрый совет храню всю жизнь. Для Френкеля нашлась другая квартира в том же доме, и добрые отношения сохранились с ним на долгие годы, в чем можно было бы сомневаться, если бы он проживал в порядке уплотнения в той же квартире.

Для иллюстрации атмосферы страха того периода приведу еще два примера. Гулял я как-то с двухлетним сыном в парке. Вдруг Вова вырвался вперед и начал бегать вокруг постамента высокой

скульптуры Сталина, окруженной клумбой с цветами. И тут раздался грозный оклик мужчины в военной форме: «Чей ребенок?». Ну, думаю, неприятностей не оберешься, доказывай, что ребенок просто захотел побегать, и это не было проявлением антисоветской акции. К счастью, это была шутка соседа, решившего меня попугать. Получил я однажды открытку из США с просьбой прислать оттиск моей статьи в медицинском журнале. Это было у меня впервые, а связь с заграницей тогда всячески преследовалась. Возникло опасение, не придерутся ли органы КГБ, доказывай потом, что ты не шпион. Решил посоветоваться с Андреем Владимировичем Гальцевым, секретарем горкома партии, с которым я был немного знаком. Он сказал, что можно не бояться и даже отослать оттиск статьи заинтересовавшемуся ученому, тем самым, успокоив меня.

Пропасть человек мог запросто не только по политическим мотивам. Исчезла жена нашего врача-невропатолога Б.Н. Раскина Елена. Она была тоже врач, мать двух детей, высокая красивая блондинка с голубыми глазами лет около 30. Она поехала в отпуск в санаторий в Гагры и исчезла навсегда. Ходили слухи, что она понравилась кому-то из самого высокого начальства, называли даже грузинскую фамилию. Достоверно, однако, то, что когда муж пытался выяснить обстоятельства дела и найти виновного, в органах ему посоветовали ни в коей мере не вникать в причину исчезновения жены, а ради безопасности детей и его самого поскорее уехать в неизвестном направлении, что он и сделал.

Описываю это для характеристики обстановки того времени, ибо новому поколению не понять, что означает отсутствие свободы слова и мнений. Они думают, что иначе и быть не может.

Так что возможны всякие зигзаги в истории, а криминальные события совершаются и сейчас, пожалуй, не реже, чем раньше. Теперь трудно понять, почему большинство людей искренно горевало, когда умер Сталин, что многие женщины плакали и все беспокоились о будущем страны без великого вождя.

До сознания людей не сразу дошло значение разоблачения культа личности Сталина на XX съезде КПСС в докладе Н.С.Хрущева. Вспоминается такой полукомичный случай. В Кисловодске на центральной улице – проспекте Сталина стояла его большая скульптура в полный рост. После разоблачения культа вождя кто-то осмелился бросить камень в фигуру и отбить у нее

нос. Органы КГБ и МВД были в растерянности – то ли искать и наказать виновных, то ли сносить скульптуру. Не мог решить этот вопрос и горком партии, ибо не ясно было, как будут развиваться события. Позвонили в крайком КПСС, в Ставрополь, что делать. Оттуда ответили: приделайте нос, что и было выполнено. Прошло несколько месяцев, и скульптуру снесли, а главную улицу переименовали в проспект Мира.

Политические занятия в свободное от работы время были в то время обязательным элементом идейно-воспитательной работы среди трудящихся. Моим общественным поручением было руководить в клинике политкружком, то есть быть пропагандистом. В 1953 году меня послали на краевые курсы пропагандистов в Ставрополь. В течение месяца нам читали лекции на общественно-политические темы, по диалектическому и историческому материализму. Философские занятия мне нравились, а идеологические доктрины считались абсолютной истиной и не подвергались сомнению. В то время официальной пропагандой утверждалось, что кибернетика – буржуазная псевдонаука и об этом даже было написано в философском словаре, изданном в те годы. Утверждалось также, что водородной бомбы быть не может, а о ней пишут только ради пропаганды преимущества американской науки и техники, для запугивания советских людей.

Короче, холодная война была тогда в полном разгаре, и все американское осуждалось. Жили и питались мы в гостинице крайкома партии бесплатно, погода стояла хорошая, на озере можно было купаться, так что это было вроде дополнительного отпуска за казенный счет. Заниматься самостоятельно нужно было немного, зачет в конце занятий получить было несложно, а диплом об окончании этих курсов был очень солидным и красивым. Это воспоминание также отражает эпоху тех лет, когда на идеологическую работу государство, по указанию коммунистической партии, денег не жалело.

После реабилитации «врачей-убийц» и прекращения антиеврейской государственной политики, в период так называемой хрущевской оттепели жену взяли работать в Пятигорский фармацевтический институт ассистентом на кафедру анатомии и физиологии. Ей было приятно возвратиться к педагогической работе по специальности, но приходилось

затрачивать относительно много сил и времени для поездки по железной дороге.

Дети понемногу подрастали, дочь Анна начала посещать школу, а сын – детский сад. В последние годы пребывания в Ессентуках они оба занимались с соседкой – преподавательницей английского языка. К сожалению, эта учеба продолжалась недолго, но и она помогла им в дальнейшей учебе в школе и институте, а в какой-то степени и в работе.

Жизнь на курорте имела свои недостатки и преимущества. К первым относится провинциальный характер стиля жизни, оторванность от московской культуры, хороших библиотек и театров, отсутствие настоящей снежной зимы. Достоинством же являлась более спокойная жизнь, чистый воздух и благодатная природа, лечебные курортные факторы.

На Кавминводах имелся лишь один театр музыкальной комедии, но туда часто приезжали с концертами многие крупнейшие артисты, и нередко давали представления ведущие театры страны. Мы старались не пропускать эти гастроли, для чего ездили даже в соседние города. Вспоминается посещение в Пятигорске спектакля Аркадия Райкина. Остановилась труппа театра в гостинице филармонии в Кисловодске, и почему-то возвращались артисты обычным поездом. Случайно мы оказались в том же вагоне, что и Райкин с женой и рядом других артистов. Женщины оживленно беседовали, а Аркадий Исаакович сидел молча, полузакрыв глаза. Я понял тогда, какого нервного напряжения требует работа артиста, как за внешней легкостью и естественностью скрывается упорный труд. Мне даже стало жаль Райкина, захотелось выразить ему благодарность и добрые пожелания, но я не посмел нарушить его покой.

Вспоминается концерт знаменитого пианиста Эмиля **Гилельса**. Он выступал в летнем театре в Ессентуках. Посетителей было много, но театр отнюдь не был полностью заполнен. Случайно в том же летнем театре на следующий день я читал популярную лекцию для больных то ли о колитах, то ли о холециститах. Оказалось, что народу было больше, чем на концерте самого Гилельса. Сказалась специфика ессентукской публики, а отнюдь не мои достоинства лектора. Интересная психологическая деталь. Иногда я читал лекции по линии общества «Знание» бесплатно, а иногда такую же лекцию за деньги (2 руб., а после реформы 20

копеек). При бесплатной лекции люди приходили с опозданием, во время лекции нередко покидали зал. Если же за билет были уплачены 20 коп., все люди, как правило, сидели от начала до конца, слушали более внимательно и по окончании лекции больше задавали вопросов.

Как-то в нашей клинике консультировался известный дирижер, народный артист СССР Натан Рахлин. Это был средних лет полный мужчина с большим чувством юмора. Он шутил, что, когда у него нормально работает кишечник, оркестр звучит особенно хорошо, а при задержке стула что-то не то. Он удивил меня тем, что, взявшись за пульс у меня или у себя и определив паузу только между двумя ударами, точно указывал частоту пульса. Мы же, врачи, привыкли считать пульс в течение не меньше трети или полминуты. Вот что значит чувство ритма у выдающегося музыканта.

Дружили мы с семьей Рабеев, которые жили на соседней улице Пушкина, параллельно нашей Лермонтовской улице. На ней впоследствии построили ряд новых зданий и именно здесь в марте 2001 года чеченцы совершили террористический акт, одновременно с взрывом на рынке в Минеральных Водах и городе Черкесск.

По контрасту вспомнилось посещение, вероятно, в семидесятых годах одного кабардинского села, куда меня пригласил мой давний пациент по фамилии Чеченов. Мы отдыхали тогда в Железноводске всей семьей с дочкой и внуком Игнатом. В гостях нас принимали очень тепло, по-кавказски гостеприимно, обильно угощали. Поскольку я работал в уважаемой клинике и имел контакты с разными людьми, у меня была возможность проводить летний отпуск вместе с семьей в санаториях на Черном море (в Форосе, Сочи, Геленджике), в Нальчике и других прекрасных местах. В то время проблема была «достать», как тогда говорили, путевки, а стоимость их была вполне доступной, даже когда нас с детьми размещали в люксах. Возвращаясь к нашей дружбе с Жанной и Леонидом Рабеем, следует отметить, что в профессиональном отношении мы были весьма различны - они работали в Северо-Кавказском геологическом управлении в качестве геофизиков.

Тем не менее, мы часто ходили в гости друг к другу, вместе отмечали праздники, дни рождения и другие события. Часто мы общались и с другими геологами. Геологи проводили важную работу, изучая радиоактивные запасы недр этого региона, особенно

вблизи вновь возникшего города Лермонтовск. Леня был заядлым охотником, нередко уезжал на своей машине на 1-2 дня. Как-то я попросил его свозить нас в горы, полюбоваться природой, горным ландшафтом. На это он мне возразил: «Что ты, разве я могу свои выходные дни тратить на поездки в горы. Это я делаю в рабочее время, да еще получаю за это полевые, денежные вознаграждения. Так что, уволь». Действительно, бытие определяет сознание.

Заседания Ученого совета Бальнеологического института проходили в его основном здании в Пятигорске. Обычно я ездил туда электричкой, а в этот раз меня и проф. А.С. Вишневого директор института И.С. Савощенко пригласил поехать домой автомашиной. Они оба также жили в Ессентуках. Мне запомнился в дороге их разговор, в том числе о том, что 60 лет - хороший возраст. Им было тогда под 70 лет, а мне лишь за 30 и меня удивило это высказывание. «Что может быть хорошего в 60 лет?» – подумал я. Лишь теперь я понял, насколько они были правы. Психология человека меняется с годами. Сейчас мне вспоминаются преимущественно положительные стороны пребывания на Кавказе, и хочется забыть отрицательные. В конце пятидесятых годов сказалась перенесенная в годы войны контузия головного мозга – появились эпилептоидные приступы с кратковременной потерей сознания или с головокружением, онемением в конечностях и другими симптомами. Вначале эти приступы возникали редко, и я не придавал им значения. Более часто они стали появляться уже позднее, в Астрахани. В Ессентуках же я продолжал интенсивно проводить научные исследования, собирать материал для будущей докторской диссертации.

Научная работа

После реорганизации Бальнеологического института на КМВ на каждом из четырех курортов были созданы клинические отделения. Заведующей Ессентукским отделением была назначена к.м.н. Мария Васильевна Чуракова. Она была лет на 15-20 старше меня, но у нас установились с ней очень дружеские отношения. Она жила вблизи клиники, я нередко навещал ее дома, близко познакомился с ее мужем рентгенологом Г.М. Рябкиным и сыном, в будущем авиаинженером. Наши дружеские отношения и контакты продолжались много лет, даже после моего отъезда из Ессентуков и ее переезда в г. Жуковский под Москвой. Она уехала из Ессентуков

раньше меня, в 1957 году, и я заменил ее в должности заведующего клиническим отделением, продолжая научно-методическую работу по лечебному питанию на всех курортах КМВ.

Мария Васильевна занималась проблемой лечения колитов, а я с группой сотрудников - функциональными и воспалительными заболеваниями желчного пузыря. Мы изучали действие грязей и минеральных ванн разной температуры, продолжительности и количества процедур. Исследовалось действие минеральных вод на

Научные исследования. А. Иноялер, 1952 г.

состояние и функции ряда органов, анализировались непосредственные и отдаленные результаты лечения на курорте.

Научные исследования (1952 г.)

Со мной вместе по проблеме болезней желчных путей работали несколько сотрудников, многие из которых защитили кандидатские и докторские диссертации. Особенно запомнились Георгий Михайлович Крашепица, который лет через десять после меня тоже стал профессором; Александр Владимирович Дерябин, ставший впоследствии крупным администратором, начальником Управления санаториев ЦК КПСС и Совмина СССР на курортах КМВ; Герман Алексеевич Рыбинский, который не только стал кандидатом наук, но и занимал должности секретаря горкома в Ессентуках и Кисловодске, зам. начальника 4-го Управления МЗ РСФСР и главврача спецбольницы в Москве; Лидия Алексеевна Макарова, также защитившая кандидатскую диссертацию. Л.А. Макарова жила по соседству, я часто общался и дружил с ее отцом, педиатром Алексеем Петровичем Макаровым. Он был прекрасным практическим врачом, а в возрасте 72 лет обобщил свои наблюдения и после защиты ему было присвоено ученое звание «кандидат медицинских наук». Лидия Алексеевна многие годы была у нас парторгом. Когда умерла скоропостижно от лейкоза ее мать, в соответствии с предсмертным пожеланием, покойную отпевали в церкви. Партийное руководство города это возмутило, и подобное действие сочли несовместимым с идеологией коммуниста. Лидию Алексеевну прорабатывали на собрании, а затем освободили от обязанности секретаря парторганизации.

Кто мог знать в то время, что спустя 30-40 лет (для истории это еще небольшой срок, а для человека, увы, немалый!) высшие коммунистические деятели и руководители страны будут не только лично посещать церковь и отмечать христианские праздники, но и поощрять религиозные традиции, восстановление храмов, строительство мечетей и синагог. Как говорится, другие времена – другие песни.

С директором Бальнеологического института Иосифом Сергеевичем Савощенко у нас долгие годы сохранялись тесные научные и дружеские отношения. Мы опубликовали ряд совместных научных работ, популярные брошюры о лечении на курортах болезней кишечника, печени и желчных путей. Он постоянно привлекал меня к работе по составлению научно-методических руководств по лечению на курортах Ессентуки, Кисловодск, Пятигорск и Железноводск, а позднее, уже в Москве, и к руководству для врачей и студентов по диетотерапии. Я помогал Иосифу Сергеевичу в его работе над докторской диссертацией по оценке эффективности лечения в Ессентуках всех гастроэнтерологических больных. Вскоре после защиты докторской он был переведен руководителем клиники лечебного питания Института питания АМН СССР в Москве, где я когда-то работал. Но это было уже после моего отъезда из Ессентуков. Савощенко любил организовывать различные научные конференции – по грязелечению, по влиянию минеральных вод, в связи с различными юбилеями и др. Он помогал мне в организации Всероссийской конференции по лечебному питанию, а также по поводу 150-летия Ессентукского курорта в 1955 году и в издании трудов этих конференций. С его одобрения я приглашал участвовать в них многих знакомых профессоров из Москвы и других городов страны. Сотрудники Бальнеологического института нередко принимали участие в научных конференциях на других курортах и во многих городах страны. В эти годы я побывал во всех Закавказских республиках, их столицах Ереване, Тбилиси, Баку, на курортах Арзни, Анкаван, Джермук, Боржоми, а также Горячий ключ в Краснодарском крае и в Прибалтике. В одних случаях я выступал с научными докладами, а в иных с лекциями по диетпитанию для врачей и даже для диетсестер.

Особенно памятной была поездка еще в 1952 году в Ригу на десять дней, где проводился семинар по лечебному питанию. Меня

поразили тогда в Риге чистота и порядок на улицах, при посадке в трамвай или автобус мужчины пропускали вперед женщин, а в вагоне кондуктор при продаже билетов говорил пассажирам «спасибо». Несмотря на послевоенные годы, в магазинах было много продуктов и товаров, относительно недорогих по сравнению с Москвой. Позднее жена привезла даже из Риги мебель для нашей квартиры. Как-то я был в гостях дома у профессора Ксении Андреевны (в русском произношении) Скульме, которая организовывала курсы по диетотерапии. При уходе ее муж, академик живописи, подал мне пальто. От неожиданности и растерянности я даже не успел возразить и отказаться. За прошедшие полвека это был, пожалуй, не только первый, но и последний случай, когда не я даме, а мне подали пальто. В Латвии еще чувствовались пережитки капитализма. Позднее я много раз бывал в Риге, и особенно запомнилось последнее посещение незадолго до перестройки и распада Советского Союза. Всюду были толпы людей, теснота в транспорте и магазинах, большая очередь за сливочным маслом, Можно было понять желание прибалтийских стран к суверенитету. Вспоминается также поездка в Чечню, особенно на курорт Серноводск. Красивый ландшафт, южные пышные деревья и кусты, обилие цветов, целебные минеральные воды, а кругом – горы. В общем, райское место. Тяжко представлять, что в этих чудесных местах уже много лет идет кровавая война с многочисленными жертвами. Извечный вопрос, кто виноват и ради чего?

Серноводск мне запомнился еще и в связи с общением с сотрудником института профессором - хирургом Бернштейном. В прошлом он был ректором тогда Сталинградского мединститута, осуществлял в годы войны его эвакуацию. Он был уже немолодым, полноватым, лысым мужчиной и много фотографировал вокруг. Один из отдыхающих громко произнес: «Этот старик случайно не шпион, все старается сфотографировать». Бернштейн потихоньку шуточно возмущался: «Что он меня за шпиона принял, понятно и не удивительно, но почему он меня стариком назвал?». Я как-то вступил с ним в дискуссию по поводу каменных и бескаменных холециститов. Он мне тогда сказал: «Что Вы мне говорите, я всю жизнь в животе провел!». Это выражение мне понравилось и запомнилось, я при случае его повторял, ибо я иначе, но все же

также всю жизнь, фигурально выражаясь, провел в печени, желчных путях, желудочно-кишечном тракте.

Среди отдыхающих на курорте и коллег у меня было множество знакомых - от Дальнего Востока и Сибири до Западной Украины и Прибалтики, от Архангельска и Петрозаводска на Севере до южных среднеазиатских и закавказских республик. Особенно часто я контактировал с приезжавшими на курорты КМВ учеными-медиками.

Кроме давно знакомых мне О.Л. Гордона и С.М. Лейтеса я имел возможность беседовать со многими известными профессорами Ф.Г. Угрюмовым, Н.М. Амосовым, Е.Л. Березовым и др. Теплые дружеские отношения у меня установились с профессорами из Ленинграда И.Ф. Сейцем, М.С. Динабургом, Л.Д. Линденбратеном, впоследствии заведовавшим кафедрой рентгенологии и радиологии в 1-м Московском медицинском институте.

Особенно хорошие отношения возникли у меня с профессором Василием Федоровичем Черваковым. Он был значительно старше меня, всегда доброжелательным и приветливым, очень эрудированным и остроумным человеком. От него я узнал много интересных историй и латинских выражений. Он был зав. кафедрой судебной медицины и проректором по учебной работе 1-го Московского медицинского института им. Сеченова. Василий Федорович и его жена Маргарита Алексеевна нередко бывали у нас в гостях, а я посещал их в Москве.

Проф. В.Ф. Черваков познакомил меня с известным терапевтом, зав. кафедрой терапии сан.-гиг. факультета института, академиком АМН СССР, лауреатом Ленинской и Государственной премий, автором многих руководств и учебников Евгением Михайловичем Тареевым, который любезно согласился быть моим научным консультантом по докторской диссертации. С Евгением Михайловичем мне посчастливилось контактировать около двух десятков лет, как в клинике, так и в домашних условиях. Тареев несколько раз выступал с докладами на наших конференциях, а в домашних условиях был интересным рассказчиком. Запомнились его впечатления от поездки в Испанию в середине 50-х годов, что было тогда большой редкостью. Он возмущался жестокостью зрелищ корриды, боя быков, действиями матадоров и тореадоров, возбуждающих и убивающих добродушных и безобидных животных. По его словам, идеализация героизма тореадора в

литературе и в опере «Кармен» мало похожа на кровавые сцены убийства незащитных быков. От Евгения Михайловича я впервые услышал сентенцию, что, мол, нужно писать биографии не великих людей, а биографии их жен, ибо именно от последних очень многое зависит в профессиональной деятельности и успехе. В справедливости этих слов, несмотря на их условность и относительность, я убедился и в своей дальнейшей жизни, применительно не только к большим людям.

Тареев прикрепил меня к работавшей тогда в его клинике профессору Зинаиде Адамовне Бондарь. Она тщательно проверяла все мной написанное и всегда давала краткие, но очень ценные советы. Однажды она приезжала на Кавминводы, но чаще я приезжал к ней в Москву, причем она нередко принимала меня и дома. Дружеские контакты с Зинаидой Адамовной продолжались многие годы и после защиты диссертации, когда я работал и в Астрахани, и в Рязани, а Бондарь возглавляла ведущую терапевтическую кафедру страны – факультетскую клинику 1-го ММИ им. Сеченова. Несмотря на свой как бы суровый и сдержанный характер, Зинаида Адамовна относилась ко мне неизменно приветливо и дружелюбно до самой своей преждевременной кончины.

С ней можно было поговорить не только на медицинские, но и общественно-политические и культурно-искусствоведческие темы. Глубокое чувство уважения и благодарности к ней осталось у меня в душе навсегда.

В клинике Тареева я познакомился со многими сотрудниками, а с некоторыми искренне подружился на многие годы, особенно с Маргаритой Ефимовной Семендяевой и Зинаидой Георгиевной Апросиной. Тогда они были еще молодыми кандидатами наук, а впоследствии, как и большинство бывших сотрудников Евгения Михайловича, стали профессорами и известными в стране учеными. М.Е. Семендяева, З.Г. Апросина, И.Е. Тареева, супруги Н.Г. и А.И. Гусевы и ряд других тогдашних сотрудников этой клиники охотно приезжали на конференции или в гости, не только на Кавказ, но и позднее в Астрахань и Рязань. Можно было бы вспомнить о встречах и с такими известными в будущем в медицинском мире крупными учеными, как Н.М. Кончаловская, В.А. Насонова, Н.А. Мухин и ряд других, о заслугах которых могут быть написаны отдельные статьи.

Несмотря на многочисленные соблазны жизни на курорте (благоприятная большей частью года погода, кино, концерты и танцы в санаториях, относительно дешевые вина и рестораны, легкость знакомства с отдыхающими и пр.), многие врачи охотно занимались научными исследованиями, причем не только сотрудники Бальнеологического института, но и практические врачи.

Тесные и дружеские контакты установились у меня с директором Управления курортов Кабардино-Балкарии Магомедом Измаиловичем Балкаровым. Я в какой-то степени помогал ему в выполнении докторской диссертации, рецензировал издаваемые им книги, выступал перед врачами с лекциями. Мне нередко предоставлялась возможность отдыхать всей семьей в санаториях или Доме отдыха Нальчика, а детям, когда они повзрослели, совершать туристические и альпинистские походы по Кавказу. Впоследствии Балкаров получил звание профессора и заведовал кафедрой терапии в Кабардино-Балкарском университете после создания в нем медицинского факультета.

С Михаилом Яковлевичем Беровым (позднее он стал называть себя по-кабардински Мухамедзином) дружеские отношения сохранялись много лет и после моего отъезда из Кавминвод, даже когда он стал министром здравоохранения республики. Уже в бытность мою профессором в медицинских институтах в Астрахани и в Рязани я был руководителем диссертаций врачей в Нальчике (Богатырев С.И.), в Железноводске (Голубков В.Г., по докторской у Товбушенко М.П.) и в Ессентуках (Бучко А.А.).

Однако все хорошо не бывает. У меня появился недруг и завистник - Александр Васильевич Ходыкин, диетврач в военном санатории в Ессентуках, кандидат наук, который хотел писать докторскую диссертацию по заболеваниям печени и полагал, что я ему конкурент. Он изредка выступал с критикой моего руководства Межкурортным советом по лечебному питанию, но чаще писал клеветнические письма без подписи в горком КПСС. По правилам того времени, не только открытые, но и анонимные письма рассматривались на партсобрании. Хотя обвинения Ходыкина и не подтвердились (в частности, о незаконной якобы моей поездке в Москву), неприятный осадок от этих нападок остался. К тому же, особенно после контакта с московскими клиниками, мне захотелось быть не только курортным, но и настоящим университетским

профессором-терапевтом. Жене тоже хотелось переехать в большой город, тем более, что подрастали дети и надо было думать об их дальнейшей учебе. Как-то я прочел в «Медицинской газете» о вакантной должности зав. кафедрой терапии в Северо-Осетинском институте. Я созвонился с ректором института и подъехал в г. Орджоникидзе, тем более, что это близко от Кавминвод. Ректор принял меня любезно, посмотрел почти законченную докторскую диссертацию, но отказал мне, мотивируя отсутствием у меня педагогического опыта работы. Возможно, у него был уже свой кандидат из местных кадров. Вначале я был огорчен отказом, но впоследствии начались осетино - грузинские конфликты из-за Южной Осетии, затем осетино-ингушские военные действия и вообще курс на создание «национальных квартир». Вряд ли я смог бы долго удержаться в качестве профессора в национальном вузе, не зная местного языка и традиций. Да и научный и учебный авторитет Осетинского института оставлял желать лучшего.

Весной 1959 года я завершил работу над оформлением своей докторской диссертации и представил ее к защите в Ученый Совет 1-го Московского мединститута, в свою alma mater. Случайно вскоре я познакомился с профессором-фармакологом Астраханского института, где был объявлен конкурс на заведование терапевтической кафедрой. Я уже знал, что легче пройти по конкурсу на вакантную должность заведующего кафедрой, для чего нужна докторская, чем на должность доцента или ассистента, на которую обычно претендуют местные кадры. На этот раз я поинтересовался, нет ли местных претендентов и не является ли объявление о конкурсе лишь формальным актом. Лишь когда от ректора Астраханского мединститута им. А.В. Луначарского И.Н. Аламдарова я получил приглашение прислать свои документы, а затем пожелание, чтобы я приступил к работе по возможности скорее, я быстренько уволился и уже 25 декабря, не дожидаясь Нового года, вместе с дочкой прибыл в Астрахань. Приняли меня приветливо и, главное, уже вскоре предоставили трехкомнатную квартиру в центре города, на площади Ленина. Начался новый, пожалуй, самый лучший этап моей жизни и деятельности.

В АСТРАХАНИ

Центральная площадь города, носящая имя В.И. Ленина, окружена с одной стороны высокой белокаменной стеной древнего Кремля, а с другой – комплексом современных многоэтажных зданий. В центре площади возвышается высокая скульптура фигуры вождя с поднятой вверх и вперед правой рукой, а перед ней роскошные мраморные трибуны, на которых в праздничные дни располагались местные власти, мимо которых проходили колонны демонстрантов. Площадь была создана в 1956 году в честь 400-летнего юбилея города – в XVI веке Астраханское ханство было присоединено к Российскому государству. Площадь была закрыта для транспорта и в большей своей части была засажена деревьями, кустами, клумбами роз. В летнее время пять фонтанов освежали воздух, в их бассейнах нередко плескались ребяташки, а на многочисленных скамейках вдоль площади отдыхали горожане. В одном из домов на площади Ленина мне была предоставлена трехкомнатная квартира со всеми удобствами и впервые в жизни с центральным отоплением. Располагалась она, к сожалению, на первом этаже, окна выходили во двор, где всегда было полно автомашин; подвал весной нередко заливало водой, но, все хорошо не бывает. Зато вблизи находилась школа, в которую ребята могли ходить без сопровождения, самостоятельно. Над центральными воротами кремля возвышалась колокольня, с площадки которой открывался чудесный вид на город и протекавшую рядом Волгу. На колокольне часы, подобно московским курантам, регулярно отбивали время. В самом Кремле, в бывшем Успенском соборе располагались музейные экспонаты, а в широких крепостных стенах – орудия пыток в период крестьянских восстаний XVII века, в том числе Степана Разина, который довольно долго здесь хозяйничал. Большая территория Кремля лишь недавно была приведена в порядок, в ней были посажены деревья, цветы, в старинных монашеских апартаментах находились различные учреждения и были открыты кафе и танцплощадка. Главным украшением города является Волга, по обе стороны которой преимущественно на правом ее берегу располагается Астрахань.

В середине великой реки находится большой остров, заросший кустами и деревьями, с песчаными берегами, служившими в летнее время пляжем, куда горожане доставлялись катерами. Многие жители проводили здесь даже отпускные дни, загораая на песчаном берегу и купаясь в Волге. В шутку эти места вблизи пристани

называли лежбищем. Кроме того, купальня с деревянным дном для детей, и без дна, для умеющих плавать, находилась непосредственно на набережной. В летнюю и осеннюю пору поблизости на набережной помещались садки с живой рыбой, в том числе с осетрами, судаками, сазанами, сомами, щуками и другими видами. Говорили, что в былые времена прибывающих в Астрахань удивлял постоянный запах рыбы над городом, но в мою бытность уже никакого запаха рыбы не было. Однако на базарах свежую рыбу можно было купить, за исключением периода запрета, почти всегда. Любимым угощением астраханцев была вобла, которую преподносили друг другу во все сезоны года. Рыбаки располагались на набережной, на мостах, но особенно в известных им местах за городом. В весеннюю пору к леске удочки привязывали по пять крючков и вытягивали ее лишь тогда, когда на всех болтались рыбешки. Я тоже приохотился к рыбной ловле и даже принимал впоследствии участие в соревнованиях, проводимых профкомом института. Меня всегда удивляло, что даже зимой рыба чувствовала, насколько опытен рыбак.

Нелегко вытаскивать осетра на берег из Волги (Астрахань, 1965 г.)

У меня при подледной ловле редко удавался хороший улов, а сосед - опытный рыбак, даже моей удочкой, на том же месте, из той же лунки вытягивал одну рыбу за другой. Из пойманной рыбы обычно тут же на берегу на костре готовили уху, нередко двойную и тройную, т.е. с добавлением свежей рыбы. Из осетров коренные астраханцы умели готовить в домашних условиях соленые балыки, хранившиеся годами. Пригласил нас как-то в низовья Волги мой тогдашний аспирант Я.Н. Фидуров.

Пристань в Астрахани. На теплоходе в центре мама Ю. Я. Ногаллер. Слева А.М. Ногаллер и с букетом сын Владимир. 1960 г.

Пристань в Астрахани. На теплоходе в центре – мама Ю. Я. Ногаллер. Слева А. М. Ногаллер, с букетом сын Владимир. 1960 г.

Когда лодка причаливала к берегу, я неудачно бросил большого свежепойманного, но уже неживого осетра на берег. Он упал в воду вблизи берега, но найти его не удалось, хотя мы все ныряли почти целый час. До сих пор мне жаль эту потерю. Однажды я видел живую белугу, недавно пойманную рыбаками, длиной около 5-6 метров и даже удалось сфотографироваться около нее. В те времена черная икра была вполне доступной по цене, ее свободно продавали не только на рынке и в магазинах, но приносили домой, в больницу. Позднее икра исчезла из свободной продажи, ибо ее запретили продавать, что стало считаться браконьерством. Она даже коренным астраханцам стала почти недоступна. Вблизи нашего дома находилось большое искусственное озеро, на котором плавали белые лебеди и утки, а в конце августа цвели лотосы. Вдоль набережной Волги располагался ряд пристаней – для дальних трех- и двухпалубных теплоходов, для морских судов по Каспийскому морю (до измельчания судоходного Волго-Каспийского канала).

Для пригородных катеров и скоростных судов на подводных крыльях – ракет и метеоров особенно известна была так называемая 17-я пристань, около которой находились зеленые насаждения, летний кинотеатр, рестораны на суше и на плавучем катере на Волге. Катание по Волге на больших туристических теплоходах по воскресеньям или в вечернее время на пассажирских катерах являлось любимым отдыхом астраханцев. До сих пор стоит перед глазами торжественная картина отправления больших теплоходов под волнующую музыку «Прощание славянки». Несколько раз мне удалось съездить в дельту Волги, к побережью Каспийского моря, где река разделяется на множество рукавов и где имеется заповедник для множества птиц, гнездящихся в зарослях тростника. Сильное впечатление оставляет цветение лотосов – больших, около метра в диаметре роз, а также разнообразных лилий. Нам с трудом удавалось проплыть на лодке сквозь густые зеленые заросли. В то же время основное русло реки остается достаточно широким и свободным для судоходства. Более того, в начале XXI века в низовьях Волги, в районе села Оле намечается строительство крупного порта для транспортировки грузов через Каспий с севера на юг, в Иран и Азию, а также в другие ныне страны бывшего СССР – в Казахстан, Туркменистан и Азербайджан. Из других достопримечательностей Астрахани следует отметить обилие

овощей и фруктов в осеннее время. Особенно известны астраханские помидоры – большие, сочные, мясистые, сладкие с тонкой кожицей, в отличие от оранжерейных и привозных, – мелких и толстокожих – продаваемых в западных странах, но зато круглый год. Не менее знамениты астраханские арбузы, очень крупные и сладкие. Местные жители их консервируют наподобие соленых огурцов и употребляют в течение всего года, до нового урожая. К сожалению, в последние годы в связи с обильным добавлением на полях нитратов, содержание пестицидов в арбузах резко возросло, и они нередко стали вызывать у многих людей неблагоприятные побочные явления. Кроме Волги, через Астрахань протекает еще ряд рек – Кутум, Прямая и Кривая Болда, Царев, Первомайский канал. Вдоль берегов некоторых рек находились дачные поселки. По существу город располагается на многих крупных островах, почти как Венеция, хотя между домами и водным пространством здесь имеются набережные. Каждый уважающий себя астраханец имел собственную моторную лодку или даже небольшой катер. Стоянки их, точнее причалы, имелись повсюду. Даже мы через несколько лет приобрели надувную резиновую лодку типа каноэ. Когда мы прибыли в Астрахань, еще не все речки имели каменные берега, и в жаркую пору можно было купаться в любой из них поблизости от дома. Впрочем, нам и до Волги было недалеко, а в жаркое время, когда температура воздуха значительно превышала 40 градусов днем, в тени, на набережной Волги можно было видеть купающихся даже в 10 – 12 часов вечера. Впоследствии всюду построили каменные набережные, и опустить в Волгу свои не только тело, но и ладони, вопреки совету известной песни, стало проблемой. Зато и пыльные бури прекратились, ибо раньше, когда большинство улиц еще не было заасфальтировано, сильные степные ветры разносили песок и пыль по всему городу. Пассажирский городской транспорт состоял из автобусов, всегда переполненных и душных, трех трамвайных линий между промышленными районами и... речных катеров. Троллейбусные линии провели лишь после моего отъезда. Если в первые послевоенные годы промышленность города с полумиллионным населением состояла преимущественно из судостроительных, судоремонтных и рыбоперерабатывающих заводов, то позднее развитие получили электронная и нефтеперерабатывающая промышленность, особенно после открытия вблизи города

газоконденсаторных месторождений. С одной стороны, это улучшило экономическое положение города, а с другой – ухудшило экологическую ситуацию, ибо ветры с юга нередко доносили

неприятные запахи газа.

*На берегу реки Царев. Встреча с однополчанином
М. В. Мартемьяновым. Астрахань, 1962 г.*

*На берегу реки Волги с однополчанином
М.В. Мартемьяновым (Астрахань, 1962
г.)*

В заключение описания своеобразия Астрахани хотелось бы отметить многонациональный состав жителей этого города. Спустя четыре века после ликвидации ханских владений

на Нижней Волге татарское население занимало второе место после русских и составляло около 30% жителей города. В нем проживало также немало казахов, калмыков, армян, евреев, дагестанцев и черкесов, представителей других соседних народов.

Интернациональный состав города обусловил большую терпимость людей в национальном вопросе, когда достоинство и служебная карьера определялись исключительно их деловыми качествами и способностями. В народе, а неофициально нередко и в учреждениях людей делили на две категории: коренные астраханцы, независимо от национальности, и приезжие. К последней категории было меньше доверия, ибо в большинстве своем они раньше или позже уезжали из Астрахани, так и не привыкнув к резко континентальному климату города и его отдаленности от Москвы.

Недаром в 19-м столетии Астрахань была местом ссылки, в частности Н.Г. Чернышевского, проведшего здесь два года.

Сказанное не означает, что к вновь приехавшим было недоброжелательное отношение - наоборот, люди были в большинстве своем очень доброжелательны. Однако существовало такое выражение, что человек становится астраханцем, когда полюбит кушать сазанью голову. Я ее особенно не любил, хотя она довольно сладкая. Кстати, на одной из площадей города, вблизи дома-музея семьи Ульяновых находится высокий памятник Илье Николаевичу Ульянову (1831 - 1886), который здесь родился. Отец его, местный мещанин, был женат на калмычке, что в известной мере и отразилось в некоторых чертах лица ее гениального внука - Владимира Ильича. Попутно следует отметить, что Илья

Николаевич, как и Ленин, умер от кровоизлияния в мозг и тоже в 54 года, хотя и не был создателем большевистской партии и Советского государства, вождем социалистической революции. Это говорит о том, что законы генетики трудно отменить, хотя снизить наследственную предрасположенность ко многим заболеваниям при помощи рационального образа жизни и средств медицины, несомненно, возможно. И, наоборот, своим неразумным поведением человек может ускорить и спровоцировать проявление генетической предрасположенности. В молодости, однако, люди мало интересуются состоянием здоровья бабушек и дедушек, не задумываясь о перспективах своих болезней в будущем. Наверное, это и к лучшему.

Институт, клиника, больные

Свою профессорскую деятельность я начал в должности заведующего кафедрой пропедевтической терапии Астраханского государственного медицинского института им. А.В.Луначарского, сокращенно АГМИ, в декабре 1959 года. Позднее, уже в период

перестройки, институт переименовали в медицинскую академию, а имя организатора в 1920 году Астраханского университета с медицинским факультетом, бывшего первого Наркома просвещения СССР и старого большевика Анатолия Васильевича Луначарского предпочли, естественно, опустить.

Молодой профессор. 1960

Кроме лечебного факультета, в АГМИ существовал педиатрический факультет, а впоследствии организовали и стоматологический. Моя кафедра располагалась на базе небольшой больницы водников им. З.П. Соловьева, т.е. она обслуживала работников речного транспорта Нижне-Волжского бассейна.

***Профессор А.М. Ногаллер в рабочем кабинете
(Астрахань, 1962 г.)***

Больница была мало приспособлена для учебно-педагогических и научных целей: палаты в ней были на 10 - 15 человек, отсутствовали учебные студенческие комнаты, помещения для научных исследований, лекции приходилось читать в полутемном коридоре между двумя трехэтажными корпусами. До революции владельцем этого особняка был какой-то богатый купец. Но я был счастлив иметь свой кабинет, заниматься любимым делом, читать лекции студентам, а иногда и проводить с ними практические занятия, делать два раза в неделю плановые обходы больных в палатах вместе с врачами и почти ежедневно экстренные консультации. Иногда меня вызывали даже в вечернее и ночное время при необходимости экстренной консультации. В то время интересы больного всегда были на первом месте для врача. Я был молод, а больница находилась недалеко от моего дома, так что и пешком одному дойти не составляло проблемы. Своего личного, а также государственного транспорта, кроме как у главного врача, при стационаре не было, а небольшое поликлиническое отделение находилось довольно далеко.

Несмотря на указанные неудобства работать в больнице водников было приятно, ибо сотрудники кафедры и больницы работали в тесном контакте и отношения в коллективе неизменно оставались дружескими. Штат кафедры был небольшим: заведующий профессор, один доцент, три ассистента, два лаборанта. В больничном штате было два терапевтических отделения со своими заведующими и врачами стационара. Профессора освобождали от ночных дежурств с учетом экстренных консультаций в любое время суток, а все остальные врачи, как кафедры, так и больницы дежурили 2-3 раза в месяц, естественно бесплатно, точнее, в счет своей, основной зарплаты. Много позднее врачам стали доплачивать за дежурства вне рабочего времени. В свободные минуты из окна больницы можно было полюбоваться Волгой и плывущими по ней теплоходами, катерами, грузовыми баржами, а также наблюдать за строительством и благоустройством набережной на месте бывшего пустыря. Много лет спустя в той же больнице водников им. Соловьева будет работать почти четверть века мой будущий зять Лева Шварц.

Для соответствия должности мне приходилось много работать, особенно в первое время, над своим самообразованием. Немало часов занимала подготовка к каждой лекции, ибо нельзя было

ограничиваться пересказом учебника. Свои лекции я старался иллюстрировать диапозитивами, таблицами, прослушиванием грампластинок и демонстрацией больных при изложении соответствующих болезней. Не только как педагогу, но и как врачу мне приходилось много самому учиться. Ведь раньше я имел дело только с ранеными, с больными в условиях клиники лечебного питания и курортов, контингент которых отличался от стационарных больных обычных больниц с их нередко острой патологией, требующей неотложной помощи. Первое время мне приходилось не только много читать различных руководств, но специальной литературы, но и записывать на карточки краткие истории болезней наблюдавшихся больных, чтобы лучше их запомнить. Некоторые болезни в Астрахани встречались чаще, чем где-либо в другом месте, в частности амебные абсцессы (гнояники) печени, паразитарные колиты, а также проказа и холера в период эпидемии. Проведение экзаменов у студентов тоже было для меня новым делом. Помнится, принимаю я экзамены в одной группе, и удивляюсь: один студент прекрасно отвечает на все вопросы, второй также отвечает на «отлично», за ним и третий в основном правильно. Ну, думаю, по-видимому, я слишком щедро ставлю «отлично» и из-за небольшой погрешности поставил последнему студенту не пятерку, а четыре. Спустя годы оказалось, что первый студент – Рустам Асфендиаров стал деканом и зав. кафедрой нормальной анатомии. Второй – Феликс Белоярцев в 32 года стал известным профессором-биохимиком в Москве, создавшим синтетический кровезаменитель – «голубую кровь». Судьба его, к великому сожалению, сложилась трагически: несмотря на блестящую карьеру и семейное благополучие, он закончил жизнь самоубийством, что было темой многочисленных сообщений в печати. Третий же студент, которому я несправедливо занизил оценку, Аркадий Голубев – также очень рано стал профессором, зав. кафедрой, проректором, а затем и ректором института. Поскольку жена А. Голубева Лиля была сокурсницей моей дочери и зятя, они дружили семьями, я иногда встречался с Аркадием через много лет, и он все еще не мог, как и я, забыть этой несправедливости. Впрочем, двойки ставить студентам я тоже первое время стеснялся. Лишь с опытом я научился по справедливости выставлять отметки на экзаменах.

Осенью 1960 года в 1-м Московском мединституте я защитил докторскую диссертацию. Мой научный консультант Евгений Михайлович Тареев был в это время в заграничной командировке, но многие его сотрудники пришли на защиту «болеть» за меня. Отметим мы успешную защиту узкой компанией в ресторане «Националь». Сотрудники кафедры встречали меня с цветами в аэропорту Астрахани, хотя это было уже в полночь. В 1962 году, вскоре после кончины профессора В.И. Рахмана, ректор института профессор И.Н. Аламдаров предложил мне перейти на заведование кафедрой факультетской терапии, т.е., уже для студентов не третьего, а четвертого курса. Эта кафедра располагалась на базе областной клинической больницы, или, как ее обычно называли, Александровской. Это тоже была старая больница, состоящая из комплекса двух- и одноэтажных зданий, в которых размещались различного профиля отделения. Моя кафедра размещалась на базе общетерапевтического, гастроэнтерологического, кардиологического, пульмонологического, эндокринологического и гематологического отделений. Иными словами, здесь лечились больные в специализированных отделениях с заболеваниями пищеварительного тракта, сердца, легких, крови и желез внутренней секреции (болезнями щитовидной железы, сахарным диабетом и др.). В этих условиях я уже не мог делать плановые обходы с осмотром всех больных, число которых превышало 600 человек, а в каждом отделении консультировал лишь отдельных больных по представлению лечащих врачей и зав. отделениями. Спустя несколько лет были построены на той же территории новые лечебные корпуса и аудитории. Для студентов появились учебные комнаты, а для научных целей – помещения для лаборатории и кабинета функциональной диагностики. В областной больнице размещались и многие другие кафедры медицинского института на базе хирургических, глазного, ушного, урологического и иных отделений, но нередко были совместные консилиумы у тяжелых и неясных больных. Это тоже было особенностью Астрахани, ибо позднее, когда я работал в Рязани, совместные консилиумы почти не проводились – все считали себя «сами с усами». Кроме лечебной работы в клинике, меня регулярно приглашали консультировать в спецбольницу и поликлинику – для руководящих работников города и области. К этому контингенту относились не только партийные деятели, ответственные работники советских органов,

директора предприятий, но и профессора высших учебных заведений (радиотехнического, педагогического и др.). Благодаря этому обстоятельству, я вскоре познакомился со многими интересными и начальствующими лицами. Ряд лет я был единственным профессором-терапевтом, что имело свои преимущества и недостатки. С одной стороны, у меня было много общественных поручений: председатель областного терапевтического общества, проблемной и методической комиссий и др. Но, с другой, это придавало авторитет и уважение, как в институте, так и вообще в городе. Надо сказать, что в Астрахани, несмотря на полумиллионное население, все друг друга знали, особенно в среде интеллигенции, нередко дружили семьями и частенько запросто, без предупреждений заходили в гости. В научной работе наша кафедра охотно контактировала с клиническими и теоретическими кафедрами института, особенно биохимии, патанатомии, микробиологии. Руководил кафедрой биохимии молодой и энергичный, тогда еще доцент, а впоследствии профессор, ректор института, зав. кафедрой в Москве академик АМН СССР Юрий Семенович Татаринев. Он разрабатывал оригинальное научное направление по изучению белкового состава сыворотки крови и широко контактировал с клиническими кафедрами. Так, в наших совместных работах было впервые показано значение определения в крови так называемых эмбриональных белков (или фетальных, свойственных только плоду во внутриутробном периоде развития) для диагностики первичного рака печени, а также иных белковых компонентов для характеристики активности воспалительного и восстановительного процессов. Диагностическое значение лабораторной диагностики рака печени было установлено впервые в мире и по инициативе Ю.С. Татаринева была организована при помощи Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) широкая международная проверка этого метода, подтвердившая его ценность. Наши работы были опубликованы в 1964-1966 годах в центральных отечественных медицинских журналах и, естественно, забыты. Однако направление изучения раково-эмбриональных белков под термином «маркеры опухолевого процесса» получило в дальнейшем широкое развитие за рубежом; по этой проблеме стал издаваться специальный журнал, проводились самостоятельные тематические конференции. Внедрение методов ультразвукового

исследования, рентгено-компьютерной и магнитно-резонансной диагностики снизило интерес к специфической лабораторной диагностике опухолей, однако при ряде заболеваний определение эмбриональных белков сохраняет свое значение для выявления ранних стадий болезни и спустя полвека.

Руководимая мной кафедра в научном плане занималась преимущественно проблемами заболеваний печени и желудочно-кишечного тракта. Однако, поскольку в клинике находились больные различного профиля, были выполнены диссертации по патологии сердечно-сосудистой системы, крови, сахарного диабета. Любопытно вспомнить, что при проведении обследования рыбаков, месяцами находившихся в море и питавшихся большим количеством черной икры, богатой холестерином, уровень этого вещества и других показателей липидно-жирового обмена оказался нормальным. Это свидетельствует о том, что сам по себе холестерин пищи еще не определяет развитие склероза сосудов, для возникновения которого имеет значение множество факторов (наследственность, пищевой рацион в целом, физическая нагрузка, активность жирорасщепляющих ферментов самой сосудистой, нервно-психические стрессы и многое другое).

Научной работой на кафедре занимались у меня преимущественно аспиранты, в меньшей степени – ассистенты и практические врачи. Одно время у меня было три аспиранта (Яков Николаевич Фидуров, Герман Александрович Трубников, Анатолий Григорьевич Малыгин), но поскольку я был тогда единственным профессором-терапевтом, мне представлялась возможность иметь много аспирантов. Подходит ко мне Полина Павловна Прошина (тогда она носила фамилию Манихова) и говорит мне: «Возьмите меня аспирантом. Вы не смотрите, что я толстая. Я могу много работать». Признаться, я хотел взять худенького паренька, а не замужнюю женщину с ребенком. Но ее искренние слова изменили мое мнение, для нее выделили дополнительную вакансию аспиранта, и об этом я никогда не пожалел. Она вовремя выполнила кандидатскую диссертацию, затем докторскую, была впоследствии проректором института по лечебной работе, заведовала той же, что и я, факультетской терапевтической кафедрой, была председателем областного терапевтического общества. К сожалению, она преждевременно скончалась, но оба ее наследника – сын и дочь – стали кандидатами

наук. Впрочем, и все остальные аспиранты стали позднее заведующими кафедрами, а Г.А.Трубников не только весьма уважаемым в Астрахани профессором, но и автором многих монографий. Всего у меня в астраханский период работы 10 человек защитили диссертации, хотя ряд работ остались незавершенными.

Активно работал у нас и студенческий научный кружок, и ряд его членов стали впоследствии крупными специалистами и педагогами в институте. Обучались на кафедре и клинические ординаторы, которые также нередко привлекались к научной работе.

По итогам научных исследований мы часто организовывали общероссийские и общесоюзные конференции с приглашением видных ученых со всей страны. Материалы конференции публиковались в виде сборников под моей редакцией - по заболеваниям сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта, печени и желчных путей. Иногда проводились и выездные конференции в соседние области: в Элисту в Калмыкии, в Гурьев в Казахстане, во время которых читались не только научные доклады, но и лекции врачам по актуальным вопросам болезней внутренних органов, консультировались сложные больные. Почти ежемесячно, преимущественно в летние и осенние месяцы, наше терапевтическое общество проводило заседания в различных районах Астраханской области, так что я был знаком с условиями работы врачей и состоянием больниц почти во всех районах. Недалеко от города находится грязевой курорт Тинаки. Я подружился с главврачом курорта Клименко, и мы провели совместную конференцию с приглашением гостей и изданием материалов этой конференции. Как правило, выездные заседания завершались товарищеским ужином с апробацией ухи из свежего улова. Несколько раз мы оставались ночевать в палатках, с тем, чтобы утром выезжать на катере или на лодках на рыбалку. В общем, мне удавалось сочетать полезное с приятным.

Иногда я приглашал приезжих гостей посетить еще одну достопримечательность Астрахани – единственный в стране Всесоюзный институт лепры. Для лечения лепры (проказы) в стране имелся ряд лепрозориев (в Ростовской области, на Кавказе, в Средней Азии), но научно-исследовательский институт был один. Он был неплохо оснащен, и в прошлом почти все астраханцы

выполняли диссертации по лепрозной тематике. Как при туберкулезе или сифилисе, при проказе поражаются все органы. В связи с этим вполне актуальными были работы о характере изменений при лепре со стороны сердца, печени, женских органов, глаз, ЛОР-органов, не говоря уже о коже и нервной системе, которые поражаются при лепре в наибольшей степени. В мою бытность в Астрахани тяжелых, запущенных и осложненных форм проказы было уже немного. Превалировали начальные стадии, когда лечение нередко проводилось амбулаторно и больные вели обычный образ жизни. В изоляции находились прокаженные больные с обострением болезни, наиболее тяжелые и запущенные формы. Хотя современные методы медикаментозного лечения достаточно эффективны, курс лечения обычно продолжается многие годы. В изоляции больные иногда женятся, женщины рожают и воспитывают детей, хотя в последние годы это стало скорее исключением, чем правилом, в отличие от прошлых лет. Однако Институт лепры продолжает существовать, ибо постоянно появляются новые случаи заболевания и проблема проказы не потеряла своей актуальности.

Конечно, сейчас на первый план в качестве угрозы здоровью населения и роста заболеваемости выдвинулся СПИД (синдром приобретенного иммунодефицита), но этих больных из соображений гуманности (возможно, ложной, ибо опасность заражения других людей сохраняется) теперь не изолируют от общества. Существенно, что заразиться СПИДом легче, чем проказой при нынешних методах лечения и профилактики. Чтобы закончить разговор об инфекциях, уместно вспомнить о вспышке эпидемии холеры в Астрахани летом 1968 года.

Семья А.М. Ногаллера

Мы уже переехали в Рязань, но дочь с мужем и ребенком оставались в Астрахани и с большими трудностями сумели приехать к нам из находившегося на карантине города.

Из воды рек и прудов Астрахани нередко и в прошлом высевали холероподобные микробы, но в том году питьевые источники оказались зараженными истинным

холерным вибрионом, и развилась настоящая эпидемия с массовыми заболеваниями и смертельными исходами. Точное количество заболевших и умерших было засекречено. Вначале противоэпидемическая служба переусердствовала, ее сотрудники надевали противочумные костюмы с перчатками и масками, что при холере излишне, ибо она передается не капельным, а водно-пищевым путем. В этот период любые понос, рвота, боли в животе, судороги, потеря сознания оценивались как проявление холеры, и специальные курсирующие санитарные машины подбирали на улицах подозреваемых в отношении заболевания людей и доставляли их в инфекционную больницу. Были и трагикомические случаи, когда валявшийся на улице и доставленный в больницу с подозрением на холеру мужик, придя в себя, начал кричать: «Я не холерный, я просто пьяный был, отпустите меня домой». С помощью приехавших из Москвы специалистов вспышку холеры удалось довольно быстро ликвидировать, и через месяц, примерно, карантин для астраханцев был отменен. Одним из последствий эпидемии холеры было открытие в Астрахани филиала Института эпидемиологии Академии медицинских наук СССР.

Иногда кажется, что дети растут быстро и незаметно. Но в описываемый период каждая отметка или экзамен детей-школьников были событием, волновавшим родителей. В 1962 году Анна окончила школу и решила поступать в медицинский институт. В то время конкурс для поступающих был большой, и без производственного стажа выпускник должен был набрать 20 или 19 из 20 возможных баллов, то есть сдать на «отлично» химию, физику, биологию и иностранный язык. Пришлось дочери подобрать репетиторов, провести ряд организационных мероприятий и совместными усилиями успешно сдать все вступительные экзамены. Следует отметить, что в дальнейшем Анночка успешно и с интересом занималась вполне самостоятельно и никаких забот с ее учебой не было. Студентов посылали тогда осенью на уборку урожая - на месяц-полтора. Среди студентов и преподавателей ходил такого рода анекдот. В Индии собирают по 2-3 урожая в год. Спрашивается, когда же студенты учатся. Преподавателей также посылали на сельхозработы в колхозы для наблюдения за студентами. В Астрахани студенты помогали убирать урожай помидоров и арбузов, что было легче, чем собирать картофель в Средней полосе России. Однако под палящими лучами

солнца в сентябре работать на полях тоже было нелегко. После сельхозработ Анна познакомилась слевой Шварцем, своим однокурсником, и к концу 3-го курса они решили пожениться. Свадьба была 10 июля 1965 года, на следующий день после того, как Анне исполнился 21 год (жених был на год старше). Через год родился внук Игнат, названный так в честь другого, покойного дедушки Игната Шварца, происходившего из венгерских евреев.

С женой Миррой и детьми Анной и Владимиром в Астрахани, 1964 г.

Запомнилось мне, как в жару сижу я на скамеечке на площади Ленина с внуком на коленях, укутанным в простыни. Проходившая женщина спросила о возрасте младенца. Было ему тогда... 5 дней.

С женой Миррой и детьми Анной и Владимиром в Астрахани (1964 г.)

Позднее я нередко гулял с ним на набережной Волги, причем младенец обычно дремал в своей коляске, а я ездил на велосипеде поблизости. Прохожие нередко интересовались, кто мне ребенок - внук или сын. Мне было тогда 46 лет. Позднее такой вопрос не возникал, ибо появившаяся лысина в большей степени свидетельствовала о наличии внука.

В этот период я получил от заведующего клиникой Института питания в Москве проф. И.С. Савощенко, с которым я работал еще на Кавминводах, приглашение участвовать в конкурсе на замещение вакантной должности зав. сердечно-сосудистым отделением клиники. Я подал соответствующие документы и был избран по конкурсу. Но этого оказалось мало, чтобы переехать в Москву. Нужно было получить вначале прописку, что тогда было делом трудным. Хотя у меня были медали «За оборону Москвы» и «800-летие Москвы», в положении о которых говорилось о праве на прописку в столице, но в описываемое время все льготы были отменены. С помощью Савощенко я получил ходатайство о прописке на жилплощадь матери от имени президента Академии медицинских наук и председателя Комитета по науке РСФСР, но и это не помогло. Председатель Мосгорсовета Промыслов написал резолюцию: разрешить прописку в порядке обмена. Найти обмен, проживая в Астрахани, мне не удалось, ибо на поданные

объявления никто не откликнулся. Время для обмена быстро истекло, переезжать без прописки и без гарантии на жилье, рискуя потерять уже имеющуюся работу зав. кафедрой я не решился и на вакантную должность был объявлен новый конкурс. Таковы были сложности тогда с пропиской в Москве, не то, что в нынешнее время. До сих пор не знаю, правильно ли я поступил, не использовав возможность возвращения в Москву. Ведь скоро развернулось кооперативное строительство и квартирный вопрос можно было бы решить, имея работу. Как знать, чего не знаешь!

В 1964 и 1965 годах приказом МЗ РСФСР меня назначали председателем Государственной экзаменационной комиссии (ГЭК) по выпускным экзаменам в Волгоградском медицинском институте. Экзамены по основным предметам (терапия, хирургия, акушерство и гинекология, социальная гигиена, основы марксизма-ленинизма) продолжались более месяца. Я жил в это время в гостинице, познакомился и отчасти подружился со многими профессорами института, повидал достопримечательности знаменитого города. К сожалению, на одном из экзаменов у меня возник приступ с потерей сознания - рецидив перенесенной в годы войны контузии, и я более недели провел в волгоградской спецбольнице. После выписки из больницы я продолжил прием экзаменов, сделал доклад об их итогах на заседании Учёного совета, написал отчет для Министерства, принял участие, как и в предыдущем году, в выпускном студенческом вечере, но воспоминание об этом неприятном событии осталось на всю жизнь. Впоследствии я научился предупреждать развитие приступов и практически избавился от последствий контузии.

В 1968 году я был еще раз председателем ГЭК в Ярославском мединституте, посетил тогда же знаменитые места Золотого кольца (Ростов Великий, Карабиху - усадьбу Н.А. Некрасова и др.). Вскоре Министерство отменило систему назначения председателей ГЭК из других институтов, вероятно, из экономии средств на командировки.

В своем институте, уже в Рязани, мне довелось еще дважды быть председателем выпускных экзаменов у студентов 6-го курса, а ежегодно быть членом комиссии. Самое приятное впечатление при этом остается от выпускных вечеров, когда молодые люди в праздничных нарядах получали дипломы, давали врачебную клятву Гиппократу, измененную к современным условиям, а затем

веселились в ресторане с приглашением экзаменаторов и наиболее уважаемых профессоров.

Вспоминая свою преподавательскую деятельность, хочется отметить работу студенческих научных кружков. Каждая активно работающая кафедра старалась привлекать к научной работе и студентов. Им поручались небольшие, легко выполняемые фрагменты исследований, проводимых на кафедре, а также делать сообщения о наиболее интересных и сложных случаях, наблюдавшихся в клинике. Ежегодно, весной проводились итоговые научные студенческие конференции, причем в дискуссиях по докладам нередко в большей степени принимали участие преподаватели. Труды конференций обычно публиковались, при этом на каждую работу, как и на работы сотрудников института, требовалось оформлять акты экспертизы. За подписью трех профессоров - членов специально утвержденной комиссии - требовалось подтвердить, что в работе нет секретных данных, и в то же время, что в ней имеются новые результаты. Тезисы сообщений, например, по диагностике или лечению запоров или колитов, были обычно объемом 1-1/2 страницы, а акт экспертизы занимал 2 - 3 страницы. Такой же порядок существовал до перестройки и при направлении научных или обзорных статей в медицинские журналы. К сожалению, ни одна советская работа в области медицины, после работ И.П. Павлова в 1904 году, то есть выполненная еще в дореволюционной России, не удостоилась Нобелевской премии по научной ценности выполненных исследований, но гриф их секретности сохранялся около 40 лет.

В обязанности преподавателей кафедр входило также периодически, по специальному графику дежурить по несколько часов в студенческом общежитии. Дежурные преподаватели, включая профессоров и зав. кафедрами, должны были наблюдать за порядком и поведением студентов, предотвращать возможные инциденты. Одновременно были дежурные и среди студентов. Я охотно выполнял свои обязанности дежурного, при этом не ограничивался отсиживанием в комнате отдыха – «красном уголке», а заходил в комнаты, где жили занимающиеся у нас на кафедре студенты, знакомился с их бытом, настроением и интересами, впечатлениями от моих лекций и практических занятий ассистентов. Иногда мы всей кафедрой проводили какие-либо культурные мероприятия или беседы: о клиническом

мышлении врача, о драматической медицине, воспоминания об Отечественной войне, о поездках за границу и др. Все это называлось, наряду с еженедельными политинформациями в группах, идейно-воспитательной работой среди студентов. Вспоминается следующий забавный случай. Дежурил в общежитии зав. военной кафедрой полковник Н.С. Тризна, когда у студентов был танцевальный вечер. Они начали танцевать входившие тогда в моду твист, рок-н-ролл, шейк и прочие непривычные и чуждые советским людям танцы. Полковник запретил эти танцы, а студенты написали на него жалобу ректору. На заседании Ученого совета института, наряду с другими организационными вопросами, возникла дискуссия о том, как реагировать на жалобу студентов. Одни профессора говорили, что не следует допускать чуждое, западное влияние. Другие предложили уточнить, грампластинки советского производства или западного: первые можно разрешать, а вторые - запрещать. Один член совета в шутку предложил обучить всех профессоров танцам, чтобы они знали, какие из них разрешать, а какие запрещать. Это не анекдот, а в действительности имело место.

Нет возможности вспомнить всех знакомых и коллег, с которыми приходилось встречаться в астраханский период жизни. Несколько слов напишу только о своих соседях. Над нами жила семья Винниковых, мы с ними особенно дружили, иногда выезжали прокатиться на катере по Волге, ибо Григорий Юрьевич был начальником какого-то конструкторского речного бюро. К сожалению, он умер скоропостижно, не дожив и до 60 лет. Жена, Полина Ефимовна, работала в мединституте ассистентом. Много лет спустя там же работали и обе дочери Винниковых Юля и Марина. Ровесница моего сына Вовы, 10-12-летняя Марина, была почти на голову выше него, что меня тогда очень огорчало. Прошло несколько лет, и Марина оказалась по плечо Володе. Теоретически различие в волнах роста у мальчиков и девочек хорошо известно, но, когда это наблюдаешь непосредственно на своих детях, возникает более яркое впечатление.

С соседом Тарасовым - полковником в отставке мы иногда выезжали на рыбалку, а соседа напротив - Шапошникова, актера по профессии, я любил наблюдать в спектаклях на сцене, когда он выглядел совсем другим человеком, чем в жизни: резко преображался, впрочем, как всякий актер. С тех пор я старался не

пропускать ни один спектакль, как в Астрахани, так затем и в Рязани.

И еще одно воспоминание второй половины 60-х годов. На углу нашей площади находился продуктовый магазин. Заходя в него, мы стали замечать, как исчезают из продажи продукты - вначале яйца, колбаса, мясо, затем сыры, крупы, макароны и прочие продукты. Официально о наступающем дефиците продуктов и промтоваров ничего не сообщалось, но люди предполагали, что введут опять карточную систему. В скором времени мы узнали, что в Москве произошла смена власти: Н.С. Хрущева сместили и генсеком стал Л.И. Брежнев. В продаже вновь появились продукты в обычном, не слишком разнообразном, но привычном для нас ассортименте. Чем был вызван возникший дефицит - искусственным придерживанием товаров по распоряжению сверху или же обычным местным головоутием - сказать сейчас трудно, и это осталось для меня неясным до сих пор.

Хотелось бы поделиться воспоминаниями о наиболее запомнившихся больных. У профессора Михаила Алексеевича Романова, зав. кафедрой акушерства и гинекологии нашего института, лет около 70, внезапно возникла острая сердечная недостаточность с явлениями отека легких. Он находился в нашей клинике, в отдельной палате, и мы добровольно установили около него круглосуточное дежурство врачей кафедры. Систематически измеряли кровяное давление, следили за пульсом, вводили сердечные, мочегонные и другие медикаментозные средства, давали дышать кислородной смесью и проводили все иные необходимые в подобных случаях мероприятия. Постепенно наступило улучшение в состоянии больного, опасность для жизни миновала и круглосуточные дежурства были отменены, а через пару недель Романова выписали из клиники. После того, как Михаил Алексеевич окреп, он пригласил всех врачей, участвовавших в его спасении, к себе домой на ужин и от души выразил свою благодарность. Мы выпили за медицину, ее успехи, за врачей и медсестер, за здоровье наших подопечных пациентов. Проф. Романов работал и прожил еще много лет.

Николай Георгиевич Лычманов заведовал кафедрой оперативной хирургии и был проректором по науке нашего института. Как он мне сам рассказывал, как-то на заседании Ученого совета института он почувствовал неприятное ощущение в

животе и решил тут же пощупать свой живот. Одно место ему показалось подозрительным. Проведенное обследование выявило наличие опухоли слепой кишки. Консилиум профессоров с моим участием решил направить его для дальнейшего обследования и лечения в Москву, в Институт хирургии АМН СССР им. А.В. Вишневского. Там сделали ему операцию и для долечивания он вернулся домой. Я часто наблюдал его в домашних условиях, ибо теперь он нуждался в консервативном симптоматическом лечении. Для поддержания надежды приходилось прибегать к «святой лжи», не говорить, что у него метастазы и состояние безнадежное, а уверять, что имеются симптомы колита, остаточные явления после операции, показывать рентгенограммы других больных как подтверждение отсутствия рецидива рака, о чем он догадывался. Интересно, что по принципу «утопающий хватается за соломинку», Николай Георгиевич охотно соглашался со мной и почти до самой кончины верил в «нас утешающий обман», то есть, что у него нет рецидива рака. Сказать же ему правдивый диагноз было бы безжалостно. Впрочем, в Германии считают нужным сообщать больным истинный диагноз, хотя он нередко лишает их всякой надежды, является источником психотравмы и депрессии. Но диагноз может быть и ошибочным, все бывает в жизни и в медицине. Профессор Лычманов пользовался в Астрахани большим авторитетом и как врач, и как добрый, благожелательный человек. После его преждевременной смерти одна из улиц поблизости от института названа его именем.

Вызывают меня как-то к заболевшему больному, приехавшему с оркестром на гастроль из Эфиопии. Он был скрипач, в возрасте 29 лет, проживал в гостинице. Установив признаки пневмонии, и назначив лечение, я задержался у него поговорить по-английски, ибо я только вернулся после поездки в Лондон в 1961 году, и вообще иностранцы в Советском Союзе, а тем более в Астрахани были тогда редкостью. Он рассказал мне, что окончил музыкальное училище, и у него двое детей и очень обиделся на мой бестактный вопрос: «А кем работает жена?». С негодованием в голосе он ответил мне: «Я достаточно зарабатываю, чтобы жена не работала». Меня тогда удивил ответ «отсталого африканца», ибо мы, «совки», привыкли, чтобы нормальная жена не только рожала и воспитывала детей, готовила пищу, убирала, стирала и гладила, но и работала.

Особенно запомнилась мне больная Валентина Алексеевна Инневатова. Ей было 47 лет, когда она лежала у нас в клинике в связи с хроническим холециститом и пиелитом (воспаление желчного пузыря и почечных лоханок). Эти заболевания встречаются часто, но особенностью Валентины Алексеевны было еще то, что она была с детства горбата и после перенесенного полиомиелита у нее были деформированные кисти рук и атрофичные нижние конечности, из-за чего последние годы она не могла самостоятельно передвигаться. Но главной достопримечательностью этой необыкновенной женщины было то, что у нее был муж, моложе ее на 17 лет и с которым она уже прожила 13 лет. Она отличалась своей образованностью, начитанностью, общительностью и тактичностью. Она изучила 6 языков и имела довольно много учеников, делала письменные переводы с иностранных языков для диссертантов. Я нередко навещал ее и мы разговаривали с ней на английском языке, а она исправляла мои ошибки. К ней приезжали моя жена и дети, ее посещали профессора, и со всеми она находила общие темы для беседы, всем с ней было интересно. С помощью телефона она была в курсе всех новостей в городе. Снаружи ее однокомнатной квартиры в двери, когда мужа не было дома, находился ключ, чтобы каждый посетитель мог сам войти, ибо Валентин Алексеевна не могла встать с постели и сама открыть дверь. Бандитов и жуликов тогда как-то не боялись. С мужем, Иваном Ивановичем они поженились, когда тому исполнился 21 год. Валентин Алексеевна помогла ему получить высшее педагогическое образование, к тому же он хорошо рисовал; в последние годы он преподавал в техникуме черчение и рисование, а до того был художником-дизайнером на телевидении. Иван Иванович был красивым, сильным мужчиной. Иногда он на руках выносил жену на улицу, усаживал на раму велосипеда, ибо поездка на такси была слишком дорогой для них, и они отправлялись на природу или в кино (приезжали заранее, Иван Иванович уносил ее после выхода всех кинозрителей), а затем он поднимал ее также на руках на четвертый этаж, т.к. лифта в «хрущевке» не было. Иван Иванович делал покупки, сам готовил пищу, убирал в доме и помогал одеться жене. При необходимости он доставлял Валентину Алексеевну в лабораторию клиники также на велосипеде или относил туда ее анализы. В праздничные дни они устраивали прием с приходом

молодых преподавателей кафедры иностранных языков. Молодежь танцевала, а Валентина Алексеевна придумывала различные шутки, готовила карнавальные маски или елочные игрушки, читала стихи. Она очень любила, когда я ей присылал из своих поездок открытки с видами соответствующего города или курорта. Как-то на вопрос, был ли Иван Иванович ее первым мужем, Валентина Алексеевна ответила: «Нет - третий, но те были плохие. Если бы Иван Иванович был плохим, я и от него бы ушла». А как она могла бы уйти, не имея возможности самостоятельно встать с постели, осталось неясным. Однако, Иван Иванович был действительно образцовым мужем. Однажды я задержался у Валентины Алексеевны и собирался уходить, но она попросила подождать прихода мужа, сказав при этом: «В 12 часов у него кончаются занятия, 10-15 минут на дорогу и столько же на покупки в магазине по соседству». И действительно, ровно в половине первого, почти минута в минуту он возвратился. Скончалась Валентина Алексеевна почти внезапно и тем самым не доставила мужу и окружающим больших забот. Об этом я узнал уже в Рязани из письма Ивана Ивановича, в котором он искренне писал о своей печали в связи с кончиной жены. Какой ему был бы смысл притворяться передо мною, живущим уже далеко в другом городе? И спустя год я получил от него трогательное письмо с изложением своей скорби в связи с потерей такой замечательной женщины, какой была Валентина Алексеевна. Но время берет свое и еще через какое-то время он женился на 19-летней девушке, которая родила ему сына. Иван Иванович просто горячо любил и уважал Валентину Алексеевну за ее ум, деликатность, оптимизм и доброжелательность. Кто может научно объяснить, почему молодые, красивые, здоровые и обеспеченные люди разводятся, а этот брак, я уверен, просуществовал бы еще много лет, если бы не кончина Валентины Алексеевны.

Я близко познакомился с еще одним больным, С.Ф. Курганом, который был математиком по профессии. Он с детства был незрячим, но очень хорошо играл в шахматы. Он имел свою доску с деревянными фигурами, черный цвет которых был с насечками. Перед тем, как сделать ход, он ощупывал фигуры на доске и делал совершенно правильные ходы. Однажды я, играя с ним, случайно зевнул фигуру и непроизвольно воскликнул: «Ой, не видел!».

Конечно, в игре со слепым человеком это было бестактное восклицание, но противник сделал вид, что его не заметил.

Вместе с ним и его другом, преподавателем математики в Рыбтехинституте Казаровым мы составили программу для компьютерной диагностики заболеваний печени. На основе большого имеющегося в клинике и обработанного материала по болезням печени, я составил таблицу, где по горизонтали были написаны 28 основных заболеваний печени, а по вертикали около 130 симптомов и их частота в процентах при каждом из заболеваний. Мои друзья составили для электронно-вычислительной машины (ЭВМ) программу, облегчающую дифференциальную диагностику сходных заболеваний печени и желчных путей. У каждого больного в соответствующей анкете врач должен был отметить наличие или отсутствие перечисленных симптомов, а ЭВМ уже сама выдавала предположительный диагноз. Наша совместная статья «Опыт использования ЭВМ в диагностике заболеваний печени» была одной из первых по применению компьютеров в медицине и опубликована в журнале «Терапевтический архив» за 1967 год.

Еще один полутрагический и полукомический случай из моей врачебной практики. У дочери моих хороших знакомых М. вскоре после родов возникли симптомы желчнокаменной болезни. Года через два она решилась на операцию, а вскоре по моей настойчивой рекомендации и при моем содействии она приобрела путевку на курорт Железноводск. Там она настолько хорошо себя чувствовала, что влюбилась в молодого мужчину и уехала с ним в Ростов, оставив дома не только родителей, но и прекрасного мужа (молодой, заботливый, красивый, уважаемый врач) и двухлетнего сына. Спустя неделю, она опомнилась и вернулась в Астрахань и была прощена мужем, с которым она прожила в полном согласии еще много десятков лет. Я чувствовал себя косвенно виноватым во всей этой истории – «перелечил» больную. Из этого можно сделать еще один вывод, впрочем, не новый: «Omne nimium nocet - Все излишнее вредит», в том числе и излишняя любовь мужа. Мне кажется, что жены чаще болеют у невнимательных, безразличных мужей или же, наоборот, у чрезмерно заботливых. Может быть, не все с этим согласятся, но мой опыт это наблюдение подтверждает.

Однажды я спросил у больного с подозрением на желтуху, не появилась ли у него темная моча, цвета пива. А он мне в ответ:

«Какого пива, рижского или жигулевского?» Признаться, к стыду своему, я не знал, какого цвета были эти два, единственных в СССР, сорта пива. А если бы меня спросили о цвете пива в Германии, где их около 600 сортов?

В правительственной резиденции

В конце августа 1966 года поздно вечером приезжает за мной дежурная машина спецбольницы и привозит на летнюю дачу обкома КПСС. Дача находилась на берегу Волги, в живописной местности вблизи города. Там уже находились областные специалисты - хирург и инфекционист. Нам сказали, что предстоит консилиум у заболевшего президента Финляндии Урхо Кекконена, который был совместно с руководителями нашей страны на рыбалке и охоте на уток в дельте Волги. Около полуночи на катере прибывает на обкомовскую дачу катер с президентом Финляндии и его немногочисленной свитой в сопровождении председателя Совмина СССР Алексея Николаевича Косыгина и лечащего врача Брежнева Николая Григорьевича Родионова. Сам Леонид Ильич и председатель Верховного Совета СССР Николай Васильевич Подгорный остались продолжать рыбалку. У Кекконена была высокая температура, понос, умеренные боли в животе, симптомы интоксикации. Наш консилиум пришел к выводу, что имеется пищевая инфекция и нет необходимости операции или срочной госпитализации. Пока мы обследовали и обсуждали состояние больного, Косыгин ушел в отведенную ему комнату отдыхать. Наш громкий разговор мешал ему уснуть и он вышел отругать шумливых соседей, но, увидев дискутирующих в коридоре врачей, примолк и лишь поинтересовался нашим мнением. Было решено, что Кекконен и Косыгин полетят утром в свою основную резиденцию в Пицунде, откуда они прибыли порыбачить в Астраханскую область, а врач Родионов вернется к своему подопечному Л.И. Брежневу. За короткое время общения с Н.Г. Родионовым мы прониклись взаимной симпатией и несколько лет поддерживали контакт, переписывались и даже виделись в Москве. Попутно замечу, что Косыгин был вообще без сопровождения и на всех троих высших руководителей страны был один врач. Это уже позднее Е.И. Чазов создал при каждом из руководителей по целой врачебной бригаде с лабораторией и всем необходимым для экстренной помощи. Не говоря уже о Б.Н. Ельцине, но и молодой,

спортивный В.В. Путин выезжает теперь с тремя врачами, как об этом писала немецкая русскоязычная газета. У Родионова, которому было тогда около 50 лет, была гипертония, и он скоропостижно скончался, а его пациент Брежнев на много лет пережил своего врача. Обкомовское начальство для сопровождения Косыгина и Кекконена решило послать меня и утром следующего дня мы выехали всего на трех машинах (впереди охранники, затем машина с премьером и президентом, сзади сопровождающие лица, в том числе и я) в аэропорт. Отмечу, что по дороге, как в Астрахани, так и от аэропорта Адлер до Пицунды никакого перекрытия движения или специальной дополнительной охраны по краям дороги или в виде эскорта не было. На машине руководителей были государственные флаги СССР и Финляндии, и немногочисленные прохожие иногда приветственно махали руками. В самолете Ил-18 мы уложили больного на обычные носилки, и он дремал в дороге. Косыгин был, как всегда, немногословен, сидел в общем отсеке и читал какую-то толстую довольно потрепанную книгу, вероятно, художественную литературу. Из сопровождающих были советник финского посольства, очень хорошо говоривший по-русски и выполнявший роль переводчика; адъютант и охранник президента в военной форме; сотрудник КГБ в штатском и я. Меньше, чем за 2 часа, мы достигли Пицунды, где за высокой оградой находилась правительственная резиденция. Внутри огражденной территории находилось несколько трехэтажных зданий, большой парк с цветами и тропическими растениями. Несколько дорожек вели к морю, где на пляже были оборудованы раздевалка, душ, туалет, - все это отдельно для каждого здания. Меня поместили в одном здании с Кекконеном, а Косыгин занимал отдельное здание вместе со своей семьей. Была там и женщина - врач из 4-го управления Минздрава, специально прикрепленная к семье премьер-министра. Она хотела мне показать жену Косыгина, у которой были какие-то боли в животе, предположительно колит, но больная отказалась от услуг провинциального профессора. Вскоре выяснилось, что у нее не колит, а рак кишечника, и она довольно быстро скончалась. В мою обязанность как лечащего врача гостившего у нас президента дружественной страны входило трехразовое посещение больного и личная выдача ему лекарств. Каждая скляночка была опечатана, на пломбе стояла фамилия аптекаря, дата и место изготовления

лекарства. Состояние больного значительно улучшилось уже на следующий день. Кекконен был высокого роста, спортивного телосложения, в молодости чемпион Финляндии по прыжкам в высоту. Мне рассказывали, что как-то отдыхал он в Крыму (он любил приезжать в СССР на отдых и вообще был дружески расположен к России) и в сопровождении руководящих лиц решил совершить прогулку по берегу моря. Однако он шел в таком быстром темпе, что наше начальство не успевало за ним и вынуждено было вызвать легковую машину, чтобы догнать его. В то же время Кекконен перенес операцию по удалению желчных камней несколько лет назад и, по-видимому, его кишечник был ослаблен и не вынес избыточной пищевой нагрузки (наваристая уха, жареная утка). Кроме выдачи лекарства, я составлял для больного индивидуальную диету, а пищу готовили специальные повара правительственной резиденции. С шеф-поваром мы долго обсуждали, можно ли дать больному грузинское вино, и как действует хванчкара на кишечник. К тому времени президенту стало лучше, и он решил не отказываться от вина. Свита питалась отдельно, причем так обильно и с таким количеством вина, что я боялся, как бы самому не заболеть по причине слабости моего кишечника. Приходилось отказываться от многих вкусных вещей. Общались мы на английском языке, и я сам удивляюсь теперь своей тогдашней смелости и общительности. Я даже рассказывал анекдоты о врачах и из серии армянского радио. С Кекконеном мы общались через переводчика, хотя он неплохо понимал русский язык и иногда употреблял русские слова. Мой английский был также далек от дипломатического уровня. В свободное время мы, сопровождавшие лица, купались в море или в плохую погоду в бассейне, расположенном тут же в здании. Однажды я попытался один погулять по парку, и тут же был задержан охраной как подозрительное лицо. Начальник охраны посоветовал мне не удаляться одному от своего здания больше чем на 20-30 метров. С Косыгиным я встречался несколько раз, он ежедневно навещал Кекконена, мне пожимал руку и спрашивал о здоровье президента. На отвлеченную тему мне поговорить с премьер-министром страны не удалось. Кстати, почти каждый мой разговор и поведение контролировались сотрудником КГБ, и несколько раз он делал мне замечания о моем, с его точки зрения, неправильном поведении (например, как я мог спрашивать, была ли у господина президента

дизентерия). Через пару дней президент почувствовал себя настолько хорошо, что я разрешил ему искупаться в море, а также посмотреть кинофильм в находящемся в том же здании кинозале. Показали президенту очень хороший фильм «Женщины», он в основном все понимал. Только в одном месте он попросил переводчика пояснить. В картине был такой эпизод: подружки говорят между собой, глядя на обновку, Дуся, мол, за границей-то какую себе шубу оторвала. Президент не понял, почему она порвала новую шубу. Подобную идиому русского языка действительно нелегко понять. Через три дня президент почувствовал себя вполне здоровым, и необходимости в моем дальнейшем пребывании в правительственной резиденции больше не было. Хотя это было в канун начала учебного года, меня обеспечили билетом на самолет на Астрахань и доставили в аэропорт на правительственной машине. Перед моим отъездом президент Финляндии тепло меня поблагодарил и подарил на память золотые (а может быть, позолоченные) запонки, которые я надевал в наиболее торжественных случаях. К сожалению, в последующих переездах они потерялись или были украдены. Перед моим отъездом президент устроил общий обед и был сделан фотоснимок на память.

После моего возвращения в Астрахань первый секретарь обкома пригласил меня к себе и детально расспрашивал о моем пребывании в правительственной резиденции, остались ли довольны Косыгин и Кекконен. Обычно к секретарю обкома нелегко попасть на прием, а тут меня приняли без всякого ожидания или очереди. На этом мое общение с властью имущими закончилось.

Первые зарубежные поездки

В период так называемой «хрущевской оттепели», т.е. после строгостей сталинского режима расширились контакты с зарубежными странами, и советские ученые стали чаще выезжать за рубеж. У меня сохранились контакты с Институтом питания АМН СССР, где я узнал о предстоящем летом 1961 года Всемирном конгрессе по диетологии в Лондоне. Я прислал в Институт питания тезисы моего сообщения на конгрессе о так называемой «магниево-диете» и их совместно с тезисами других сотрудников института через Минздрав СССР переслали в

оргкомитет конгресса в Лондон. Мой доклад включили в программу заседаний конгресса. Но до разрешения на поездку было еще далеко. Я должен был получить согласие на поездку парткома и ректора института, обкома КПСС и неофициально органов КГБ, затем эти материалы направлялись в Министерство здравоохранения РСФСР и далее СССР, где уже окончательно формировался состав делегации на лондонский конгресс. Подобная система оформления документов при поездке за рубеж, в несколько упрощенном варианте, существовала и для туристической поездки, когда вместо Минздрава состав делегации формировал областной комитет профсоюзов, также под контролем соответствующих компетентных органов. Этот порядок существовал до самой «перестройки», т.е., до 1990 года. В Астрахани меня знали, и оформление документов не составило больших затруднений, в то время как в Рязани и Москве это было сложнее. Первоначально на конгресс в Лондон собирались поехать 12 человек, но большинство лиц не утвердили в Минздраве. Вероятно, я в какой-то степени случайно попал в утвержденный состав делегации. Многие из кандидатов на поездку начали спорить и доказывать свои права, и их не допустили до поездки. Я же случайно приехал в Москву заранее и скромно спросил в Отделе международных связей МЗ, есть ли у меня шанс поехать, и мне сказали: «Ждите разрешения». Прибыл же я в Москву в июле 1961 года заранее потому, что провожал гостившего у нас племянника Мишу 11 лет. Перед тем, как нас троих утвердили для поездки (кроме меня еще двух сотрудников московской клиники - Е.А.Беюл и Г.Ф. Маркову) нас пригласили к инструктору ЦК КПСС на Старой площади в Москве, куда мы попали после тщательной проверки наших документов. Во время инструктажа нам внушали, что мы должны быть бдительны, не ходить поодиночке, что нам не следует общаться с иностранцами, так как возможна провокация и т.п. Заграничные паспорта нам выдали только поздно вечером накануне вылета. В то время был такой порядок – не выдавать заранее зарубежные паспорта, чтобы люди не разгуливали с ними по стране, а по возвращении тут же сдавали туда, где их получили. Хорошо, однако, что Минздрав заранее заказал для нас авиабилеты и оплатил большую часть стоимости поездки, ибо мы имели возможность не только участвовать в работе конгресса, но и как научные туристы (была такая категория) могли пробыть в Лондоне

12 дней. Забегая вперед, уместно отметить, что вся эта поездка почти на две недели обошлась мне всего в 300 руб. (около 300 долларов по тогдашнему курсу обмена валюты). Вспоминая прошлое, невольно отмечаешь, что было в нем много плохого, несуразного, но и много хорошего. На руки нам выдали по 5 фунтов стерлингов, т.е., по 12 долларов, а их получила на всех Глафира Федоровна Маркова. Мы летели на английском самолете, и когда стюард предложил нам что-либо попить (вино, коньяк, пиво, соки и пр.) мы постеснялись спросить, нужно ли за это платить, а то, что стоимость обеда входит в цену билета, нам было известно. По согласованию с попутчиками, я заказал на троих по бокалу пива, ошибочно поняв из проспекта о нашем полете, что напитки также входят в стоимость билета. Когда через какое-то время стюард предложил мне оплатить за пиво, я обратился к дремавшей Марковой с тем, чтобы она достала деньги, ибо, к нашему огорчению, пиво оказалось не бесплатным. Когда я принес позднее стюарду деньги за пиво, он отказался их принять, рассудив, очевидно, что, если у джентльмена нет денег даже на пиво, и он должен просить у леди, то можно ему пожертвовать эту небольшую сумму. Я вспомнил этот эпизод в качестве иллюстрации доброго отношения к советским людям в то время, с чем мы не раз сталкивались во время нашего пребывания в Англии.

Первые впечатления всегда самые яркие, и нас удивляло и левостороннее движение транспорта, и разнообразная окраска одного и того же дома, и обилие реклам, и наличие частных дорог и садиков в городе. Нам предоставили отдельные комнаты в прекрасной гостинице в центре города на Oxford street и переводчицу на время работы конгресса. Все расходы оплачивала туристическая фирма Frames, включая питание и поездки по стране. В гостинице связь между комнатами осуществлялась через телефонистку, и я нередко, лишь чтобы пообщаться с ней на английском языке, звонил своим соседям. Когда же при отъезде из гостиницы мне предъявили счет за эти разговоры, а денег у меня уже не было, да и жалко было их выбросить зря, я вспомнил о фирме, пообещав, что она и за это заплатит. На конгресс, продолжавшийся шесть дней, мы прибыли с опозданием на три дня. Поэтому нам дали для выступлений по 5 минут вместо 10 минут по программе, в промежуток, отведенный для прений. Я выступил первым, и когда объявили мой доклад, раздались бурные

аплодисменты: не потому, что кто-то знал профессора Ногаллера, а из-за того, что я был представителем страны, первой отправившей в космос человека. Как раз накануне, 12 июля 1961 года в Лондон прилетел Юрий Гагарин и его портреты вместе с молодой, красивой королевой Елизаветой Второй были развешены повсюду. Таким образом, слава Гагарина сказалась и на отношении ко всем советским людям.

Резким контрастом явилось отношение к нам на конгрессах спустя 30 - 40 лет, когда нередко представители восточноевропейских стран вообще не хотели общаться с российскими делегатами как представителями якобы оккупантов. На конгрессе в Лондоне мое сообщение заняло не 5, а 7 минут, затем были вопросы и ответы, на что ушло еще минут 8; время для дискуссий окончилось и другим приехавшим со мной докладчикам выступить не удалось - в соответствии с регламентом ровно в 13 часов был объявлен перерыв. Иными словами, СССР - великая страна, Гагарин - герой, но время для обеда священо и нарушать регламент даже на 5-10 минут ради гостей нет необходимости. Это меня тоже удивило, ибо у нас, несомненно, дали бы всем слово, а перерыв на обед подождал бы.

Большое впечатление на меня произвели приемы у мэра Лондона, в королевском обществе врачей, у министра здравоохранения правительства ее Величества королевы Великобритании и Северной Ирландии, в различных фирмах. Как говорится, пустяк, но приятно, когда на приеме у мэра Лондона мажордом (организатор приема или вахтер) при входе, глядя на приглашенный билет, громко объявляет: «Мистер Ногаллер», и мэр города, его супруга и дочь пожимают руки каждому приглашенному.

Особенно приятная обстановка была на торжественном ужине после симпозиума в Оксфорде. Об уважении к советским людям свидетельствовало приглашение нас в гости домой к профессорам Кодичеку в Кембридже и Синклеру в Оксфорде вместе с ведущими учеными - участниками конгресса.

Нет возможности описывать здесь увиденные достопримечательности Лондона - Букингемский дворец, памятник королевы Виктории и смену караула, Трафальгарскую площадь и колонну Нельсона, парламент и часы Биг Бен, площадь Пикадили, набережную Темзы, Вестминстерский кафедральный собор и

католический собор св. Павла, Национальную и Тэйт-галереи, музей мадам Тюссо, Тауэр и знаменитый тауэрский мост, Гайд-парк и район Ковентгарден, Хайгетское кладбище, где похоронен Карл Маркс и на памятнике которому высечены слова «Философы лишь объясняли мир, а нужно его изменить» (мысль, может быть, и правильная, а на практике получилось у последователей Маркса не лучшим образом) и многие, многие другие известные места.

Но как не вспомнить, что по традиции спикер парламента и сейчас сидит на мешке с шерстью, как символом богатства Англии. Королева в своей ежегодной речи в палате лордов сидит на троне, а с правой стороны - супруг принц Эдинбургский, а с левой - старший сын, наследник престола Чарльз (позднее вдовец, после трагической гибели принцессы Дианы). Во время выступления королевы члены парламента по традиции стоят в отведенных сзади местах, ибо более 300 лет назад парламента постановил в годы революции в XVII веке под руководством Кромвеля казнить короля Карла I (1649 г.). Сейчас памятники королю Карлу и Кромвелю стоят почти рядом по обе стороны входа в парламента.

Нет возможности углубляться в историю. Лучше вспомнить собственные приключения. Я не знал тогда, что район Сохо имеет дурную славу. Иду я по его узким улицам, гуляя днем в свободное время, и вижу: стоит в дверях подъезда, около ресторана какая-то девушка. Я посмотрел на нее, как на всякие другие достопримечательности, а она мне что-то быстро сказала. Я не понял и сказал ей об этом. Тогда она мне медленно, показывая на себя, сказала: «Do you want girl?». От неожиданности, и запуганный еще в Москве при инструктаже в ЦК КПСС я чуть ли не бегом пустился от нее прочь. Когда я потом рассказал об этом Жене Беюл, она сказала: «Ты хоть бы цену для интереса узнал». В том же районе Сохо зашел я в книжную лавку и начал рассматривать открытки и журналы. Из глубины лавки, где до того никого не было, вдруг выскочили сразу два продавца и начали спрашивать, что я хотел бы приобрести и не могут ли они помочь. Не мог же я им сказать, что мне просто любопытно поглазеть, а покупать я ничего не хочу. Я спросил первое, что пришло в голову, нет ли у них открытки с портретом королевы, Они рассмеялись и сказали, что таких открыток у них нет. Тогда я только понял, что у них специализированная лавка.

В нашей гостинице на Оксфорд стрит была группа советских туристов. Среди них было несколько молодых, интересных женщин. Пошли мы как-то вечером вместе с ними, с Женей и Глафирой смотреть достопримечательности, руководствуясь туристической картой. Подошли двое мужчин и спросили, не могут ли они помочь. Я сказал, что мы разыскиваем дом-музей Диккенса. Они нас проводили к закрытому уже музею, затем до гостиницы. Мы познакомились с ними и проговорили около часа. Одного звали Джим Смит, другого - Филлипс. Они пригласили посетить их дом завтра. Все женщины тут же отказались, а я из любопытства согласился. На следующий день, около трех часов дня, они заехали за мной на такси в гостиницу, и мы поехали к Джиму домой. В дороге я подумал, а вдруг это действительно какая-то провокация, а они преступные элементы. Когда же мы приехали к Джиму домой и нас встретили его жена, дочь и сын, я понял, что опасения были напрасны. Мне показали их довольно скромную квартиру из трех комнат на 4-м этаже и угостили праздничным обедом: салат с колбасой, пирог, который Джим сам приготовил, сухое вино «sherry», кофе. На следующий день мы вместе смотрели смену караула у Букингемского дворца, причем жена Джима, прожившая в Лондоне всю жизнь, сказала, что смотрит это зрелище в первый раз. Так бывает, что люди свой родной город знают хуже, чем приезжающие туристы, стремящиеся посмотреть, по возможности, все достопримечательности. Впоследствии я переписывался с Джимом, и, когда в 1966 году я вместе с женой попал опять в Лондон, мы снова встретились. Джим с женой и племянницей приехали к нам на корабль, где мы угощали их в баре. На следующий день они возили нас по городу, показали музей мадам Тюссо и Тауэр. К сожалению, переписка позднее прервалась, так как я перестал получать ответы.

Нет возможности вспоминать поездку в летнюю королевскую резиденцию в Виндзорском дворце и колледж для английской аристократии Итон, в университетские города Оксфорд и Кембридж, на родину Шекспира Стратфорд - на - Эйвон. Кстати, последнюю поездку мы совершили в автобусе вместе с американскими туристами и вопреки инструкции в ЦК КПСС широко общались, пользуясь наступившей оттепелью. О своих впечатлениях о пребывании в Англии я затем рассказывал друзьям

и знакомым по 5 - 6 часов и огорчился, что не мог обо всем рассказать.

Перед студентами я в порядке идейно-воспитательной работы выступал с беседой под названием «Ленин в Лондоне» (у меня действительно была такая брошюра), но в основном я, конечно, рассказывал о достопримечательностях города и своих впечатлениях.

Спустя пять лет мне посчастливилось вместе с женой вновь побывать не только в Англии, но и в ряде других стран. В мае 1966 года мы совершили круиз вокруг Европы на большом комфортабельном теплоходе «Тарас Шевченко». В течение 20 дней мы побывали в Швеции (Стокгольм), Дании (Копенгаген), Лондоне, во Франции (Гавр, Париж), в Италии (Неаполь, Помпея, Рим), в Греции (Пирей, Афины), в Турции (Стамбул). Выехали мы из Риги, а возвратились в Одессу. Мы занимали двухместную каюту с двухэтажными койками, и стоило это всего по 700 рублей с человека (в то время это еще была значительная сумма). На верхней палубе теплохода каюту-люкс занимал Леонид Утесов с дочерью Эдит. Экскурсии они совершали вместе с нами, но в вечере самодеятельности, когда экскурсанты из различных городов соревновались в песнях, танцах, чтении стихов и пр., участия не принимали. Невозможно сейчас описывать впечатления от этой прекрасной поездки. Впрочем, когда меня в Бискайском заливе укачивало, и я вынужден был несколько часов с закрытыми глазами лежать на койке, путешествие уже не казалось таким прекрасным. В остальное время качку на море я хорошо переносил, тогда как Мирру укачивало довольно часто.

Несколько полукомических эпизодов мне все же хотелось здесь вспомнить. На таможне в Риге служащий обратил внимание на поллитровую банку с черной икрой. Он спросил меня, что здесь такое. Пока я раздумывал, можно ли сказать, что черная икра или это везти не разрешается, он сам сказал: «варенье», что я охотно подтвердил. В Греции мы эту банку вместе с бутылкой водки бездарно обменяли на две сетчатые синтетические рубашки с короткими рукавами. Сейчас лучше бы сами съели эту икру, но тогда синтетика была в дефиците, так что обе стороны были довольны обменом.

Из других забавных эпизодов. Когда мы проезжали на туристическом судне по Сене в Париже, и нам рассказывали о

достопримечательностях вокруг и названиях мостов, под которыми мы проплывали, одна экскурсантка спросила: «А мост Ватерлоо мы уже проплыли?». Известно, что этот мост находится в Лондоне как символ победы Нельсона над Наполеоном, но когда экскурсии проходят по типу «галопом по Европам», вполне можно и спутать. Другая туристка как-то спросила меня уже на обратном пути в поезде: «Где это было, чи в Швеции, чи в Греции?».

Незабываемыми были встречи с нашими знакомыми в Италии. Когда Мирра ездила в Венгрию в 1956 году, она познакомилась с двумя итальянцами. Затем оба итальянца стали ей писать, а отвечать на письма в течение 10 лет было поручено мне, что я исправно выполнял. Мы обменивались фотографиями и новостями на русском, итальянском или английском языках. И вот, спустя десять лет, нас встречает на пристани Неаполя адвокат Карло Филланджери с двумя своими очаровательными дочерьми, Допателлой и Фиореллой, с огромным букетом цветов в руках. Вечером нас пригласили в небольшую таверну, где мы впервые попробовали пиццу в виде высокой пирамиды, пили вино и пели неаполитанские песни, мотив которых был нам известен. Это было удивительное ощущение нереальности происходящего, похожее на сон: после всех ограничений сталинского режима, с его «железным занавесом», находиться в Неаполе, пить там вино и напевать знакомые с юности мелодии «О, море, море», «Вернись в Сорренто» и др. На следующий день, учитывая наш восторг в отношении неаполитанских песен, Карло подарил нам долгоиграющую пластинку знаменитого американо-итальянского певца Марио Ланца, которая хранилась у нас около 40 лет.

В Риме нас навелит другой знакомый - Вито Саккети с женой Иджеей и дочерью Данислей. Глава нашей делегации разрешил нам осмотреть достопримечательности города не с группой, а со своими знакомыми - недаром это было время оттепели. Все же он с облегчением вздыхал, когда мы своевременно являлись к обеду и в гостиницу на ночь. В последний день так получилось, что мы вообще одни бродили по Риму и встретились с группой лишь перед отъездом автобуса у Колизея. Вито был по профессии шофер, работал и жил в Болонье. Он показал нам намного больше достопримечательностей вечного города, чем это смогла сделать туристическая группа. Позднее, во времена правления Брежнева, подобной свободы передвижения, отдельно от туристической

группы уже не было. Через несколько лет Даниеля приезжала как турист в Москву, и мы с ней там общались и оказывали всевозможное внимание; к тому времени мы жили уже в Рязани. Навестить, однако, наш дом соответствующие органы ей не разрешили. В 1994 году, то есть, спустя 28 лет, я был на конгрессе в Болонье и виделся вновь с Вито и Иджеей, останавливался у них на ночь. Мы вместе более детально, чем я успел сделать самостоятельно, осмотрели достопримечательности города, особенно в сопровождении их племянницы, говорившей по-английски. Со стороны было видно, как изменяет время людей - ведь прошло почти 30 лет с момента нашей первой встречи. Вито был старше меня лет на десять. Встреча была теплой и дружеской. Даниеля вышла замуж за грека, у нее было уже двое взрослых детей, и жила она с семьей в Афинах.

Возвращаясь к поездке на теплоходе «Тарас Шевченко» в 1966 году, хотелось бы описать впечатления от Афин с их Парфеноном и кариатидами, со скульптурами Сократа и Платона и многими другими шедеврами. Посетили мы также Стамбул (в прошлом Константинополь) и через проливы Босфор и Дарданеллы (проплыв, как Одиссей между Сциллой и Харибдой), пересекли Черное море и вернулись в СССР через Одессу. О впечатлениях об этой поездке и посещении различных городов я не раз рассказывал студентам во время дежурств в общежитии, на студенческом «огоньке» и в студенческом научном кружке своей кафедры, а также коротко даже на лекциях. В дальнейшем мне довелось, работая уже в Рязани, посетить в качестве туриста Индию (Дели, Агру со знаменитым Тадж-Махалом, Бомбей, Мадрас и др.) и Шри-Ланку (Канди, Коломбо), ГДР, Польшу, Чехословакию, Болгарию, совершить поездку на теплоходе по Дунаю (с посещением Измаила, Будапешта, Братиславы, Белграда). Мне трижды посчастливилось посетить Израиль как в качестве туриста, так и в качестве участника научного конгресса.

Огромные впечатления от этой страны могли бы быть предметом отдельной книги. Главное же заключается в том, что там начинаешь понимать, что для истории человечества каких-то 100-300 лет еще небольшой срок, ибо там повсюду можно увидеть свидетельства событий двух-, трехтысячелетней давности. О своих поездках я рассказывал всегда сотрудникам и студентам. Любопытно, что, когда я лет через двадцать или больше встретился

и разговорился со своим бывшим студентом, он сказал мне, что хорошо помнит меня и мои лекции. Я подумал, что ему помнятся основы внутренних болезней, которые я излагал на своих лекциях. Оказалось, что эти лекции у него смешались в памяти с лекциями других профессоров, а мой рассказ о поездке в Индию с демонстрацией диапозитивов, запомнились ему больше всего.

Хорошо, что хоть этим запомнился некоторым студентам профессор Ногаллер. Со своей стороны, должен признать, что большинство студентов я не мог запомнить, но некоторые запомнились мне на всю жизнь, преимущественно двоечники, пересдававшие экзамен по несколько раз, иногда отличники, члены научного кружка, а также отличавшиеся на вечерах студенческой самодеятельности, которые я любил посещать. После прекращения своей педагогической деятельности, которой я в общей сложности занимался более 37 лет, мне очень не хватало общения со студенческой молодежью.

В РЯЗАНИ

В конце августа 1967 года я прибыл в Рязань, куда был избран по конкурсу на должность зав. кафедрой пропедевтики внутренних болезней медицинского института им. И.П. Павлова.

С семьей дочери Анны. Сидят: Мирра Ногаллер, внук Женя, дочь Анна. Стоят: Александр Ногаллер, внук Игнат, муж дочери Лев. Астрахань, 1970 г.

*С семьей дочери Анны.
Сидят: Мирра Ногаллер, внук Женя, дочь Анна.
Стоят: Александр Ногаллер, внук Игнат, муж дочери Лев
(Астрахань, 1970 г.)*

В Астрахани мне работалось хорошо, а уважения ко мне как со стороны коллег, так и начальства было больше, чем где-либо еще за всю мою жизнь.

Однако климат был там труднопереносимым: летом слишком жарко, зима бесснежная, частые ветры. Жена упорно настаивала на переезде, а я скучал без зимнего спорта, к чему привык с детства, и горевал о Москве. С сожалением покидал я «милую Астрахань»,

как я всегда называл этот город, друзей и знакомых, коллег и дочь с ее семьей.

В Рязани мне предоставили одну комнату в студенческом общежитии, куда вскоре переехали и жена с сыном.

Володя больше нас сожалел о неудобствах жизни в одной комнате, ибо в его сознательной жизни это было у него впервые.

*На соревнованиях по лыжам
(Рязань, 1984 г.)*

Мы же радовались «неброской красоте средней полосы России» (по выражению К. Паустовского), краскам золотой осени. С

удовольствием мы читали стихи С. Есенина, так как именно здесь они звучали особенно актуально и соответствовали окружающей природе. Из окна был виден «костер рябины красной»; в изобилии растущие во дворе березки позволяли лучше понять есенинские стихи. В ожидании выделения квартиры в городе мы прожили в общежитии целый год. В Астрахани мы передали нашу квартиру горисполкому, а не поменяли ее на дополнительную площадь в Рязани, как это сделали бы умные люди. Но к комбинациям я был не способен и был рад получению малогабаритной, трехкомнатной «хрущевской» квартиры. Достоинством ее была близость к городской роще, в которой не только можно было гулять и посещать бассейн, но и кататься на лыжах, а на стадионе кататься на коньках – все было поблизости. Мы еще не имели квартиры, но приобрели лыжи и коньки. Зима 1967-1968 года была особенно снежной, огромные сугробы на улицах не позволяли видеть другую их сторону.

Прямо у дома можно было встать на лыжи и вдоль заснеженной улицы доехать в парк и далее в хвойный или березовый лес, где имелись лыжня, многочисленные овраги и горки. Большую радость доставляли поездки в громадный мещерский лес. Мы любовались красотой покрытых снегом деревьев, необъятным простором почти девственных лесов, окружающих Рязань. В Астрахани трудно представить, что «снег ложится словно пяточки....или ...утонул в

сугробе, отморозил ногу.... или...метель всюю свистит в Рязани», а здесь это было обычным явлением.

«Я более всего весну люблю...», - писал тот же Есенин.

Действительно, в течение месяца тает снег, появляются подснежники, цветет верба, постепенно становится теплее и все ярче и чаще светит солнце. При разливе Оки паводок достигает центра города, вода заполняет приток вдоль Кремля, расположенного на холме, и можно плыть на катерах от пристани непосредственно от стен к Кремлю. На юге, да и в Германии нет подобной разницы между различными сезонами года: нет весны с ее журчащими ручьями, иногда летом может быть также прохладно, как зимой и наоборот. Теплое, а нередко и жаркое лето средней полосы позволяет наслаждаться прекрасной погодой.

У нас организовалась группа любителей лесных прогулок, и мы почти каждую неделю отправлялись на целый день в Солотчу или Заборье, Криушу или Рябиновку, где наслаждались благоуханием

Выезд сотрудников кафедры в лес на велосипедах. Рязань, 1982 г.
показателей настолько нас увлекло, что мой сотрудник М.А. Бутко

чистого воздуха или купались в речке или озерах.

Выезд сотрудников кафедры в лес на велосипедах (Рязань, 1982 г.)

Однажды удалось совершить путешествие на лодках по красивой реке Пре мимо лесных

зарослей, кустов и живописных полей.

Особенно красивой является дорога в село Константиново, где находится дом и музей С.А. Есенина, вдоль огромного березового леса («О, милые, березовые рощи»), которым можно бесконечно любоваться. Само село Константиново расположено на высоком берегу Оки, откуда открывается чудесный вид на обширные поля, невольно ощущаешь «рязанское раздолье, коломенскую грусть». В самой Рязани и в расположенном относительно недалеко Луковском лесу имелись тогда благоустроенные пляжи, но купание в Оке требовало осторожности из-за сильного течения, в отличие от Волги, где течение реки почти не ощущается. В первый же раз Миру так далеко унесло за мост, что она едва смогла выплыть. После этого случая мы стали более осторожными, а нередко предпочитали плавать в находящемся поблизости Ореховом озере. Спустя несколько лет мы приобрели на окраине города, куда легко

можно было добраться на автобусе, троллейбусе или за 20 минут на велосипеде, небольшой дачный участок с деревянным дощатым летним домиком. В нем были две небольшие комнатки, затем пристроили веранду, а в саду посадили яблони, вишни, грушу, кусты черной, белой и красной смородины, крыжовника, малины, а также клубнику и цветы (тюльпаны, астры и др.). Я любил заниматься за столиком в саду или на веранде в дождливую погоду. Менее охотно я копался в земле, при посадке клубники или овощей (лука, укропа, помидоров, редиски), но это было необходимо. Впрочем, урожай собирал я тоже без особого энтузиазма. Теперь я бы делал это с большей радостью. Известна поговорка «Что имеем, не храним, потерявши, плачем». В саду мы нередко отмечали праздники и дни рождения. Осенью, при хорошем урожае яблок, из яблочного сока научился я готовить отличное вино. С урожаем возвращался я на велосипеде или на автобусе, одетый весьма просто и с рюкзаком. В автобусе всегда было полно людей, и я как-то задел женщину. Она стала на меня ругаться, обзывать дураком, идиотом и пр. Я было начал оправдываться теснотой, но это не помогло. Тут я вспомнил, что недавно был с лекциями в Испании и сам себе стал улыбаться, решив, что все же я не совсем идиот. Глядя на мое улыбающееся лицо, ругавшая меня женщина утвердилась в мысли, что я действительно идиот. А в другой раз, когда я рюкзаком задел хорошо одетую женщину, у меня невольно вырвалось: «Пардон, мадам», на что она заявила: «Подумаешь, выучил два иностранных слова». Мне хотелось сказать ей на английском или немецком языках, что я знаю больше, чем два иностранных слова, но решил лучше промолчать. Оценить тесноту в рязанских автобусах может только тот, кто сам в них ездил, особенно в часы пик или при возвращении дачников.

Благоприятный климат Рязани способствовал занятию спортом. Зимой мы на кафедре организовывали поездки на лыжах, летом - на велосипедах. Я начал посещать при стадионе секцию зимнего плавания и закаливания. «Моржа» из меня не получилась, но мне удалось организовать изучение влияния на организм резкого охлаждения. Студенты помогали определять после плавания зимой в холодной воде пульс, артериальное давление, электрокардиограмму, иммунологические показатели. Изучение клинико-физиологических показателей настолько нас увлекло, что мой сотрудник М.А. Бутов выполнил и защитил диссертацию о

пользе и возможных вредных последствиях зимнего плавания. Сам же я ограничился лишь участием в беге трусцой, что мне больше нравилось. Бегал я иногда вместе с группой по воскресеньям, а нередко и в одиночку. Бегу я как-то поздно вечером по городской роще, а за мной помчался на мотоцикле милиционер. Я решил свернуть от него по узким дорожкам, чтобы не дышать парами бензина, но он догнал меня и хотел задержать как криминальный элемент. Я с трудом убедил его, что я не убегающий от милиции преступник, а бегаю просто так, для удовольствия и здоровья. Кстати, общественное сознание, его отражение (по научному - конформация) встречается не только у людей, но и у собак: когда я ездил на велосипеде по Рязани все встречные собаки на меня обычно лаяли, а в Германии собаки на велосипедистов, которых там очень много, совершенно не обращают внимания. Зато когда я бегаю или делаю гимнастику в университетском саду, все встречные собаки отчаянно лают на меня и лишь одна, вероятно, склонная к научным исследованиям, устала на меня испытующим взглядом: мол, что такое? Человек как человек, но чего-то дрыгает руками и ногами.

В Рязани было принято в теплое время года выезжать на природу. Нередко мы это совершали после выездных конференций терапевтического общества в районы области. В День медицинского работника мы всей больницей катались на туристическом катере по Оке. На природу, в лес или на берег реки, выезжали мы также Клубом любителей бега и Английским клубом. Здесь, пожалуй, уместно вспомнить, что при областной библиотеке существовал Клуб любителей английского языка (как и других языков - немецкого, французского, испанского, хинди). Мы собирались по 20-30 человек, раз в неделю и в течение двух часов разговаривали между собой на самые различные темы. Иногда было два-три собеседника, в других случаях был общий разговор. Вести беседу на русском языке строго запрещалось. Мистер президент был профессиональный педагог и переводчик, остальные были любители, не изучавшие язык как предмет в педагогическом институте. Мы, конечно, делали много ошибок, но наш запас слов резко активизировался и даже после двухчасовых занятий в неделю мы не боялись беседовать с иностранцами. Изредка посещал я Клуб любителей книги при книжном магазине. На этой встрече обсуждались новинки литературы, впечатления от

посещения других городов или музеев (я несколько раз рассказывал о своих поездках за границу), а также устраивались концерты или выступления артистов.

В заключение следует добавить, что все эти мероприятия были совершенно бесплатными. Лишь когда организовывались встречи с застольем, чаще это было в связи с праздниками, в складчину собирали небольшую сумму. После перестройки большинство упомянутых клубов распалось – изменился менталитет. Не все было плохо при советской власти.

Кафедра и клиника внутренних болезней

В Рязани я заведовал кафедрой пропедевтики внутренних болезней, основной задачей которой было ознакомить студентов с методами диагностики болезней внутренних органов и с

основными, наиболее частыми заболеваниями. У нас занимались студенты 3-го курса. На старших курсах студенты более детально изучали внутренние болезни, а также их лечение.

Коллектив кафедры внутренних болезней

Кафедра располагалась на базе 4-й городской больницы – небольшого трехэтажного здания в центре города на улице Есенина. Вокруг больницы был небольшой сад, весной здесь пели соловьи и цвела черемуха. Сотрудники больницы подчинялись главному врачу, а выше по административной линии были городской и областной отделы здравоохранения. Сотрудники же кафедры были в штате медицинского института и оттуда получали свою зарплату. Однако в лечебно-диагностическом отношении кафедра и больница были единым коллективом и помещением, где он работал, называлось клиникой. Несведущие лица нередко спрашивали меня, зная, что я работаю на кафедре со студентами, а больных Вы лечили? Наибольшую часть рабочего времени профессора клинической кафедры занимает именно лечебная работа: обходы, консультации, контроль за работой палатных врачей, их обучение, проведение общеврачебных конференций с обсуждением наиболее сложных и тяжелых

больных. Заведующий кафедрой отвечает, таким образом, за всю диагностическую и лечебную работу в клинике, а за хозяйственную и финансовую сторону деятельности клиники отвечает главный врач. В больнице у нас было всего 200 коек, из них 80 общетерапевтических, столько же специализированных для гастроэнтерологических и 40 в отдельном небольшом здании для инфекционных больных. Студентам я читал лекции раз в неделю с сентября по конец мая; в июне у них были экзамены, а в июле - летняя практика в качестве медицинских сестер в различных больницах области, а в августе - каникулы. Кроме студентов третьего курса, на кафедре у нас занимались первокурсники в течение всего учебного года, которым мы преподавали уход за больными. Много лет я сам читал несколько лекций, затем поручил это не очень интересное занятие доценту Анатолию Сергеевичу Лунякову или ассистентам. Лекции читались преимущественно в аудитории больницы скорой помощи, а для иллюстрации лекционного материала мы подбирали больных из терапевтического или хирургического отделения этой больницы. До того нам приходилось читать лекции в различных аудиториях института и возить больных из нашей больницы, а также нередко приносить с собой таблицы и другой учебный материал. Кроме лекций, я изредка вел сам практические занятия со студентами в течение 4-х часов с демонстрацией больных в палатах и с последующим их обсуждением уже в кабинете. Мне нравилось проводить практические занятия и ближе общаться со студентами, но времени на это часто не хватало. Много лет при нашей кафедре обучались студенты по курсу поликлинической терапии.

Занятие со студентами у постели больного. Рязань, клиника, 1992 г.

Занятие со студентами у постели больного. Рязань, клиника, 1992 г.

Нередко я им тоже читал лекции по отдельным вопросам - аллергологии и клинической иммунологии, курортологии, фитотерапии. Практические занятия у них

проходили не только на базе поликлиники нашей больницы, но и в других поликлиниках города. Возглавлял курс поликлинической

терапии доцент Алексей Александрович Низов. Некоторое время на нашей кафедре обучалась одна группа субординаторов, т.е. студентов шестого курса. Они работали непосредственно в палатах под контролем лечащих врачей и ассистентов. Мне нравилось с ними изредка проводить занятия с углубленным анализом диагностики, дифференциальной диагностики, причин и механизма развития болезни, особенностей лечения у данного конкретного больного. На кафедре обучалось в течение двух лет по 4 - 6 клинических ординаторов, т.е. врачей, специализирующихся по терапии после нескольких лет самостоятельной практической работы.

Клинические ординаторы обычно посещали все мои лекции, помогали мне в техническом плане (принести таблицы, слайды, написать термины на доске и пр.), а я проводил с ними обходы и разборы больных, принимал зачеты по различным разделам внутренних болезней. К концу их учебы я писал на них характеристики, а затем мы всей кафедрой отмечали окончание их учебы, обычно с вином, бутербродами, чаем и тортом. Много раз я организовывал выезды с субординаторами и клиническими ординаторами в различные клиники в Москве, в Ленинграде и Волгограде. Нас принимали в разные годы в клиниках 1-го Московского мединститута, руководимых академиками АМН СССР Е.М. Тареевым, В.Х. Василенко, в Институтах гастроэнтерологии и хирургии. Несколько раз мы проводили совместные конференции с кафедрой терапии 2-го Московского мединститута, руководимой академиком А.Г. Чучалиным. В Ленинграде мы знакомимся с Институтом пульмонологии, а в Волгограде - с кафедрой госпитальной терапии и филиалом Института ревматизма, возглавлявшимся академиком А.Б. Зборовским. По договоренности с моими друзьями-коллегами нам предоставляли ночлег в студенческом общежитии. Кроме посещения лечебных учреждений, мы знакомимся с достопримечательностями этих городов. Студенты-субординаторы охотно обучались на нашей кафедре, и это вызывало недовольство заведующих другими терапевтическими кафедрами и после организации отдельной кафедры для субординаторов к нам их уже не направляли. Нет возможности вспомнить всех сотрудников, работавших на кафедре. Главное, что у нас был дружный коллектив, без всяких интриг и конфликтов, что нередко бывало на

других кафедрах. Мы любили собираться и в неофициальной обстановке, как в больнице, так и в домашних условиях. В последнем случае всегда организовывались танцы, причем нашим любимым общим танцем был греческий сиртаки. За 29 лет моей работы на кафедре (с 1967 по 1996 гг.) сменилось много сотрудников, но общин стиль сохранялся. Если постоянных сотрудников на кафедре было не так уже много (в разные годы по 8-12 человек), то вместе с клиническими ординаторами и научными сотрудниками был уже относительно солидный коллектив. Иногда мы организовывали совместные мероприятия с дружественными кафедрами - педиатрии, патофизиологии, военной кафедрой.

Здесь уместно указать, что одно время мы имели возможность работать по хоздоговору. По договоренности с директором НИТИ (научно-исследовательским технологическим институтом) Альбертом Георгиевичем Денисовым, с которым я был много лет знаком, мы организовали консультационный центр для их сотрудников. В счет получаемых денег мы имели возможность не только лично получать небольшую дополнительную, строго лимитируемую сумму к зарплате, но и приобретать необходимую для научной работы аппаратуру, реактивы, а также другие вещи. Мы купили, в частности, четыре велосипеда, что позволило нам вместе с имеющимися личными велосипедами совместно выезжать по воскресным дням за город.

Главное же, что хоздоговор позволял нам включать в штат научных

сотрудников - врачей и лаборантов, и это давало возможность более углубленно проводить научные исследования и готовить диссертантов.

Со студентами в кабинете (Рязань, 1990 г.)

К этому времени мне удалось создать в составе ЦНИЛ (Центральная научно-исследовательская лаборатория) института гастроэнтерологическую группу. Я ходатайствовал, при поддержке ректора, о создании самостоятельной проблемной лаборатории, как это практиковалось в других крупных институтах, но в Министерстве мне разрешили

иметь небольшую группу из шести человек (научных сотрудников и лаборантов). Я был рад и этому, ибо всего лишь три профессора во всем институте имели отдельные от кафедр научные кадры.

Этот период был, пожалуй, самым плодотворным в научном плане.

Большое внимание мы уделяли организации и работе со студенческим научным кружком. Во время его заседаний два раза в месяц мы (я с прикрепленным ассистентом) показывали студентам наиболее интересных больных, находившихся в это время в клинике, заслушивали реферативные сообщения студентов, результаты их научных исследований, которые они самостоятельно проводили под моим или других преподавателей руководством. Иногда я рассказывал студентам о своих студенческих годах и знаменитых педагогах Московского мединститута, имена которых они знали по учебникам (Бурденко, Кончаловский, Семашко, Збарский и др.). Делился я со студентами воспоминаниями об Отечественной войне, а также о зарубежных поездках. Рязань является родиной не только Сергея Есенина, но и великого физиолога Ивана Петровича Павлова - единственного в России и в СССР лауреата Нобелевской премии в области медицины. (Можно вспомнить еще И.И. Мечникова, но он получил эту премию за работы, выполненные в Пастеровском институте в Париже). В Рязани имеется прекрасный музей И.П. Павлова в доме, когда-то принадлежавшем его отцу – местному священнику. Каждый год я со студентами посещал этот музей, где мы не только повторно знакомились с его экспонатами, но и проводили конференции с докладами студентов о работах Павлова в области пищеварения, а также смотрели посвященные ему кинофильмы. Некоторые студенты работали в научном кружке не только на третьем курсе, но и все годы учебы в институте. Лучшие работы докладывались на общеинститутских конференциях, которые проводились два раза в год. Студенты нашей кафедры нередко занимали призовые места и получали награды - грамоты или даже денежные премии. Часть студентов-кружковцев удавалось оставить в дальнейшем при кафедре в качестве старших лаборантов, ординаторов или научных сотрудников. Следует признать, что в первые годы моей профессорской деятельности в Рязани в научный кружок записывалось по 30-50 человек, а в последние годы - по 10-15.

Качество работы преподавателей мало изменилось, скорее, изменился менталитет студентов. Кстати, в семидесятые годы на заключительной лекции студенты благодарили лектора и подносили цветы. Позднее эта традиция исчезла, но на экзамен студенты до последнего времени приходили с цветами. Контакт с студентами способствовало обязательное дежурство в студенческом общежитии всех преподавателей кафедры. Иногда мы проводили коллективное посещение общежития и старались сделать его не формальным, а интересным для студентов. Так, я проводил беседы о драматических ситуациях в терапевтической клинике, о клиническом мышлении врача или этике врачебной деятельности. Были также рассказы о знаменитых художниках и композиторах с демонстрацией копий соответствующих картин или музыкальных произведений. Иногда мы приглашали знакомых артистов, а однажды мне удалось пригласить в общежитие преподавательницу балльных танцев (конечно, бывшую пациентку) с наглядной демонстрацией и участием как студентов, так и преподавателей. Все эти мероприятия требовали подготовки и согласовывались со старостами общежития.

Сотрудники кафедры в своем большинстве завоевывали звание «Победитель социалистического соревнования», а также «Ударник коммунистического труда». Сейчас эти звания вызывают нередко улыбки и даже насмешки, но в прошлые годы они были весьма почетны и обладатели их охотно носили соответствующие значки. Нашей кафедре присвоили почетное звание «Коллектив коммунистического труда», причем оно присуждалось после тщательной проверки и обсуждения всех показателей по учебной, лечебной, научной, педагогической и воспитательной работе. Профсоюзным комитетом института были разработаны специальные критерии для объективной оценки проведенной работы. Конечно, не всегда кафедре удавалось быть победительницей в социалистическом соревновании, но само стремление к достижению хороших показателей являлось, несомненно, стимулом к улучшению работы. После начала перестройки все эти мероприятия были отменены.

При институте существовал профилакторий, где студенты без отрыва от учебы проходили обследование и лечение. Для углубленной диагностики тех или иных заболеваний студентов

обычно направляли на соответствующие кафедры; более простые заболевания выявляла врач здравпункта института.

Большой популярностью пользовался летний спортивно-оздоровительный лагерь института, расположенный в поселке Солотча, в лесу, на берегу реки. Несмотря на скромные бытовые условия (проживание в деревянных бараках или палатках, вода и туалеты в отдалении), в лагере охотно отдыхали не только студенты, но и сотрудники. Я с женой несколько раз с удовольствием отдыхал в нем. Путевки распределялись профсоюзными комитетами сотрудников и студентов, стоимость их была незначительной, особенно для студентов, а бытовые неудобства с избытком компенсировались свежим воздухом, прогулками по лесу, купанием в реке и катанием на лодках, а для молодежи еще и танцами и спортивными соревнованиями. Кстати, в организуемых соревнованиях для сотрудников я охотно принимал участие и нередко награждался грамотами в качестве победителя, в своей возрастной группе, конечно, по легкой атлетике, лыжам, плаванию. Если подобными и жилищно-бытовыми вопросами занималась профсоюзная организация, то главные вопросы решали партийный комитет института и партийное бюро факультета. Об их работе я много вспомнить не могу, ибо не принимал в них участия. Моя деятельность в качестве коммуниста ограничивалась посещением раз в месяц партийных собраний, общеинститутского и факультетского. Пребывание на них было строго обязательным от начала до конца. Отсутствие на собрании требовало оправдания и объяснения ее причины. Уважительной считались лишь командировка, отпуск, болезнь. Отсутствие уважительной причины для пропуска собрания могло повлечь за собой неприятные последствия типа предупреждения на общем собрании, выговора и даже исключения из партии, что неминуемо явилось бы темным пятном в биографии. Однажды я ушел с собрания еще до его официального окончания, на что обратил внимание какой-то «доброжелатель» и послал об этом записку в президиум, так мне пришлось вскоре давать письменное объяснение своего преждевременного ухода. Я уже знал, что лишь болезненное состояние может быть уважительной причиной подобного нарушения партийной дисциплины.

На собраниях иногда обсуждались важные вопросы деятельности коллектива, нередко была критика в адрес отдельных

руководителей или работы в целом, но нередко обсуждение носило формальный характер. Изредка на партсобраниях зачитывались «закрытые письма ЦК КПСС», предназначенные по секрету только для коммунистов, но об их содержании вскоре узнавали все интересовавшиеся лица и зарубежные радиостанции. Вспоминается письмо с осуждением «антипартийной группы Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшим к ним Шепилова», которая возражала против освоения целины в Казахстане и считала, что лучше эти средства вложить в нечерноземную зону России. Мы, как обычно, единодушно одобрили решение Политбюро, хотя и тогда уже понимали, что в основе его лежит борьба между вождями за ведущее положение в партии, борьба за власть. Когда распался Советский Союз, все эти освоенные целинные земли, преимущественно усилиями комсомольцев-добровольцев, остались в другой стране - в Казахстане. Так что трудно сказать, кто же был прав. Среди присутствовавших на наших собраниях были штатные ораторы, любившие покритиковать, часто впустую, и подолгу выступать по любому поводу. Я предпочитал помалкивать, но изредка и самому приходилось выступать. Когда запретили в стране Коммунистическую партию, многие вначале обрадовались: меньше будет говорильни, пустой траты времени, экономия на партвзносах. Однако впоследствии поняли, что отсутствие контроля со стороны партии и общественности имело и отрицательные последствия - начальство стало полностью бесконтрольно. Опять-таки проявилась диалектика; каждый плюс имеет свой минус и наоборот.

Раз в месяц приходилось участвовать в работе Ученого совета института, и также часто заседал Ученый совет факультета. Собственно научные проблемы на них обсуждались редко - чаще в повестке заседаний были организационные вопросы, отчеты зав. кафедрами и различных комиссий, избрание сотрудников по конкурсу. В первые годы моей работы в институте было всего три факультета: лечебный, санитарно-гигиенический и фармацевтический. Затем появились стоматологический и факультет усовершенствования врачей. В дальнейшем институт был преобразован в университет и возникли дополнительные факультеты для иностранных студентов, юридический, экологический, валеологический (валеология - учение о здоровье),

филологический, а медицинский техникум стал колледжем при университете.

Здесь уместно кратко рассказать о ректорах института - университета. Меня принял в институт Анатолий Александрович Никулин, зав. кафедрой фармакологии, за что я ему, безусловно, благодарен. Правда, это было последнее время «хрущевской оттепели», после которой, в течение почти 30 лет моей работы в институте на преподавательскую работу не приняли ни одного еврея. А.А. Никулин был хорошим организатором, при нем были построены новое здание института и два студенческих общежития. В то же время он был человеком консервативного склада, не разрешал на заседания Ученого совета являться без пиджака, а тем более, даже в жаркое время, в рубашках с короткими рукавами. Студенткам не разрешалось носить брюки, а студентам - длинные волосы. Строго преследовалось посещение студентами лекций без белых халатов и шапочек даже на теоретических кафедрах. С профессорами он был сугубо официален, редко подавал руку для рукопожатия. Однажды я был вместе с ним в Минздраве и был удивлен изменению его поведения: там он был очень приветлив, шутил с сотрудниками и секретаршами, а с начальством говорил столь почтительно-угодливым тоном, что было даже неприятно. В последние годы своего почти 20-летнего ректорства он стал более приветлив и дружелюбен - вероятно, сказалась болезнь. Он скоропостижно скончался через несколько лет после освобождения от обязанностей ректора, в возрасте чуть старше 60 лет.

Сменивший его в должности ректора Игорь Николаевич Денисов был переведен из г. Куйбышева (Самара). Одновременно он заведовал кафедрой факультетской хирургии, отличался демократичностью и большим чувством юмора. Вспоминается, как

на собрании сотрудников в связи с праздником Победы, поздравляя ветеранов и отмечая их заслуги, обо мне он сказал, примерно, следующее: Александр Михайлович участвовал в обороне Москвы, освобождении Украины, Белоруссии, Румынии, Польши, в штурме Берлина... и в шутку добавил: «Он бы и дальше пошел, но его остановили». Денисову было при

вступлении в должность ректора чуть больше 40 лет. В ожидании предоставления квартиры он довольно долго жил в апартаментах при профилактории, по соседству с моим домом, и мы несколько раз вместе ездили на лыжах и посещали бассейн. Он быстро вникал в сущность проблемы и оперативно решал возникавшие вопросы. В качестве примера приведу следующий случай. По договору с Пятигорским институтом курортологии, где я раньше работал, мы получали ежемесячно по 4 бесплатных путевки на курорт Железноводск для тематических больных. На эти путевки всегда

заранее ставились гербовые печати, а затем мы подбирали больных для направления на лечение. Новый начальник отдела кадров запретила мне ставить печати, утверждая, что только на подпись ректора и проректоров института имеет право ставить гербовую печать. Я пытался уговорить ректора И.Н. Денисова сделать исключение, мотивируя важностью и преимуществами получения институтом 48 бесплатных путевок в год, тогда как местком института получает не более пяти на весь коллектив. Мне вспомнилось выражение Ленина в годы гражданской войны о том, что "или социализм победит вошь или вошь победит социализм", в том смысле, что ценность санаторных путевок значительно превышает формальный акт приложения печати. На это Денисов мне заметил: «Понятно, вошь - это я». Мне пришлось извиниться за неудачное сравнение, но ректор не обиделся и предложил компромиссное решение - ставить на путевки не гербовую, а административную печать. Это был блестящий выход из создавшегося положения, ибо больной освобождался от необходимости самому ходить за подписью к начальству. Позднее мне стало известно, что Денисов, ознакомившись с показателями моей работы (12 монографий, 18 сборников научных работ кафедры, около 500 научных статей, 36 защищенных под моим руководством диссертаций) представил меня к званию «Заслуженный деятель науки», однако обком КПСС мою кандидатуру не утвердил. Это звание получили в том же году и позднее многие профессора, у которых никаких монографий не было, но не было и «врожденного порока». Подготовленные

документы на мое представление к этому почетному званию Игорь Николаевич отдал мне спустя несколько лет. Объективности ради надо отметить, что в 1980 г. очень тепло отмечалось мое 60-летие: на специальном заседании Ученого совета института под председательством ректора А.А. Никулина было много устных и письменных поздравлений, адресов и телеграмм, а также зачитали приказ по Министерству здравоохранения РСФСР с благодарностью. Вместе с сотрудниками кафедры и приглашенными мы отметили это событие вечером в ресторане. Свое 70- и 75-летие я отмечал лишь в узком кругу родных и знакомых, без всяких поздравлений и приглашений. Здесь уже сказывались перестройка, изменение семейного положения, привычных ранее традиций и другие факторы, в общем... было не до того. Однако удалось выпустить и к той и к другой дате солидные библиографические указатели с перечнем всех опубликованных монографий, руководств, учебных пособий, научных статей, тезисов докладов, списка изобретений, а также защищенных под моим руководством диссертаций.

Ректором нашего института И.Н. Денисов проработал недолго, т.к. был переведен на повышение в Москву вначале начальником Главного управления учебными заведениями МЗ СССР, затем замминистра здравоохранения (при Чазове Е.И.), а вскоре и министром здравоохранения страны. Он был очень деловым и способным человеком, но, к сожалению, в должности министра И.Н. Денисов оставался недолго - после так называемого ГКЧП - путча и запрещения Компартии весь Совет Министров был распущен. Без работы И.Н. Денисов не остался: он стал проректором Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова, заведующим созданной им кафедры семейной медицины, академиком Российской академии медицинских наук. Добрые отношения у него сохранились со многими сотрудниками Рязанского института, в том числе и со мной.

Яркой личностью проявил себя и новый, после перевода И.Н. Денисова в Москву, ректор института Евгений Алексеевич Строев. Он возглавлял институт, а затем и преобразованный при его активном участии университет с 1987 по 1999 гг. С 1973 года он заведовал кафедрой биохимии. Одновременно он активно занимался общественной деятельностью - был избран депутатом Верховного Совета РСФСР, затем членом Совета Федерации

России, где руководил экспертным Комитетом по науке, культуре и здравоохранению. При его участии был принят ряд законов и законопроектов. Естественно, он стал академиком Российской академии наук. Насколько достоверны слухи, что он был родственником председателя Совета Федерации России Егора Строева, мне неизвестно, но достоверно, что они были земляками, уроженцами Орловской области. Евгений Алексеевич возглавлял институт-университет в сложное время перестройки и сумел не только его сохранить, но и существенно расширить за счет создания упомянутых новых кафедр и факультетов. Целому ряду симпатичных ему заведующих кафедрами были присвоены почетные звания заслуженных деятелей науки, но я лично в 1992 году был переведен с должности заведующего на должность профессора кафедры, что, впрочем, соответствовало тогдашним министерским требованиям к возрасту руководителей.

Одновременно кафедра лишилась курса поликлинической терапии и студентов - субординаторов, а в ЦНИЛе была ликвидирована гастроэнтерологическая группа. В то же время мы все были довольны ректором: в то время, когда в других вузах и многих госбюджетных учреждениях задерживали выплату зарплаты на несколько месяцев, у нас в университете она всегда выплачивалась своевременно. Жизнь Евгения Алексеевича Строева оборвалась преждевременно - он скончался от рака поджелудочной железы в 1999 году, в возрасте 57 лет. Несмотря на тяжелую болезнь последних лет и интенсивное лечение, в том числе и за рубежом, он продолжал руководить университетом почти до самого конца жизни. Похоронили его на Троекуровском кладбище в Москве.

Достойным преемником Е.А. Строева стала его бывшая ученица и сотрудница Валентина Григорьевна Макарова, с которой мне уже не пришлось работать.

В первые годы работы в Рязани мне поручили возглавлять методическую комиссию по программированному обучению. В тот период это стало модным. Машин для контроля знаний студентов и их обучения у нас еще не было, но безмашинные методы в виде стандартных вопросов и выбора альтернативных ответов стали широко применяться на многих кафедрах, в том числе и клинических. Впрочем, на первых трех курсах это себя еще оправдывало, а на старших курсах его польза была сомнительной, ибо диагностика и лечение больных должны быть

индивидуальными, а мышление врача отнюдь не стандартным. В качестве курьеза приведу следующий пример. Был я вместе с проректором по учебной работе **Владимиром Евгеньевичем Смирновым** в Саратове на Всероссийской конференции по программированному обучению. Там была машина, которая контролировала знания студентов по диагностике внутренних заболеваний. Для интереса я решил проэкзаменоваться в отношении диагноза холецистита. Опыт у меня по этому заболеванию был громадный - и при работе в Ессентуках и выполнении докторской диссертации, и при написании монографии по заболеваниям желчных путей, изданной в Москве. Стрелка прибора регистрировала степень соответствия нажатой экзаменуемым кнопки запрограммированным ответам и автоматически выставляла оценки. На первые вопросы машина выставляла мне пятерки, но затем резко изменила свое мнение. На вопрос о характере болей (сильные, умеренные, отсутствуют) нужно было нажать одну кнопку, но я-то знал, что могут быть разной степени боли, и нажал обе первые кнопки. Так же и в отношении температуры: нормальная, умеренное повышение, высокая температура, причем фаза заболевания (обострение, затишье) в машине не указывалась.

Поэтому я нажал все три кнопки и в конечном итоге моя оценка оказалась «тройка». Коллега хирург с 30-летним стажем получил за диагностику аппендицита четверку. В то же время старательные студенты заранее знали, какую в каких случаях нужно нажимать кнопку и получали соответственно высокую оценку, а то, что в реальной жизни могут быть самые различные проявления болезни, они узнавали уже впоследствии. Вероятно, в точных науках, где дважды два всегда четыре, программированный контроль целесообразен, но в клинической медицине от него вскоре отказались. По-видимому, в области политики и искусства недопустимы строгие стандарты, а нужны гибкость и индивидуальный подход. Поэтому у меня сохранилось скептическое отношение к широкому применению тестов на экзаменах и зачетах у школьников и студентов, что имеет место за рубежом, в частности, в Германии.

В первые годы моей работы в Рязани был популярен так называемый «ростовский почин», согласно которому преподаватели клинических кафедр должны были оказывать

бесплатную консультативную медицинскую помощь в поликлиниках и сельских районах области. Я проводил каждую неделю консультацию в поликлинике больных, которых мне представляли заведующие отделениями. Только впоследствии, уже в Германии, я понял, насколько демократична у нас была система здравоохранения. Ко мне за советом обращались в клинику не только знакомые моих знакомых, но нередко и незнакомые люди, и я никому не отказывал в бесплатной консультации, для чего у меня выделялись определенные часы в фиксированный день недели. В Германии же профессора находятся на недосягаемом для обычных больных уровне, хотя прием больных за деньги у них широко практикуется. Раз в месяц сотрудники клиники выезжали в подшефные районы (к нам были прикреплены Клепиковский и Касимовский районы, расположенные в прекрасной лесной местности), где сотрудники кафедры и нашей городской больницы консультировали наиболее сложных больных. Мне и сейчас кажется, что это была разумная система, способствовавшая контакту между городскими и сельскими врачами, улучшению качества медицинской помощи. Можно было бы возразить, что важнее было бы построить в сельской местности современные больницы (многие сельские больницы и сейчас находятся в малоприспособленных, деревянных строениях, в убогом состоянии) и оснастить их современной аппаратурой, но для этого нужны деньги и деньги, которых у государства всегда на эти нужды не хватает. Система консультативной помощи кафедр института поликлиникам города и сельским больницам просуществовала до самой перестройки. Являясь в течение, примерно, 20 лет председателем областного общества терапевтов, я любил организовывать выездные заседания общества в различные районы области, где мы также консультировали больных и выступали с докладами по различным проблемам внутренней медицины. Таким образом я побывал почти во районах области, был знаком со многими врачами - бывшими моими студентами.

Примерно раз в два месяца я выезжал на курорт Краинка Тульской области. После организованной в 1972 году научной конференции, я подружился с директорами и главными врачами курорта и в течение почти 30 лет считался их научным консультантом. В каждый свой приезд я читал какую-либо лекцию по актуальным проблемам медицины, консультировал больных,

проводил на врачебной конференции клинические разборы. Ряд врачей выполняли научные работы под моим руководством, а К.И. Блей защитил даже кандидатскую диссертацию по лечению на курорте больных язвенной болезнью. Мы неоднократно проводили в Краинке широкие межкурортные научные конференции и издавали их труды. Вместе с главным врачом курорта А.В. Алексеевым мы опубликовали солидную брошюру о курорте Краинка.

После создания в стране специализированных ученых советов по защите диссертаций я был членом трех советов по внутренним заболеваниям - в Рязани, в Москве в Центральном институте гастроэнтерологии и в Волгограде, По несколько раз в году я выезжал в эти города для участия в работе советов, где часто выступал в качестве официального или неофициального оппонента.

В 1986 году произошла печально известная катастрофа на Чернобыльской атомной электростанции. Пострадавшими оказались не только большие территории Украины, Белоруссии, ряда западных стран, но и некоторые районы России, в том числе и Рязанской области. Кроме того, многие молодые люди (технических специальностей, пожарники и др.) участвовали в ликвидации последствий этой аварии - их сокращенно называли ликвидаторами. По линии профсоюзов в городе был создан специальный лечебно-оздоровительный центр под названием «Чернобыль и здоровье». Меня пригласили быть в нем консультантом. Центр был неплохо оснащен современной диагностической и лечебной аппаратурой, в том числе и за счет пожертвований зарубежных фирм. Для больных выделялись специальные койки в областной больнице, а также путевки на курорты. У пострадавших наиболее часто выявлялись гипертоническая и язвенная болезни, психо - невротические расстройства, сердечно – сосудистые дистонии, заболевания щитовидной железы и крови. Смертность среди ликвидаторов была очень высокой, особенно от онкологических заболеваний. Во многих случаях болезни протекали нетипично и их характер выявлялся лишь на поздних стадиях, а до того больные, а вернее, еще практически здоровые лица, жаловались на общую слабость, быструю утомляемость и сниженную трудоспособность. Диагноз заболевания устанавливался не сразу, но сниженные показатели

иммунологической реактивности, т.е. защитных механизмов организма определялись довольно часто

Следует признаться, что я любил выступать не только в роли учителя и консультанта, но и быть учеником. В 70-80-х годах в стране была создана широкая сеть повышения квалификации для врачей и профессорско-преподавательского состава институтов. По существовавшим требованиям необходимо было проходить повышение квалификации не реже одного раза в пять лет по основной специальности - терапии. Кроме того, были циклы повышения квалификации по учебно-педагогическому мастерству, по философским проблемам медицины, по отдельным разделам заболеваний внутренних органов - гепатологии, генетике, аллергологии и клинической иммунологии. Я охотно учился на подобных курсах продолжительностью от 10 дней до месяца, тем более, что они проходили в Москве, Ленинграде или в Риге. Условия в общежитиях для курсантов (кроме как в Риге) были даже по советским представлениям более, чем скромные: в комнате размещалось по 6-8 человек, туалет и умывальник один на весь этаж, душевые отсутствовали. Тем не менее я был доволен возможностью изменить обстановку, получить новые знания и впечатления. Я не был очень старательным курсантом, посещал далеко не все занятия, т.к. предпочитал это время работать в библиотеке с литературой над моими будущими монографиями. Однажды я настолько обнаглел, что пропустил почти весь 10-дневный цикл по педагогике в 1-м Московском медицинском институте и пришел только на последнее как бы зачетное занятие. Преподавательница долго раздумывала над моей фамилией в списке учащихся. «Ну, - думаю я, - не допустит меня до зачета и не выдадут соответствующего удостоверения». Однако преподавательница спросила меня, имею ли я отношение к ассистенту Ногаллер Марианне Лазаревне, у которой она училась на кафедре анатомии лет двадцать назад. Когда я подтвердил, что она моя жена, за судьбу зачета можно было уже не беспокоиться. Нечасто, но бывает, что студенты помнят своего преподавателя всю жизнь. Впрочем, я не всегда был нерадивым учеником на курсах повышения квалификации, а иногда выступали в роли учителя. Так, в Ленинграде на цикле терапии я читал студентам третьего курса медицинского института лекцию о диагностике заболеваний кишечника, а на цикле по философским проблемам в медицине в

Институте усовершенствования врачей - об этнологии (причинах) заболеваний. На циклах по аллергологии в Москве, в ЦИУ я прочел курсантам лекцию о пищевой аллергии, а на кафедре клинической иммунологии - по иммунным нарушениям при заболеваниях органов пищеварения. Другие ученики - профессора выступали с иными сообщениями, и подобный обмен знаниями и опытом был весьма полезным. В дальнейшем повышение квалификации стали проводить преимущественно на базах своих же институтов, что было дешевле для государства и самих обучающихся, но качество обучения при этом, безусловно, снижалось.

Основным направлением научных работ кафедры была гастроэнтерология - заболевания пищеварительного тракта. Это определялось опытом предыдущей работы, недостаточной изученностью проблемы, а также тем, что на других терапевтических кафедрах занимались заболеваниями сердечно-сосудистой системы и легких. Проблемам болезней желудка, кишечника, печени и желчных путей было посвящено большинство наших исследований, в том числе диссертационных работ. В течение всех лет своей работы в Рязани я оставался председателем проблемной комиссии по гастроэнтерологии, в задачу которой входило суммировать все научные работы в данном направлении, составлять планы на будущие годы и отчеты за прошедшие, представлять их в Министерство. Проблемная комиссия нередко заслушивала предварительные планы диссертационных работ и давала свое заключение после их выполнения. В 70-е годы я был председателем проблемной комиссии по гастроэнтерологии при Ученом совете Министерства здравоохранения РСФСР, и в мою задачу входило суммировать и рецензировать все планы и отчеты, поступающие в ГУНИИ Минздрава (Главного Управления научно-исследовательских институтов и координации научных исследований). В то время еще мало кафедр вузов занималось этой проблемой. Лишь позднее были созданы НИИ гастроэнтерологии в Москве, в Днепропетровске и Душанбе. Однажды мне пришлось выступать с докладом о состоянии и перспективах развития гастроэнтерологии в республике на Пленуме Ученого совета Минздрава, который проходил в близком моему сердцу Пятигорске. После того, как значительно возрос интерес к данной проблеме и появились соответствующие специалисты в Москве, а также после смены начальника главка, меня освободили от этой

дополнительной общественной работы, но членом этой комиссии, как и многих других при Минздраве (научно-плановой по терапии, методической по преподаванию внутренних болезней) я оставался до конца своей профессиональной деятельности.

На основании накопленных научных данных и клинического опыта мне удалось опубликовать ряд монографий по различным заболеваниям пищеварительного тракта в Москве (в 1966 и 1969), а также в соавторстве в Киеве (1985), в Баку (1984 и 1991), в Ереване (1971) и в Ташкенте (1977 и 1989). Монография по заболеваниям желчных путей была переведена на монгольский язык и опубликована в Улан-Баторе, а также заслужила Почетный диплом на конкурсе научных работ МЗ РСФСР.

Около 30 лет я вместе с сотрудниками изучал вопросы аллергии (повышенной чувствительности организма) и иммунологической реактивности (защитные механизмы) при гастроэнтерологических заболеваниях. Между этими двумя состояниями имеется взаимосвязь - защитные реакции при избыточном их проявлении могут сопровождаться повреждением органов и тканей организма. Иными словами, аллергия есть превышение необходимой меры защиты организма от чужеродных веществ, поступающих из внешней среды или образующихся в нем самом. Иммунологические механизмы могут быть врожденного, неспецифического характера или специфически направленными для защиты от определенных вредных для организма веществ (микробов, вирусов, химических и иных веществ, преимущественно белковой природы). Аллергические реакции, как правило, проявляются при воздействии определенных веществ (пыльцы растений, медикаментов, пищевых продуктов, шерсти животных, прививок и др.). Реже аллергические проявления возникают при воздействии неспецифических факторов - охлаждения, солнечной радиации и пр., что обозначается термином псевдоаллергии. Одни и те же вещества, вызывающие аллергическую реакцию в организме (аллергены), могут проявляться болезненными симптомами со стороны самых различных органов. В связи с ухудшением экологической обстановки, широкого применения химических и синтетических веществ, медикаментов, консервантов пищевых продуктов, хронического течения многих инфекционных заболеваний аллергические реакции встречаются в настоящее время все чаще и

не случайно их называли «болезнями цивилизации». Распознавание причин, вызывающих аллергию, требует детального расспроса больных, клинического и лабораторного обследования, вследствие чего ее образно называют «медицинской детективной работой». Большинство аллергенов поступают в организм через дыхательные пути и пищеварительный тракт. Поэтому нас с давних пор заинтересовала проблема влияния различных заболеваний органов пищеварения на иммунологическую реактивность и их связь с аллергическими страданиями. В организме может возникнуть повышенная чувствительность не только к извне поступающим веществам, но и к имеющимся в нем микробам или к образующимся при повреждении клеток (вследствие инфекции, токсического воздействия, травмы и других причин) чужеродным белкам (аутоаллергия). Мы изучали вопросы аутоаллергии при заболеваниях печени, желчных путей, желудка, кишечника. Особенно большое внимание мы уделяли изучению пищевой аллергии, проявляющейся в непереносимости тех или иных пищевых продуктов. Этой проблемой я начал заниматься одним из первых в стране, еще в послевоенные годы и результаты наших исследований широко публиковались в научных журналах. Пищевой аллергии и непереносимости пищевых продуктов, состоянию иммунитета при заболеваниях органов пищеварения были посвящены наши монографии, изданные в Москве (1975 и 1983), в Красноярске (1990) и в соавторстве в Болгарии (София, 1978), а также ряд сборников трудов кафедры. Более подробный перечень работ имеется в трех опубликованных выпусках библиографических указателей научных трудов А.М. Ногаллера в 1990, 1996 и 2000 годах.

Поскольку наши работы об аллергии широко публиковались, они стали известны не только научным работникам и практическим врачам, но и больным. По собственной инициативе к нам приезжали больные с подозрением на пищевую аллергию из Москвы, Грузии, Украины и Молдавии, не говоря уже о Рязани и области.

Многие мои ученики защищали диссертации в Москве, Волгограде, в Алма-Ате, в Астрахани, а когда появился соответствующий ученый совет, то и в Рязани по проблемам пищевой аллергии, иммунологической реактивности, их связи с заболеваниями пищеварительного тракта.

Из 36 человек, выполнивших под моим руководством кандидатские и докторские диссертации, лишь десять обучались в аспирантуре, а остальные совмещали научную работу с врачебной или педагогической деятельностью, иногда выполняли обязанности лаборанта или младшего научного сотрудника.

Учитель и Ученик: проф. А.М. Ногаллер и проф. Е.П. Куликов

Некоторым диссертантам нужно было дать лишь идею, план, обсудить и помочь в овладении методикой работы (обычно не личным показом, а в организационном плане), затем проконтролировать выполнение и ход оформления, а позднее проверить ими написанное, организовать защиту, подобрать соответствующий ученый совет и, что особенно важно, оппонентов. Однако в большинстве случаев приходилось исправлять чуть ли не каждую фразу в черновом варианте диссертации, а нередко и диктовать целые абзацы, страницы, составлять образцы таблиц, исправлять указатель литературы. Так что работа с диссертантами требовала много внимания, времени и труда, психологического контакта. Нельзя сказать, что я был вполне удовлетворен результатами научных исследований по изучавшейся проблеме. Для углубленного изучения проблемы хотелось бы иметь более современную аппаратуру, новейшие реактивы, коллектив научных сотрудников. Однако на все это нужны были и средства, и напористость в добывании необходимых аппаратов и реактивов. Долгие годы все лимитировалось Министерством здравоохранения и необходимо было «пробивать через инстанции». В перестроечное время достаточно было узнать,

какая фирма выпускает ту или иную интересующую нас продукцию, но денег на научные исследования для нашей кафедры совсем перестали отпускать, и все труднее становилось добывать их со стороны. Не было равномерного распределения средств по кафедрам, как это практикуется за рубежом, а все определялось волей начальства. Поэтому в последнее время мне все меньше удавалось в научном плане заниматься проблемой аллергии, а главным образом устанавливать контакты с фармакологическими фирмами и исследовать влияние тех или иных лекарственных средств при заболеваниях органов пищеварения и аллергических болезнях.

Научные съезды, конгрессы и конференции

В качестве члена Правлений Всесоюзного и Всероссийского обществ гастроэнтерологов, проблемных комиссий я неоднократно организовывал в Рязани проведение их пленумов с приглашением гостей из различных городов страны. В заседаниях принимали участие многие видные ученые, академики и профессора. Научная часть конференций занимала обычно два дня, а один день посвящался поездке в село Константиново на родину Есенина или в курортный поселок Солотча, в известный мужской монастырь или в заповедник в Брыкин Бор, в Спасском районе. Мы обязательно организовывали ознакомление гостей с достопримечательностями города Рязани, нередко с посещением музея Павлова и кремля, а вечером непременно устраивался совместный товарищеский ужин. Иногда в открытии заседаний принимали участие руководители института и органов здравоохранения области, в зависимости от ранга приехавших гостей. Во многих случаях мы проводили симпозиумы по отдельным вопросам медицины - по аллергии, по геронтологии (наука о болезнях старческого и пожилого возраста), по эффективности тех или иных лекарственных средств.

На эти конференции приезжало немало и практических врачей из районов области. Ряд симпозиумов был проведен совместно с Институтом питания Академии медицинских наук, в контакте с которым мы изучали вопросы пищевой аллергии. Особенно много помогал нашим сотрудникам в освоении новых методик профессор Владимир Кимович Мазо. В качестве председателя областного общества я любил организовывать совместно с областным терапевтом выездные конференции в районы области, где мы

выступали с лекциями или докладами, консультировали больных, знакомились с местными достопримечательностями. Иногда мне удавалось пригласить выступить на заседаниях общества видных московских терапевтов - Е.М. Тареева, З.А. Бондарь, А.Г. Чучалина, В.А. Галкина, В.А. Максимова.

Евгений Михайлович Тарсев приезжал с группой сотрудников. На следующий день после его выступления мы совершили экскурсию в заповедник, где его директор показывал нам редкие экземпляры журавлей, зубров, диких баранов. По дороге Евгений Михайлович много рассказывал о своих учителях в дореволюционное время, о существовавших тогда порядках, о своей поездке еще в 1913 году на велосипеде из Москвы в Рязань к родственникам.

С Зинаидой Адамовной Бондарь я посетил село Константиново, где она работала сельским врачом в 30-е годы и была лично знакома с матерью «непутевого» Сергея Есенина - Татьяной Федоровной.

На конференции терапевтов академики и профессора Е. А. Строев, А. Г. Чучалин, В. А. Насонова, В. Н. Абросимов, Д. В. Воронков, А. М. Ногаллер, С. С. Якушин, Н. А. Ардаматский, Н. А. Мухин и др. Рязань, 1994 г.

На конференции терапевтов академики и профессора Е.А. Строев, А.Г. Чучалин, В.А. Насонова, В.Н. Абросимов, Д.В. Воронков, А.М. Ногаллер, С.С. Якушин, Н.А. Ардаматский, И.А. Мухин и др.(Рязань, 1994 г.) (фото слева)

Научная конференция по лекарственной терапии. В президиуме профессора В.Г. Макарова и А.М. Ногаллер.

На трибуне профессор Д. Г. Узбекова (фото справа)

Научная конференция по лекарственной терапии. В президиуме профессора В. Г. Макарова и А. М. Ногаллер. На трибуне профессор Д. Г. Узбекова.

Все гости приезжали и выступали, естественно, бесплатно, как это было принято в те времена. Мы обеспечивали только ночлег в гостинице или в общежитии. Когда началась перестройка, многие фирмы охотно шли на контакт с рязанскими врачами и аптечными работниками. Приехать в Москву для меня никогда не было проблемой, и я посетил более десятка различных зарубежных фармацевтических фирм, с многими из которых установились дружеские отношения. Некоторые из них предоставляли мне на клинические испытания препараты, выпускаемые этими фирмами. С ними или другими фирмами удавалось организовывать совместные врачебные однодневные конференции с демонстрацией и рекламой соответствующих фармакопрепаратов. Обычно мы выступали с сообщениями об эффективности тех или иных препаратов при внутренних и аллергических заболеваниях на основании проведенных нами исследований. За предоставление возможности выставлять свою продукцию фирмы вносили небольшую сумму, которую мы расходовали на аренду помещения и организацию банкета. Подобные конференции до самого моего отъезда мы

организовывали ежегодно.

Один-два раза в год я принимал участие в съездах или конференциях Всесоюзных или Всероссийских научных обществ терапевтов, гастроэнтерологов или аллергологов в различных городах страны. Чаще всего я или мои сотрудники выступали там с докладами или краткими сообщениями по результатам наших исследований. Побывал я во всех столицах союзных республик (кроме Ашхабада и Бишкека), во многих других городах России, в том числе Сибири и Урала, во многих городах Украины, Прибалтийских, Закавказских и Среднеазиатских республик бывшего СССР. Иногда я посещал ближние и дальние города не как делегат съездов или конференций, а в качестве официального оппонента на защитах диссертаций. Особенно запомнилась мне поездка в Черновцы после Пленума Всесоюзного общества терапевтов в Ивано-Франковске. Рязань была городом-побратимом с Черновцами, и я давно имел контакт с профессором Еленой Илларионовной Самсон, председателем общества терапевтов г.Черновцы. Меня пригласили посетить этот в какой-то мере западный город, где принимали очень дружелюбно.

Мне показали достопримечательности города, представили сотрудников кафедры факультетской терапии, познакомили с

*Всесоюзная конференция аллергологов.
Слева направо: профессора В. А. Юдин, А. И. Морозов, А. А. Низов,
А. М. Ногаллер, И. И. Балаболкин, И. Б. Куваева, В. К. Мазо,
В. И. Пыцкий и др. Рязань, 1987 г.*

Мая, В. И. Пыцкий и др. (Рязань, 1987 г.)

институтом. Я выступал перед сотрудниками и студентами с научным докладом и рассказом об освобождении Черновцов от фашистской оккупации в 1944 году, в чем принимала участие и наша 2-я гвардейская танковая Армия.

*Всесоюзная конференция аллергологов.
Слева направо: профессора В. А. Юдин, А.
И. Морозов, А. А. Низов, А. М. Ногаллер,
И. И. Балаболкин, И. Б. Куваева, В. К.*

Вскоре после моего возвращения после этой поездки сотрудники кафедры прислали мне целый фотоальбом, посвященный моему пребыванию в Черновцах. В гостинице в Днепропетровске я имел возможность наблюдать и немного общаться с известным композитором Яном Френкелем - автором любимых песен «Русское поле», «Журавли» и многих других. Френкель был крупный мужчина с густыми усами и приятным голосом. К сожалению, он преждевременно скончался вскоре после этой встречи.

В Ярославле в гостинице я смотрел вечером телевизор в фойе и там же была группа гастролировавших в городе артистов Ленинградской оперетты. Передавали как раз выпускной вечер студентов училища при Театре оперетты. Когда председательствующий, поздравляя выпускников, восторженно говорил об их будущей увлекательной, радостной творческой работе, все присутствующие артисты начали дружно смеяться. Я с удивлением спросил их, а что, разве не так? Помолчав, сосед сказал мне: «Все не так просто!». Я понял, что за внешней легкостью театральных представлений лежит тяжелый труд и обычные заботы советских людей, хотя на сцене артисты нередко являются в образе веселых графов или графинь.

Нет возможности вспомнить достопримечательности всех городов, где я побывал, все встречи с коллегами и случайными знакомыми. Однако нельзя не вспомнить почти двухнедельное

пребывание в Вильнюсе, куда меня пригласил в порядке обмена опытом зав. кафедрой терапии университета профессор Марион Ионович Крикштопайтис. Я встречался с ним неоднократно на различных научных форумах, он знал направление моей научной и педагогической деятельности, а главное - мы прониклись взаимной симпатией. Я выступал перед сотрудниками кафедры с научным докладом, рассказывал о постановке педагогического процесса на нашей кафедре, знакомился с особенностями учебного процесса на медицинском факультете Вильнюсского университета. Студентам 3-го курса я прочитал две лекции – о диагностике заболеваний желчных путей и кишечника. Эти темы обычно освещаются очень кратко, нередко в течение одной лекции вместе с болезнями желудка и печени. Мне было интересно ознакомиться в Вильнюсе с родными местами моей матери, где она училась в гимназии, посетить г. Каунас (бывший Ковно), курорт Друскининкай, а вместе с врачами больницы побывать в небольшом литовском городке на фабрике по изготовлению лекарственных препаратов и экстрактов из трав и растений. Вильнюс посещал я несколько раз в качестве оппонента при защите диссертаций или участника организуемых здесь конференций. Иногда со мною вместе приезжали с сообщениями и сотрудники нашей кафедры. Со многими литовскими профессорами у меня установились теплые, дружеские отношения, и мы нередко переписывались в дальнейшем. Тем обиднее, что некоторые из них при встречах на международных конгрессах в зарубежных странах после распада СССР были очень неприветливы. Как-то в Кемерово меня спросили: «Книги о диагностике болезней органов пищеварения и о заболеваниях желчных путей (1966 и 1969 гг.) Ваш отец написал?». Многие из моих тогдашних книг были популярны среди практических врачей. Ряд врачей в неофициальной обстановке во время банкетов в Свердловске, Томске, Калининграде и других городах признавались, что представляли меня более старым, а академик Владимир Харитонович Василенко за активное участие в танцах шутливо назвал меня «звездой балета». Это прозвище сопровождало меня несколько лет.

Вкратце хотелось бы остановиться на своем участии в научных конгрессах за рубежом. Из Рязани я впервые выехал на гастроэнтерологический конгресс в Бухаресте в 1967 г. Возглавлял советскую делегацию известный ленинградский профессор Симон

Михайлович Рысс. Он одно время работал у самого И.П. Павлова и много рассказывал о нем по дороге в поезде как о своеобразном человеке, о его оригинальных высказываниях. После конгресса нам предложили участвовать в банкете и уплатить за это по 100 лей. Нам было жаль денег, ибо нам выдали их в Министерстве в ограниченном количестве (тогда меняли всего 30 руб., что доставляло около 240 лей), но отказаться всей делегацией было тоже неудобно. Ужин был отвратительный и почти у всех впоследствии разболелись животы. Однако у нас была возможность беседовать с иностранными коллегами, что в те времена было редкостью. Мы шутили с проф. А.П. Пелешуком, что на сто лей мы не поели, но наговорились - безусловно.

С Анатолием Петровичем Пелешуком, зав. кафедрой терапии в Киеве, мы очень подружились во время этой поездки и позднее выпустили совместную монографию о функциональных заболеваниях пищеварительного тракта.

Запомнилась мне также поездка на конгресс в Болгарию в 1972 году, который проходил на известном морском курорте Солнечный берег. В первый и последний раз я был приглашен за счет средств организационного комитета благодаря содействию крупного софийского профессора Валентина Коларского, с которым я подружился на съездах и конференциях в Москве. В то время мы попутно с гастроэнтерологией и аллергией занимались медикаментозным и диетическим лечением ожирения, о чем я и доложил на этом симпозиуме. Среди многих докладов мне запомнилось сообщение проф. Миллера из Лондона, который проводил наблюдения за студентами, получавшими в течение месяца бесплатное питание. У них были специальные датчики, регистрировавшие теплоотдачу в окружающую среду во время учебных занятий, сна, физических упражнений и даже плавания. Строго учитывался калораж принимавшейся студентами пищи. Большинство из них съедало вдвое больше, чем обычно. При этом одни прибавили за месяц по 2-3 кг, а другие остались при том же весе. Эти исследования подтвердили индивидуальные особенности обменных процессов в организме, о ферментативных механизмах которых и рассказывал докладчик. Я принимал участие и в других конгрессах в Софии и Варне в последующие годы, а с профессором-педиатром И. Недковой-Братановой мы издали в 1978

году совместную монографию о пищевой непереносимости и аллергии.

На конгрессе по гастроэнтерологии в Италии я участвовал впервые в 1994 г. в Бальзано. Самолетом я прибыл утром в Милан и в течение дня обошел основные достопримечательности этого знаменитого города и лишь снаружи полюбовался зданием оперы, а ночью поездом отправился к месту проведения симпозиума. В течение пяти дней пребывания в Бальзано, на севере Италии, мне с двумя московскими профессорами Р.А. Иванченковой и Г.А. Григорьевой удалось съездить на горный курорт Мертано, в Венецию и на родину шекспировских героев Ромео и Джульетты - в Верону. Через два года я побывал с докладом на конгрессе Европейского общества по изучению заболеваний печени в Болонье. Один день я также в порядке личной инициативы посвятил поездке во Флоренцию, где любовался этим городом-музеем с раннего утра до позднего вечера. В Болонье я встретился со своими старыми знакомыми по туристической поездке в 1966 году, т.е. спустя ровно 30 лет с семьей Вито Саккети. Общались мы при осмотре достопримечательностей города и окрестностей с помощью русско-итальянского и итало-русского словарей, а также при участии племянницы Вито, владеющей английским языком. После окончания конгресса я переночевал в семье Саккети, откуда меня доставили в небольшой городок Центо (Cento), посетив по дороге город Феррару с его известным прекрасным королевским дворцом. В Центо проживала семья Bernardi Mauro, который по линии итальянской компартии учился в прошлом в Москве и женился на рязанке Наталье - учительнице английского языка, также обучавшейся в Москве в Институте иностранных языков им. Мориса Тореза. Я привез Наталье письмо и посылочку от матери из Рязани, был очень дружелюбно принят, познакомился с дочерьми и условиями жизни смешанной итало-русской семьи, что было тогда в диковинку. Эта семья выдержала проверку временем, ибо ее стаж был около 15 лет и различия в менталитете нивелировались. Мне показали местные достопримечательности, причем меня больше всего тогда удивляло обилие в маленьком городке всевозможных магазинов, аптек, оптических и парфюмерных лавочек.

В конгрессе по аллергологии в Варшаве я принимал участие в 1988 году, когда еще нужно было разрешение Министерства, но

оно уже не оплачивало командировку. Поэтому меня поместили по моей просьбе на ночлег во врачебный кабинет университетской клиники и мне пришлось самостоятельно заботиться о культурной программе. В дальнейшем, когда у меня установился контакт с зарубежными фармацевтическими фирмами, они мне оплачивали поездки на конгрессы в Болонью, Бальзано, Осло и там я уже чувствовал себя полноценным делегатом. Если в период перестройки мне это удалось три раза, то многие профессора, особенно московские, ездили за счет фирм по несколько раз в год.

На международном конгрессе по гастроэнтерологии в Осло я должен был сам заботиться об осмотре достопримечательностей и решил осмотреть олимпийский комплекс, весьма внушительный. Когда я спросил норвежского профессора во время беседы в кулуарах, как можно кататься на лыжах после работы, если на севере зимой очень короткий день и быстро темнеет, он пояснил мне: «В лесу имеется освещенная 70-километровая лыжная трасса». Я вспомнил, что в последние годы в единственном городском парке Рязани (Горроще) ни один фонарь не горел, якобы из-за экономии электричества. В Осло совершил я туристическую часовую поездку по морю, вдоль скалистых островов, в дождливую ветреную погоду, что напомнило мне о суровой норвежской природе, воспетой в романах Г. Ибсена и музыке Э. Грига.

Наиболее часто мне удавалось принимать участие в симпозиумах по болезням пищеварительной системы, организуемых фондом и фирмой Фалька. Доктор медицины и фармации Герберт Фальк не только выпускал разнообразные лекарства для лечения болезней органов пищеварения, но и организовывал по несколько раз в год симпозиумы по проблемам заболеваний печени и желудочно-кишечного тракта, издавал труды конференций и монографии по этой проблеме. Фальк родился в 1924 году, и в 1994 году широко отмечалось его 70-летие. Он был участником Сталинградской битвы, со стороны вражеской армии, естественно. Тем не менее он хорошо относился к советским людям и всегда приглашал на организуемые им симпозиумы, а накануне Нового года – посылал поздравления и красочные календари. Я заочно был знаком с ним лет 20, когда мы обменивались по его инициативе книгами: я высылал ему книжные репродукции картин русских художников, а он мне материалы своих симпозиумов и другие книги.

После перестройки я смог приезжать на организуемые им

международные симпозиумы. Как-то при встрече я попытался с ним серьезно поговорить о более тесном сотрудничестве, и он спросил меня, на каком языке мы будем говорить – на английском или немецком.

*С Гербертом Фальком
на пике Бисмарка возле Фрайбурга (1998 г.)*

От волнения я забыл все, что знал и начал ужасно путать немецкие и английские слова, хотя до того, в спокойной обстановке я относительно свободно говорил с немцами по-немецки, а с остальными - по-английски. Я тогда впервые за почти сорокалетнюю профессорскую деятельность посочувствовал студентам, которые на экзаменах забывали от волнения многое, что знали. Мне раньше казалось, что этого не может быть. Участников Фальк-симпозиумов, доклады которых принимали не только для устных сообщений, но и в качестве стендовых, т.е. вывешенных на досках материалах, освобождали от уплаты оргвзносов. Сумма их колебалась на разных научных форумах от 300 немецких марок до 600 и более долларов, т.е. была весьма солидной. Кроме того, Фальк обеспечивал участников симпозиума гостиницей, бесплатными обедами и ужинами, организовывал экскурсии по ближайшим достопримечательностям в зависимости от места проведения симпозиума. Так, например, были экскурсии на катерах по озеру, на

автобусах и узкоколейных туристических поездах к замкам и старинным городкам в Швейцарии и Франции, в знаменитый Европарк, мимо виноградников и в горные пещеры.

*На Фальковском симпозиуме: с коллегой
к.м.н. Е.Д. Бондаренко на ужине в
конгресс-холле (г. Фрайбург, 1997 г.)*

В первые перестроечные годы участников Фальк-симпозиумов из СССР и стран СНГ было относительно немного, но затем люди узнали о преимуществах участия в Фальк-симпозиумах и число приглашенных иногда достигало 80-100 человек, не считая многих сотен из других стран

со всего мира. В последние годы, правда, число участников из бывших советских республик заметно уменьшилось, вероятно, вследствие дороговизны транспорта и большей экономии средств со стороны фармацевтических фирм. Мне посчастливилось побывать на Фальк-симпозиумах: дважды в Базеле в Швейцарии, во Фрайбурге, Мюнхене и на курорте **Титизее** в Германии, а также в Эйлате в Израиле, в Санкт-Петербурге.

Особенно большое впечатление оставила у меня поездка после Фальк-симпозиума в Мюнстер в 1993 году. Этот город является городом-побратимом Рязани. К нам нередко приезжали из университетских клиник Мюнстера профессора, специалисты гематологи и педиатры. Они знакомили наших врачей с новейшими достижениями немецкой медицины. Многие врачи рязанской областной больницы приезжали в Мюнстер на рабочие места. Мне посчастливилось получить приглашение от руководителя этих контактов проф. Гильденбрата посетить Мюнстер и ознакомиться с работой его клиник. Я побывал на обходах, в палатах, в лабораториях, операционных, повидел новые тогда для меня методы ультразвукового, эндоскопического, аллерголетического обследования. Между Фальк-симпозиумом в Базеле и пребыванием в Мюнстере мне удалось повидать Кобленц, Трир, Фрайбург, Цюрих. Не надо думать, что я интересовался только достопримечательностями во время этих зарубежных командировок на конгрессы. Я успевал познакомиться со многими стендовыми сообщениями и тщательно изучить опубликованные материалы. Поэтому почти обо всех конгрессах или симпозиумах я публиковал позднее в советских или российских журналах обзоры о новых достижениях в области изучения и лечения ожирения, аллергических и гастроэнтерологических заболеваний. Об этом же я рассказывал обычно на заседаниях терапевтического общества в Рязани, на лекциях врачам на курортах Краинка и Железноводск.

Последние годы работы в Рязани я часто посещал Железноводск, совмещая летний отдых с лекционной деятельностью и руководством диссертационными работами - докторской М.П. Товбушенко и кандидатской А.А. Бучко. Таким образом, зарубежные поездки на конгрессы позволяли совместить полезное с приятным. Не всегда, конечно, удавалось принимать личное участие в научных форумах за рубежом. Во многих случаях посылаемые на конференции или конгрессы тезисы докладов были

опубликованы в их трудах, даже при отсутствии авторов. В большинстве этих случаев удавалось позднее получить изданные книги и ознакомиться с их содержанием. Позднее, уже проживая в Германии и используя огромный накопленный в рязанской клинике материал, я по инерции еще участвовал в научных конгрессах в Мюнхене, Титизее, Вюрцбурге и Гамбурге в Германии, в Маастрихте в Голландии, в Эйлате в Израиле. Однако чувствовал я себя уже не совсем комфортно - не ясно было, какую страну я представляю: с одной стороны материал рязанский, но я уже не российский профессор, а, с другой стороны, еще менее - немецкий, тем более со слабым знанием этого языка. На титульном значке мне писали то Russia, то FRG или Germany - и то, и другое не вполне соответствовало действительности. К концу 2001 года пришлось завершить свое участие в научных форумах за рубежом, однако в России я еще выступал с докладами в Москве, в Рязани и в Томске, приезжая из Германии.

С лекциями в Испании

Во время одного из симпозиумов по аллергологии, а именно в 1976 г. в Сухуми, я познакомился с профессором Альбертом Олингом (Ohling), который заведовал кафедрой аллергологии Наваррского университета (город Памплона) в Испании. Мы обменивались иногда поздравительными письмами к Новому году. Проф. Олинг редактировал международный журнал по аллергологии и клинической иммунологии на английском языке. В этом журнале он опубликовал однажды нашу большую статью об иммунотерапии хронических колитов. Весной 1990 года мы с ним вновь встретились на симпозиуме в Москве, где оба выступали с докладами. Проф. Олинг был весьма приветлив и имел неосторожность пригласить меня к себе выступить с докладом и лекцией. Вначале я подумал, что это совершенно нереально, но затем узнал, что московский профессор Виктор Иванович Пыцкий уже ездил по аналогичному приглашению в Памплону. Я знал, что с английским языком у Пыцкого не лучше, чем у меня, и решил рискнуть - чем черт не шутит, а вдруг действительно удастся поехать в загадочную Испанию, воспетую поэтами и музыкой Бизе, на родину Сервантеса. Я написал проф. Олингу, что хотел бы воспользоваться его любезным приглашением и назвал темы двух-трех сообщений, с которыми я мог бы выступить. Через некоторое

время я получил от него ответное письмо с приглашением приехать на 10 дней вместе с женой. Олинг сообщил также желательные темы моих докладов и указал дату приезда - в конце ноября. Это было уже начало перестройки и по приглашению разрешение на выезд можно было получить значительно легче, чем прежде. В ограниченном количестве можно было обменять рубли на валюту. Полгода я готовил свои доклады вначале на русском, затем на английском языке. Большую помощь мне оказала Нина Ивановна Жильцова - сотрудница отдела иностранной литературы областной библиотеки, с которой я был много лет хорошо знаком по английскому клубу, о котором упоминал ранее. Кроме текста, надо было подготовить множество слайдов, продумать возможные вопросы и ответы на них, отработать по возможности правильное произношение английских слов, В общем, поработать тогда пришлось немало, но цель оправдывала средства, точнее прилагаемые усилия. Случайно в разговоре с родственником Володей Медовым выяснилось, что в Памплоне живет его хороший знакомый Дмитрий Лопатников со своей женой - испанкой Эстрелой. Оказалось, что Дмитрий сейчас в Москве, я повидался с ним, и он предложил погостить у его жены, которой он обещал сообщить о нашем приезде. Исходя из этого, я заказал билеты на Мадрид дней на десять раньше намеченного срока выступлений в Наваррском университете. Заграничные паспорта у нас уже были, а получение визы в испанском посольстве не потребовало больших усилий. Мне кажется, что не потребовалось даже медицинскую страховку приобретать, ведь я был еще относительно "молодым", "здоровым" 70-летним мужчиной. Нет необходимости описывать все трудности транспорта: полет в Мадрид, переезд на железнодорожный вокзал и ночевка там (на четыре часа его полностью освобождают от пассажиров для уборки), приобретение билета на Памплону, поиски квартиры Эстрелы. Добрались мы до большого дома, где жила Эстрела с 4-летним сыном, звоним, но никто нам не отвечает. Мы были в недоумении, что же делать? Я знал, что проф. Олинг в отъезде, и не мог явиться в клинику на 10 дней раньше намеченного срока. Пока мы раздумывали, нас позвала женщина из соседнего дома. На основании жестов, упоминания имени Эстрелы и отдельных английских слов, мы поняли, что нас приглашают войти, располагаться как дома и что сама Эстрела с сыном в отъезде. Хозяйка квартиры жила вдвоем с

мужем в 4-комнатной квартире, а ее дочь со своей семьей жили отдельно. Конечно, это было смело - пригласить посторонних людей прожить у них несколько дней, ибо Эстрела не предупреждала никого о предстоящем приезде гостей. Она и сама не знала точной даты нашего прибытия, поскольку я сообщил о ней лишь Дмитрию в Москве, а он не стал звонить дополнительно в Испанию. Короче, мы прожили у гостеприимных соседей трое суток, общались с помощью словарей, познакомились с их дочерью и зятем, которые даже показали нам некоторые достопримечательности города. Вообще, эта семья оказалась на редкость гостеприимной. Вряд ли в Германии пригласили бы на ночлег и стали бы кормить три дня посторонних людей. Это говорит не только о доброжелательности испанцев, но и о симпатиях в то время к советским людям. У Эстрелы мы прожили в ее 5-комнатной квартире около недели. Эстрела училась несколько лет в Москве, где и познакомилась с будущим мужем. Она свободно владела не только русским, но и английским, и немецким, а французский язык преподавала в университете. Работала она очень много. Дмитрий редко жил в Памплоне, предпочитая работать в Москве, проживая у своих родителей. По утрам я старался по давней привычке бегать, одновременно знакомясь с соседними районами. Однажды я забежал довольно далеко и заблудился, никак не мог найти обратную дорогу, прибежал к центру и оттуда попытался найти дорогу к дому, где жила Эстрела, но среди узких, извитых улиц не мог найти нужную мне улицу, хотя название ее помнил. Встречные, к кому я обращался за помощью, не понимали мой английский, тем более немецкий, или вообще их не знали. После часа безуспешных поисков я встретил священника (ксендза) в соответствующей одежде, который знал английский и пояснил мне правильную дорогу. С тех пор я с уважением отношусь к деятелям церкви, которые в большинстве своем являются высокообразованными людьми.

Центр Памплоны расположен на высоком холме, окруженном валом с остатками крепостных стен. В городе много красивых зданий, католических соборов, магазинов и ларьков. Меня удивило тогда, что на небольшой улице вблизи дома, где мы жили, располагалось 5-6 баров и кафе. Мы посмотрели снаружи на здания двух цирков, где в определенное время устраивают бой быков, а также прошли по улицам, где проходит коррида, когда быков

гонят к месту будущего представления. Надписи названий улиц и на официальных документах в штате Наварра пишутся на двух языках - испанском и баскском, ибо штат находится вблизи Страны басков, и их здесь проживает довольно много. Время от времени баски до сих пор периодически устраивают в Испании террористические акты. В те годы был высок интерес к СССР, где началась перестройка. Эстрела предложила мне выступить с докладом о событиях, происходивших в Советском Союзе, в другом университете города, где она работала, и через знакомого преподавателя-историка хотела организовать эту лекцию. Я, конечно, согласился и несколько часов обдумывал содержание будущего выступления. На встречу с советским профессором, как об этом гласило объявление, собралось к началу моей лекции в 20 часов вечера человек 40-50, преимущественно преподаватели истории, экономики и политологии. Я выступал на русском языке, а Эстрела переводила на испанский. Ректор университета председательствовал во время моего доклада, который вместе с переводом занял около часа. Столько же времени продолжалось обсуждение, точнее, вопросы слушателей и мои ответы. В своем сообщении я очень просто, с позиции обывателя, а не специалиста, рассказал о преимуществах и трудностях жизни людей в период начавшейся перестройки, когда росли цены и был еще всеобщий дефицит. Из заданных мне вопросов запомнились два: «Считаете ли Вы оправданным отказ от достижений социалистического строя в области здравоохранения во имя сомнительных преимуществ капитализма?» и «Отказ от коммунистических идеалов в построении справедливого социального общества, является следствием утопизма самой идеи или ошибок в попытках построения социализма, в ошибочности руководства страной?». Я ответил тогда уклончиво на оба вопроса, ибо правильного ответа не знаю до сих пор. Вероятно, человечеству не дано иметь совершенно справедливое общество, основанное на принципах свободы, равенства и братства. Хорошо было бы объединить все лучшее, что имеется в социалистической и капиталистической системах. Наличие же множества ошибок или даже преступлений в попытках построения социализма в СССР вообще не вызывает сомнений.

После лекции ректор университета пригласил нас с Эстрелой и группой сотрудников в ресторан, который был посвящен уроженцу Памплоны знаменитому скрипачу и композитору Камилло

Сарасате. В городе ему установлен памятник, где он изображен со скрипкой в руках. На стенах ресторана были вывешены его портреты, фотографии, копии нот его произведений, а в фойе стоял бюст великого музыканта. Ужин продолжался до полуночи. Там я впервые попробовал экзотический фрукт авакадо и научился, как его надо есть. За лекцию мне уплатили 300 долларов (!). Сколько же получают наши известные политики и общественные деятели за свои выступления за рубежом?! Впоследствии, когда я читал лекции в Рязани студентам 6-го курса, и иногда они слушали ее невнимательно, я утешал себя мыслью, что мои лекции не так уж плохи, их оценивали в 300 долларов плюс ресторан. К сожалению, это было в первый и последний раз. Четырехлетний сын Эстрелы Даниил понимал по-русски, ибо первые два года жил в Москве, и мать читала ему русские сказки. С нами однако он не хотел разговаривать по-русски, но когда однажды мы хотели его угостить мороженым, он заговорил на чистом русском языке и служил переводчиком в общении с продавцом, ибо Эстрелы не было тогда с нами.

Накануне даты нашего официального приглашения в Памплону я позвонил проф. Олингу, сообщив о нашем прибытии. Он указал гостиницу, где нам предстояло жить и питаться, время встречи в клинике. Нас познакомили с лабораторным и инструментальным оснащением клиники на 100 коек, специализированной для диагностики и лечения аллергических заболеваний. Меня удивило тогда, что амбулаторный прием ведется не в поликлиниках, а непосредственно в клиниках в соответствии с их профилем. Необычным для меня был и распорядок работы врачей и студентов: с 8 до 12 часов, а затем с 16 до 20 часов. В условиях жаркого климата четырехчасовой перерыв в дневное время дня является, по-видимому, обоснованным. Для диагностики аллергии использовалось около 600 различных аллергенов в ампулах, с которыми проводили кожные пробы на спине больных или исследования сывороток крови. Один ящик с набором аллергенов мне подарили, и я привез его в Рязань. Для сотрудников кафедры я сделал доклад о наших результатах лечения больных пищевой аллергией. Различие с клиникой проф. Олинга заключалось в том, что здесь считали достаточным после диагностики характера пищевой аллергии исключать соответствующий пищевой продукт из рациона питания. Мы же применяли, кроме диеты, воздействие

на реактивность больного с помощью антиаллергических медикаментов и других средств - рефлексотерапии, гипоксигенации в барокамере, гемо- и лимфодиализа (выведение из организма соответствующих антител) и других методов. Комплекс лечебных мероприятий мы обосновывали частотой поливалентной аллергии, т.е. не только к пищевым продуктам, но и к различным другим аллергенам (медикаментозным, растительным и пр.). Часовую лекцию студентам об иммунологических нарушениях при заболеваниях пищеварительной системы я начал в 6 часов вечера, причем меня предупредили, что студентам предстоит прослушать еще одну лекцию. До этого основное содержание моей лекции было переведено на испанский язык и отпечатано секретарем кафедры, девушкой по имени Мерседес. Несколько страниц конспекта моей лекции на испанском раздали каждому студенту. Я показывал слайды и кратко их комментировал на английском языке. К концу лекции у меня оставалось совсем немного времени, а следовало изложить еще чуть ли не половину содержания текста. Я отвлекся от своего конспекта и на ломаном английском все же закончил лекцию вовремя. Раздались довольно продолжительные аплодисменты, что для меня было полной неожиданностью, ибо в Рязани это не было принято. То ли здесь это было обычным, то ли студенты хотели оказать внимание гостю, то ли понравилось содержание лекции, хотя скорее всего студенты были рады, что я вовремя закончил свою лекцию. Как бы ни объяснялось происхождение аплодисментов, все равно это доставило радость. Как говорится, пустяк, но приятно.

В семье у проф. Олинга было шесть детей, но все они выросли и жили в других городах Испании, Европы и даже в Америке. Так что в большой 8-комнатной квартире профессора, в которой было несколько туалетов и ванных комнат, проживал он вдвоем с женой. Впрочем, на праздники многие дети приезжали к родителям и ночевали в своих детских комнатах. Пару раз проф. Олинг приглашал меня с женой к себе домой, угощал ужином, причем его вопрос, какую печенку Вы предпочитаете (гусиную, куриную, свиную, телячью, бычью), ставил меня в затруднение. На последние три дня пребывания в Испании Олинг забронировал нам гостиницу с питанием в Мадриде. Его жена Бланка не только проводила нас до вокзала, но и купила билет до столицы, куда поезд доставил нас спустя три часа. Наше пребывание в Памплоне

и в Мадриде оплачивала фармацевтическая фирма, о спонсорстве с которой договорился проф. Олинг.

В течение трех дней мы самостоятельно познакомились с достопримечательностями Мадрида, любовались его великолепными зданиями, королевским дворцом с окружающим парком, памятником Дон Кихоту с Санчо Пансой. Мы посетили знаменитый музей Прадо с великолепными коллекциями картин Гойи, Веласкеса и других испанских и иных всемирно известных мастеров. Это был уже декабрь, город был украшен рождественскими елками, гирляндами огней, красочно оформленными витринами магазинов. Помнится, в одном из центральных универмагов была целая серия витрин, изображающих разные события из жизни Христа, а периодически кланяющаяся фигура Гулливера из цветных электрических лампочек приглашала гостей войти. На улицах продавалось множество елочных игрушек, бенгальских огней, хлопушек, конфетти, цветных воздушных шаров.

Возвратившись в Москву, мы были поражены, насколько возросли цены за время нашего трехнедельного отсутствия. С проф. Олингом я еще долго обменивался новогодними поздравлениями. Пребывание в Испании сохранилось как одно из самых счастливых событий в жизни, и свою признательность я неоднократно выражал проф. Олингу. Хотя он был худощавым, спортивным и примерно моего возраста, ему не удалось избежать распространенной коронарной болезни сердца (стенокардии) с последующей операцией шунтирования сосудов. После нее он чувствовал себя неплохо, продолжал активно работать, но при нашей встрече спустя несколько лет на конгрессе в Москве совершить ответный визит в Рязань отказался.

Начало перестройки

После прихода Михаила Сергеевича Горбачева к власти в качестве Первого секретаря ЦК Компартии Советского Союза в 1985 году начались разговоры о перестройке и новом политическом мышлении. Однако долгое время это были только разговоры, возможно, для подготовки общественного мнения и, в первую очередь, руководящих деятелей страны. Реальным же в этот период было прекращение войны в Афганистане, отмена пункта в Конституции о ведущей роли Коммунистической партии и строгой

цензуры, курс на многопартийность, возвращение академика Сахарова из ссылки в Нижнем Новгороде. В стране в это время возник всеобщий дефицит. Колбаса, сыр, яйца фрукты в Рязани нельзя было купить. Рязанцы шутили, что Москва находится на окраине города, ибо нередко за покупками надо было ездить в Москву.

Мой диссертант В.Г.Голубков проездом в Ленинград, куда он переехал к тому времени из Железноводска, решил проконсультироваться со мной по последнему варианту своей работы. В качестве презента он захватил из Москвы упаковку с яйцами. Предварительно он звонил моей сестре и назвал себя «товарищ с яйцами». С тех пор мы его так и прозвали "товарищ с яйцами". Я, конечно, был в лучшем положении, чем другие, и при необходимости мог обращаться к знакомым деятелям торговли (зав. магазином, зав. продотдела райторга, к директору птицефабрики), но все же это было унижительным и мало украшало честь профессора. Для ветеранов войны стали выдавать специальные карточки, по которым можно было в прикрепленном магазине раз в месяц получить по норме колбасу, чай, крупу, консервы. Вспоминается такой полукомический, полутрагический случай. В связи с командировкой я на два дня опоздал к дате выдачи ветеранского пайка и по предварительной договоренности с зав. магазином получал положенный мне паек позднее. В его состав вошел и кофе, однако, продавщица, посмотрев на список прикрепленных лиц, сказала: «Кофе верните, оно только для инвалидов. Участникам войны положен чай».

Пришлось отдать дефицитный кофе и получить менее дефицитный чай. Я как раз недавно вернулся из Швейцарии, где в Базеле проходил научный симпозиум, а в магазинах на полках было выставлено более десятка различных сортов кофе. Впрочем, нет худа без добра. Этот мелкий эпизод натолкнул меня на мысль оформить себе инвалидность, пока имелись в живых свидетели моей контузии - однополчане и сохранились кое-какие документы.

Начавшиеся экономические реформы правительства Егора Тимуровича Гайдара привели к резкому росту цен и обесцениванию вкладов в сберкассах. Имевшиеся у людей даже скромные сбережения на старость превратились в символическую сумму, ибо цены за короткое время подскочили в тысячу и более раз, особенно на продукты питания, транспорт, стоимость бытовых

услуг. Зарплата и пенсии тоже повышались, но в значительно меньшей степени - примерно, в десяток раз.

В августе 1991 года прокоммунистически настроенные деятели страны создали ГКЧП (государственный комитет по чрезвычайному положению) и попытались изолировать президента СССР М.С. Горбачева, отдыхавшего в Крыму, в санатории ЦК КПСС в Форосе. Несколько дней положение в стране было неопределенным. Я был в это время на отдыхе в Железноводске и с волнением слушал последние известия по радио. Ведущие программы воздерживались от комментариев, предпочитая транслировать классическую музыку. Оказалось, что в Москве против ГКЧП выступили защитники Белого дома - парламента РФ – во главе с Ельциным и свергли ГКЧП при поддержке воинских частей. Три человека при этом случайно погибли. После путча Горбачев отказался от должности Генерального секретаря ЦК КПСС, а его организаторов заключили в тюрьму, но вскоре выпустили на свободу. «Мятеж не может кончиться удачей. В противном случае его зовут иначе», - писал С. Маршак. Поражение путчистов оценивалось в официальной прессе и в выступлениях, политиков как крупный успех демократии. К этому времени был провозглашен государственный суверенитет России, прошли выборы в Верховный Совет Российской Федерации, а **через 2 года** Б.Н. Ельцина избрали Президентом России.

С развитием рыночных, по существу тех же капиталистических отношений, сменилась и идеология. Если в прошлом провозглашалось единство советского общества, воспитывалась идеология и психология советского человека в атеистическом духе, то ей на смену пришло разделение по национальному признаку. Союз советских республик неожиданно распался, а каждая бывшая союзная республика стала суверенным государством. В каждом из них стали провозглашать приоритет национальных и своих религиозных традиций, ограничивать использование русского языка, противопоставлять коренных и приезжих жителей, преимущественно русских. Распались торгово-экономические связи между бывшими республиками, несмотря на создание СНГ (Союз независимых государств).

В самой России стали возрождаться закрытые или разрушенные ранее церкви и православные традиции, а также строиться синагоги и мечети, отмечаться соответствующие религиозные праздники.

Когда-то нас учили, что религия – опиум народа. С другой стороны, человеку нужна вера во что-то, какая-то идеология.

Но для повседневной жизни людей важнее была не духовная, а материальная ее сторона. В этот период разрешили работающим пенсионерам полностью получать как пенсию, так и зарплату, что ранее не разрешалось.

А как же изменилась в условиях перестройки педагогическая деятельность в университете, научная и лечебная работа на нашей кафедре? В университете стали создавать группы платного обучения, куда принимали выпускников школы, сдавших вступительные экзамены, но не прошедших по конкурсу. Студенты, не сдавшие вовремя экзамены, должны были платить при переэкзаменовке. Ввели плату и за обучение в клинической ординатуре. В университете появились иностранные студенты, преимущественно из стран Азии и Африки, оплачивавшие свое обучение. В этих странах признавался советский (российский) диплом, но в некоторых из них требовалось его подтверждение на родине молодых врачей. При защите диссертации у соискателей значительно возросли расходы: оплата печатания авторефератов, приезда оппонентов и др. Кафедрам университета почти перестали отпускать средства на научные цели, сократили и командировки. В то же время без оплаты командировочных поездки на конференции и съезды, в том числе и за рубеж, стали разрешать более свободно. Отменили акты экспертизы при направлении научных статей в печать и издании сборников. В лечебных учреждениях стали внедрять медицинское страхование и всем сотрудникам выдали страховые полисы. Однако в связи с низкой производительностью отечественных предприятий и незначительностью сумм, поступающих в страховую компанию, бесплатные медицинские услуги были в очень незначительном объеме. Стала процветать платная медицинская помощь и официально утвержденная оплата целого ряда диагностических обследований и лечебных процедур (рефлексотерапия, массаж, консультации специалистов и др.). Значительно выросли цены на медикаменты, особенно импортные, которых становилось все больше в ассортименте аптек. Во всех городах, в том числе и в Рязани, стали организовываться медицинские кооперативы. В стационарах стало не хватать средств на приобретения медикаментов, и многие из них больные должны были покупать их самостоятельно.

Ввиду недостатка средств на приобретение аппаратуры и реактивов в научной работе нашей кафедры все большее значение стало приобретать изучение лечебной эффективности различных малоизвестных в нашей стране зарубежных медикаментов. Мне удалось установить контакт со многими зарубежными фирмами, точнее их представителями в Москве. От них я получал бесплатно некоторое количество лекарств для лечения язвенной болезни, заболеваний желчных путей и кишечника, аллергических страданий. Результаты проведенных исследований сообщались соответствующим фирмам, докладывались на Всесоюзных и Всероссийских конференциях, а также организуемых нами в самой Рязани, публиковались в научных медицинских журналах, а иногда и в газетах. С фирмой Фалька мне удалось заключить договор об изучении эффективности нового препарата «Буденофальк», гормонального средства местного воздействия. Эти исследования проводились во многих клиниках бывшего СССР по единой методике обследования и лечения разными дозами препарата двойным слепым методом, когда ни больной, ни врач не знал, принимал ли больной лекарство и его дозу или же сходную по форме пустышку (плацебо).

Нас обеспечили лекарством и плацебо (мы не знали, что есть что) и за проделанную работу выплачивали определенное вознаграждение. На каждого больного с изучавшейся болезнью Крона (своеобразное воспаление кишечника) заполнялась по стандартной форме анкета с результатами обследования до и после проведенного лечения. Представитель фирмы контролировал раз в квартал ход выполнения нами договорной работы, а однажды всех участников этого исследования собрали в Москве, в гостинице Даниловского монастыря для совместного обсуждения всех неясных вопросов. К сожалению, фирма после обработки всех зашифрованных результатов не получила ожидаемых результатов и по существу потерпела убытки. Я же, как и некоторые другие сотрудники - участники этой работы приобрел опыт работы с зарубежной фармацевтической фирмой.

В 1995 году у меня, как и у сына, созрело решение выехать из России за рубеж. Я уже давно достиг пенсионного возраста (76 лет), в институте и на кафедре проходили сокращения, и мне не хотелось бы слышать упреки, что, мол, старик не дает ходу молодым. Переход на пенсию всегда влечет за собой

психологическую травму от утраченного положения, так уж лучше перенести ее в новых условиях. Жаль, конечно, было бросать привычный образ жизни, давно знакомых людей и друзей, родную страну и ее культурные ценности. Но не моя вина, что в стране началась массовая добровольная эмиграция и не воспользоваться предоставившейся возможностью было бы большой ошибкой в жизни и прежде всего в отношении потомков. Как это ни печально, но следует признать, что застой в России надолго, что значительная часть интеллигенции, ученых, спортсменов и артистов, наиболее активных людей стремилась из нее уехать.

С сыном Владимиром и его женой Татьяной

Однако спустя ряд лет в России наступили положительные изменения, как в экономике, так и в демократических преобразованиях.

Особенно заметно это было в Москве, которая внешне стала напоминать западные столицы.

Эпилог

«Итак, исполнен долг... и летопись окончена моя», как сказал классик. Мысленно вновь перед моими глазами прошла вся жизнь с ее тревогами, горечью, заботами, успехами и радостями. Когда-то чувствовал я себя очень счастливым, а нередко - несчастным и обиженным. Но все-таки я старался сдержанно относиться к своим эмоциям в счастливые минуты и оставаться стойким в период неудач, понимая, что все проходит. Когда было трудно, старался найти утешение и облегчение в работе, ибо моя специальность всегда была нужна людям и давала удовлетворение.

Как быстро прошла жизнь! Многие события, прошедшие десятки лет назад, свежи в памяти и волнуют, как будто они были вчера, а другие совершенно забылись. Как звучали слова песни в известном кинофильме «Земля Санникова», - «Есть только миг между прошлым и будущим - именно он называется жизнь». Несомненно, каждый человек является сыном своего времени,

окружающая обстановка, эпоха, современные ему люди оказывают влияние на его судьбу и мировоззрение. Справедливо выражение, что «судьба играет человеком», но не менее справедливым является мнение, что «человек - творец своей судьбы». Все относительно. В неблагоприятных условиях, при определенных обстоятельствах человек ничего не может изменить, не в состоянии добиться большего успеха или вообще обречен. В других условиях многое, безусловно, зависит от самого человека, его усилий, трудолюбия, таланта и... везения.

Счастливым случай играет важную роль в судьбе человека, а иногда даже решающую. Все имеет определенные границы. Исходя из этих соображений и оценивая свою жизнь в целом, можно считать свою судьбу счастливой. Я мог бы оказаться сыном врага народа, и все пути к образованию и карьере были бы закрыты. Я мог бы погибнуть во время войны, как миллионы моих сверстников, или в большей степени пострадать в период сталинской борьбы с космополитами. В более благоприятных условиях можно было бы, по-видимому, добиться больших успехов, как вообще в жизни, так и в науке. Но я искренне старался сделать все как лучше, но... «выше головы не прыгнешь». Самый неблагоприятный период жизни - это старость, но и здесь мне не приходится жаловаться. Существующие и прогрессирующие по мере старения болезни могли бы быть и хуже. Как писал Бернанд Шоу: «Старость это плохо, но это единственный способ жить долго... самое плохое в старости, что она тоже кончается...». Короче, жизнь во всех ее проявлениях есть большое счастье, от самого человека во многом зависит сделать ее насыщенной и содержательной.

Мои дети выросли, обрели свои семьи.

Дочка Анна, окончив в Астрахани в 1968 году медицинский институт, со временем специализировалась в области аллергологии. Она стала ведущим специалистом по лечению этих распространенных заболеваний и ее услугами пользовалось чуть ли не полгорода. Наукой Анна не стала заниматься и в шутку говорила, что ее диссертация - это два сына. Несомненно, она была права. Для женщины сохранение семьи, воспитание детей и активная лечебная работа являлись вполне достаточной нагрузкой.

Старший внук Игнат, родившийся в 1966 году, после окончания медицинского института специализировался в области

патологической анатомии - исследования под микроскопом удаленных тканей организма.

С дочерью Анной в День Победы

Второй сын Анны Евгений успел окончить в Астрахани среднюю школу, затем вслед за братом переехал в Израиль. Позднее, в 1997 году, туда же переехали и Анна с Левою. Со свойственной Анночке энергией она сумела на новом месте наладить быт всей семье, ухаживать за больной матерью и понемногу подрабатывать, несмотря на уже пенсионный возраст. По мере сил Лева помогает ей в домашнем хозяйстве, хотя его возможности ограничены вследствие тяжелой стенокардии (грудной жабы) и перенесенной операции на сердце - аортокоронарного шунтирования (bypass operation).

Сын Владимир, 1951 года рождения, после окончания Рязанского радиотехнического института работал в упоминавшемся выше НИТИ инженером. В течение трех лет он обучался в аспирантуре в Москве, в Институте химической физики Академии наук СССР. По объективным и, преимущественно, субъективным причинам он не закончил диссертационную работу и вернулся на прежнюю работу в НИТИ. После женитьбы в 1978 году на Татьяне Моримой, работавшей там же инженером, у них родились два сына: Антон в 1979 году и Илья в 1986 году. Вся их семья оказалась очень спортивной и увлекается альпинизмом, скалолазанием, горнолыжным и велосипедным спортом. После переезда в

Германию они не изменили своим увлечениям.

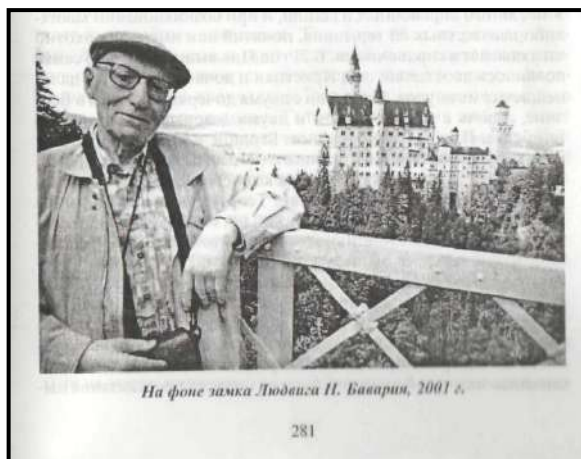

С семьей сына.

Слева направо: старший внук Антон, сын Владимир, А.М. Ногаллер, жена сына Татьяна, младший внук Илья

Внуки продолжили учебу, а Володя и Татьяна со временем

нашли работу по специальности в Мюнхене.

*На фоне замка Людвига II
(Бавария, 2001 г.)*

Тяжелая судьба сложилась у моей жены Мирры. В течение десяти лет она работала в Рязани в мединституте преподавателем, но вскоре после выхода на пенсию серьезно заболела, и диагноз ее болезней долгие годы не могли установить. В конце концов была выявлена "водянка мозга" - редкое заболевание, выражающееся в накоплении жидкости в полостях мозга с последующей атрофией (гибелью) ткани мозга. Проведенная операция, выполненная лучшим специалистом-нейрохирургом в Москве, заключалась в введении дренажной трубки в полость желудочков мозга, тогда как другой конец ее помещался в сосуд, несущий кровь в сердце. Таким образом, создавался искусственный отток жидкости и снижение давления на мозговую ткань. Положительный эффект операции сохранился, к сожалению, лишь несколько лет.

Второй мой брак продолжался около 8 лет и распался после моего отъезда в Германию.

*С сотрудниками кафедры при
очередном посещении Рязани
(2010)*

В г. Бамберг моей женой стала коренная немка - Пия Нойманн (полное ее имя Pia Helga Irene Neumann). Она родилась в Берлине в феврале 1930 года в семье кустара-сапожника. В дальнейшем отец Пии стал мастером по ортопедической обуви, завел собственное дело, или малое предприятие, включавшее также массаж, водные и косметические процедуры и на котором работало около десятка

человек. Короче, он из бедных рабочих превратился в предпринимателя-собственника, что типично для послевоенной Германии и ее «экономического чуда» и противоречит теории Маркса о непримиримой классовой борьбе. Кто был ее отец - угнетаемый пролетарий или капиталист-эксплуататор? Не все так просто, как нас учили в школе и на кафедре марксизма-ленинизма. Имя Пия происходит от латинского слова Pius - благоверный, благочестивый. Отсюда имена Римских пап - папа Пий, от первого до двенадцатого. Мать Пии умерла от послеродового осложнения при рождении второй дочери, когда Пии исполнилось пять лет. Впоследствии отец женился и в семье появилось еще двое детей. Пия была старшей из четырех детей и, естественно, в семье мачехи ее особенно не баловали, а обязанностей по дому у нее было достаточно. Если добавить трудности послевоенного времени в разрушенном Берлине, то окончание школы можно считать большим успехом, а о высшем образовании нельзя было и мечтать. Однако Пию отличают природный ум и любознательность. У нее много справочных изданий, и при возникновении каких-либо неизвестных ей терминов, понятий или имен, она охотно заглядывает в справочники. В 21 год Пия вышла замуж. В семье появилось двое детей: сын Кристиан и дочь Клаудиа, а в дальнейшем семь внуков. Кристиан с двумя дочерьми остался в Берлине, а дочь с мужем, сыном и двумя девочками оказалась в Бамберге. Пия жила в Западном Берлине и работала в разное время косметологом, бальнеологом (Bademeisler), маникюрой. Овдовев в 1996 году, она переехала к дочери в Бамберг, где вскоре и произошло наше знакомство. Теоретически мы могли бы встретиться в Берлине и 50 лет назад, но, если бы кто-либо сказал мне, указав на 15-летнюю девушку, что она будет моей женой, это показалось бы неуместной шуткой, но в жизни встречаются самые невероятные вещи и события. Кстати, в 1941 г. вскоре после нашей с Миррой женитьбы нам встретила цыганка, предлагавшая нам погадать по ладоням. Мирре она нагадала долгую жизнь, а мне... - наличие трех жен. Это показалось нам невероятным, тем более уже началась война. Мы посмеялись над «этой чушью».

А через полвека предсказание цыганки оправдалось, и я о нем вспомнил. Вероятно, у гадалки все же был какой-то экстрасенсорный талант, или это случайность? Вначале ко мне было несколько настороженное отношение: все же русский, о

которых у немцев оставались еще со времен войны не совсем добрые воспоминания, как о бывших врагах, к тому же еще еврей. Однако вскоре все предубеждения отпали, как у проживавших в Берлине сестры и сына Пии, так и у дочери, а внуки вообще стали встречать меня очень приветливо и ласково. Зять Пии, по имени Стефан, 45 лет, много сделал для благоустройства моей квартиры, а также предоставил в мое распоряжение компьютер, обучил меня пользоваться им, а также Интернетом. Он может быть эталоном немца-труженика.

Проф. А.М. Ногаллер с сотрудниками вуза(2010)

По образованию инженер, Стефан работает в телефонной фирме «Телеком» с 7 утра до позднего вечера, а нередко и дома с компьютером. Приобретя в рассрочку двухэтажный и недостроенный дом, он своими руками отремонтировал все комнаты, а их десять, провел электричество и водопровод, благоустроил сад. Он один содержит семью из пяти человек, ибо жене Клаудии хватает забот с тремя детьми, домом и садом.

В характере Пии много типично немецких особенностей: она очень экономна и боготворит пунктуальность и переживает за малейшее опоздание. Так, если обед по режиму должен быть в 13 часов, а приглашенный сын с семьей или другие гости

задерживаются на четверть часа, то она уже переживает и сильно огорчается. Это же относится к ужину – в 19 часов и никак не позже. Готовить обед Пия любит, умеет вкусно приготовить различные национальные блюда. Пия строго придерживается инструкций, например, в отношении срока годности употребления йогурта, фруктов или других продуктов или лекарств - если даже на один день просрочено, то она выбросит, но принимать не будет. Она любит планировать все заранее - посещение врача, прием или посещение гостей, экскурсии или другие мероприятия. Внезапный приход знакомых рассматривается чуть ли не как катастрофа не потому, что нечем угостить (всевозможные запасы у нее имеются на неделю и больше), а потому, что это может нарушить запланированную ею работу. Пия всегда занята, у нее множество срочных дел и дефицит времени. Все намечаемые на месяц мероприятия она тщательно записывает в специальный календарик. По характеру Пия является женщиной властной и в отношении своего ведения хозяйства критических замечаний не переносит, как, впрочем, и любая женщина. Опыт жизни научил меня не обращать внимания и не придавать значения всяким мелочам, всегда находить разумный компромисс. Как часто в молодых семьях незначительные проблемы, главенства в их решении и неумение находить компромиссы являются причиной долгих ссор и даже разводов. К старости люди становятся, если не умнее, то терпимее. Я научился уважать многолетние привычки Пии, а она считается с моими привычками и потребностями. Если для меня забота и любовь Пии являются на старости лет особенно важными, то и для нее иметь мужа - немаловажное обстоятельство. Как бы ни были хороши дети, но у них своя жизнь и свои, отличные от родительских, интересы, радости и заботы. Пия любит экскурсии в разные города и страны, чего она в прошлые годы была лишена. При знакомстве с чужими людьми во время этих поездок и объясняя мой плохой немецкий язык русским происхождением, она неизменно сообщала, что я профессор. Это как бы добавляло имидж и ей, и мне, ибо к врачам, а тем более к профессорам в Германии испытывают большое уважение. Эти воспоминания я смог написать, благодаря созданным Пией в доме покою, порядку и ее заботе обо мне.

*С Пией Нойманн.
Бамберг, Германия, 2001 г.*

Проф. А.М. Ногаллер с проф. М.А. Бутовым и к.м.н. В.Б. Ардатовой во время очередного приезда в Рязань

Итак, да здравствует жизнь во всех ее проявлениях, следует ценить каждую человеческую жизнь, да и не только человеческую, а все живое - высшее творение природы. Будем жизнелюбами!

«Vivat halilus vitae! Ave pia anima!»- «Да здравствует благо жизни! Пусть блаженствует душа!»

И еще одно латинское выражение: «Noc est vivere bis, vita posse priore frui» - «Уметь наслаждаться прожитой жизнью - это значит жить дважды».